ГУЗАРАТСКІЯ СУЛТАНШИ,

ИЛИ

СНЫ НЕСПЯЩИХЪ ЛЮДЕЙ,

МОГОЛЬСКІЯ СКАЗКИ.

СОЧИНЕНІЯ Г. ГІОЛЬЕТТА.

Переведены съ Французскаго языка.

ТОМЪ III.

Изданіе третіе.

МОСКВА.

ВЪ Типографіи Компаніи Типографической,

1788.

ВЕЧЕРЪ XXXII.

Продолженіе исторіи о Цымъ-Алцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ, и о Цендегрудѣ, Принцессѣ Самаркандской.

Предвѣщаніе Календерово тронуло Принцессу столь много, что до ге время не могла изъ крайняго удивленія выттти. Она дала ему сто золотыхъ, и заперщись въ свой кабинетъ, предалась удовольствію зрѣть то, что предсказанія сего старца съ чувствіями сердца ея совершенно согласовались; и какъ она препятствіемъ своего благополучія должна была страшиться только своей вспыльчивости къ гнѣву, то обѣщалась стараться о побѣжденіи себя во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ сильная сія страсть возхочетъ овладать ея душею.

Между тѣмъ, какъ Цендегруда толь пріятныя размышленія чинила, Царевна, мать ея, упражняющаяся единственно во отмщеніи, помышляла только о пріуготовленіяхъ жестокой войны съ Касгарскимъ Султаномъ. Вспомоществуема будучи храбрымъ Эдрисомъ и многими Принцами, ищущими брака Принцессина, не сомнѣвалась въ побѣдѣ ни мало. Однимъ вечеромъ, когда разговаривала она съ ними, какимъ образомъ намѣрена она напасть на Султана, тогда одинъ изъ сихъ Принцовъ хвастовалъ, что онъ одинъ въ состояніи опустошить съ войсками своими

земли Фрайдуновы; другой обѣщалъ принести къ ней вскорѣ голову сего Государя; самый же скромнѣйшій изъ всѣхъ увѣрялъ, что онъ отца и сына приведетъ въ оковахъ къ ногамъ Султанши, и сдѣлаетъ ее властительницею ихъ судьбины.

Хотя страсть Царевнина заставляла ее внимать всѣмъ симъ хвастовствамъ съ великимъ удовольствіемъ; однако примѣтила, что мой господинъ, который глубокое наблюдалъ молчаніе, казалось насмѣшливымъ лицемъ презиралъ гордыми обѣщаніями сихъ Принцовъ. Что же скажетъ на сіе храбрый Эдрисъ? промолвила она. Ничего, милостивая государыня! отвѣтствовалъ онъ усмѣхнувшись. Естьли сіи Принцы намѣренія свои исполнятъ, то вспомоществованіе мое вамъ совсѣмъ безполезно, и мнѣ кажется, что я только лишь имъ въ глаза глядѣть буду. Однако, милостивая государыня! когда позволено мнѣ объявить вамъ, что о томъ думаю, то скажу, что Касгарское государство не столь легко завоевать можно; и сколь бы ни велики какъ ваши, такъ и всѣхъ сихъ Принцовъ силы были; однако совѣтую не упустить ничего, что въ такомъ предпріятіи можетъ вамъ быть полезно. Повѣрьте мнѣ, что я Фрайдуна знаю; въ храбрости, въ мужествѣ, въ искусствѣ и въ великодушіи не уступаетъ онъ ни одному на свѣтѣ Государю. Сына его Цемъ-Алцамана видѣлъ я самъ въ дѣйствіи, и смѣю Ваше Величество увѣрить, что онъ весьма неустрашимъ, и что во время сраженія можетъ привесть въ ужасъ и самыхъ мужественныхъ.

Карибшакъ, одинъ изъ Принцовъ, будучи въ Принцессу всѣхъ болѣе влюбленъ, взглянулъ тогда на Эдриса такимъ суровымъ образомъ, который гнѣвъ его изъявлялъ довольно. Мнѣ кажется, сказалъ онъ ему, что ты толь чрезмѣрными похвалами, приписываемыми тобою непріятелямъ Царицынымъ, хочешь насъ испугать; но знай, что мы не только ни мало ихъ не страшимся, но еще нѣтъ изъ насъ ни одного, которой бы ихъ себѣ предпочиталъ, и не мнилъ въ состояніи разрушить такого Государя, котораго храбрость и силы толь неумѣренно превозносишь.

Я прошу Царицу о извиненіи меня въ моемъ чистосердечіи, сказалъ на то Эдрисъ; я почелъ за должность открыть ей такія истинны, которыя испыталъ самъ собою. Сіе ни мало не препятствуетъ мнѣ сохранить ревность мою къ ея услугамъ; я уже показалъ ей того опытъ. И когда мы будемъ въ походѣ противъ ея непріятелей, то посмотримъ, кто устремится на нихъ съ большею храбростію, тѣ ли, которые ихъ хвалятъ, или тѣ, кои ихъ презираютъ? Таковыя рѣчи начали разпалять Принцовъ такъ, что Царица увидѣла себя принужденною употребить при томъ власть свою. Принцы! сказала она имъ, я увѣрена, что Эдрисъ ни мало не намѣренъ васъ раздражить; онъ говоритъ согласно съ тѣмъ, что онъ видѣлъ, и потому прошу васъ не разпаляться напрасно противъ такого человѣка, отъ котораго толь великія услуги получила, что не могу за

то возблагодарить ему достодолжно. Помышляйте лучше о скорѣйшемъ приближенiи вспомогательныхъ войскъ вашихъ, и согласитесь всѣ вмѣстѣ къ разрушенiю достойнаго ненависти моей врага.

Между тѣмъ, какъ Принцы отправились сами въ путь для поспѣшенiя приходомъ войскъ своихъ къ Касгарскимъ границамъ, Кобадъ, возъимѣвшiй къ господину моему отмѣнное почтенiе, хотѣлъ привлечь его къ себѣ гораздо сильнѣйшими дружбы оковами. И какъ у него была только одна дочь чрезмѣрной красоты, то предложилъ Принцу, не желаетъ ли онъ имѣть ее своею супругою? Никогда еще никто не находился въ таковомъ смущенiи, въ каковое Эдрисъ приведенъ былъ симъ предложенiемъ. Тайное его обязательство съ Принцессою Самаркандскою не позволяло ему принять оное; но не могъ онъ ему отказать, опасаясь раздражить смертельно такого Принца, который, зная его только по хорошимъ его дѣламъ, давалъ ему такую Принцессу, кою имѣть своею супругою поставилъ бы себѣ за честь и самый сильнѣйшiй Государь восточный. И такъ принужденъ онъ былъ скрывать свое неудовольствiе, и не отвѣтствуя ему ничего положительнаго, прибѣгнулъ къ обыкновенной своей учтивости, и принялъ предложенiе Кобадово съ великимъ почитанiемъ, намѣрясь увѣдомить Принцессу, какъ возможно поскорѣе, о плачевномъ своемъ состоянiи.

Кобадъ, почитая, что Эдрисъ на то конечно согласился, побѣжалъ изполненъ радостiю

къ

къ Царицѣ, которая тогда съ Цендегрудою въ кабинетѣ своемъ сидѣла. Милостивая государыня! сказалъ онъ ей, павъ къ ней въ ноги, Эдрисъ показалъ Вашему Величеству и всему государству толь великія услуги, что всякаго награжденія достоинъ. Попеченіе сіе принялъ я на себя; нашелъ средство обязать его вамъ навѣки, лишить тѣмъ ревнивости Принцовъ, и поставить его главою надъ вашими войсками, такъ что они на то ни мало роптать не могутъ. Какое толь полезное средство изыскалъ ты? прервала рѣчь его Царица. Я теперь, продолжалъ Кобадъ, для вашего удовольствія предлагалъ ему дочь мою Принцессу Дарежану въ супруги; онъ, казалось, принялъ то съ великою учтивостію, и я изъ глазъ его могъ примѣтить толико благодарности за оказываемую мною ему честь, что долженъ самъ себя хвалить весьма много, что сего младаго Героя могу имѣть зятемъ, естьли Ваше Величество на выборъ мой согласитесь.

Любезный братъ! сказала на то Самаркандская Султанша, хотя племянница моя и можетъ требовать знатнѣйшаго супруга; однако думая, что избираемой тобою преимуществуетъ предъ тѣмъ достоинствами и храбростію, не могу опорочить такой выборъ, который бы и для Принцессы, моей дочери, конечно сама я учинила, естьли бы Эдрисъ былъ такого состоянія, кое бы дозволяло ему о томъ стараться. Я еще чрезмѣрно радуюсь, что ты толь благородныя мысли имѣешь, и почитаешь болѣе истинную добродѣтель, нежели великіе титулы, которые

часто бываютъ лишены потребныхъ къ сохраненію оныхъ достоинствъ. Сколь ни великою скорбію произалась Цендегруда толь неожидаемою вѣстію, однако почла за непристойность наблюдать притомъ молчаніе. Государь! сказала она, я слыхала, что Эдрисъ чувствуетъ сильнѣйшую страсть къ одной особѣ, коею и онъ взаимно любимъ весьма горячо, и все свое благополучіе поставляетъ въ томъ, чтобы съ нею быть соединенну; и такъ точно ли вы увѣрены, что онъ на предложеніе ваше соглашается чистосердечно? Естьли бы я не былъ въ томъ удостовѣренъ, сказалъ Кобадъ, то бы отъ Царицы не просилъ на бракъ сей соизволенія; и естьли онъ влюбленъ, то страсть сію чувствуетъ конечно къ Принцессѣ Дарежанѣ, моей дочери, потому что я многократно примѣчалъ, сколь пріятно ему съ нею свиданіе; а притомъ и дочь моя кажется прельщается его красотою и мужествомъ, почему почелъ за долгъ соединить два толь склонныя ко взаимной любви сердца. Не сомнѣваюсь, чтобы Эдрисъ въ сіе время не съ нею былъ вмѣстѣ, и не изъявлялъ ей своего удовольствія, которое онъ отъ меня скрывать старался, когда объявлялъ ему толь неожидаемое щастіе.

Хотя Кобадъ, льстясь, что господинъ мой принялъ предложеніе его съ особливымъ удовольствіемъ, отвѣтствовалъ такъ Цендегрудѣ безъ всякаго умысла; однако Принцесса принуждена была прибѣгнуть къ своему мужеству, чтобъ сокрыть смертельную язву, которую она сею вѣстію

стію получила отъ своего дяди. Но сколь въ великую пришла она ярость, когда пошедъ въ свой покой чрезъ залу, увидѣла Эдриса, стоящаго на колѣняхъ предъ Принцессою! Взоръ сей усугубилъ гнѣвъ ея; она пробѣжала въ свой покой, не удостоя господина моего ни единымъ взглядомъ; предалась всему тому, что въ ней жесточайшее мщежеланіе произвесть могло. Какъ! вскричала она, невѣрный Эдрисъ мѣняетъ меня на Дарежану? тотъ, котораго я предпочла толико великимъ Принцамъ! тотъ Эдрисъ, которому надлежало положить къ ногамъ моимъ корону Касгарскую, ничто иное, какъ неблагодарный, который мною самому первому блеску сіяющаго щастія жертвуетъ! Нещастная Цендегруда! вотъ плоды глупаго твоего легковѣрія и скорости, съ которою ты рѣчамъ дерзскаго обманщика повѣрила. Ахъ, извергъ неблагодарности! возможно ли, чтобы, имѣя такія подлыя мысли, былъ ты рожденъ Принцомъ! Вскорѣ накажу тебя за причиненное мнѣ оскорбленіе.

Между тѣмъ, какъ Принцесса Самаркандская въ толь ужасномъ смятеніи находилась, невольница, которая обыкновенно вводила моего господина иногда къ ней въ покой, взошла къ ней съ нимъ вмѣстѣ. Сей Принцъ въ толь жалостномъ состояніи находился, что, не примѣтя безпокойства Принцессина, бросился къ ногамъ ея, и началъ предъ нею изъясняться, какимъ образомъ принужденъ онъ былъ принять предложенія Кобадовы, и что Принцесса Дарежана находи-

ходилась тогда въ обморокѣ, когда она чрезъ залу проходила, и потому долженъ онъ былъ по необходимости ее поддерживать и проводить ее въ ея покои. Но Цендегруда не дала ему времени докончать рѣчь свою, встала со стула съ пылающими яростію очами. Измѣнникъ! вскричала она, какъ могъ ты толикое возъимѣть дерзновеніе, чтобы предъ меня еще показаться? Нещастный незнакомецъ! оставь меня немедленно, являй другой мерзскія свои измѣны; ищи союза сходнѣйшаго съ такимъ чудовищемъ, какъ ты самъ, и не показывайся никогда глазамъ моимъ, естьли не хочешь того, чтобы въ крови твоей омыла причиненное тобою мнѣ оскорбленіе. По сихъ съ толикою яростію произнесенныхъ словахъ Принцесса, не хотя позволить Эдрису отворить уста къ своему оправданію, ушла въ заднюю комнату, и заперла дверь оной съ поспѣшностію.

Ничто не могло уподобиться удивленію Принцову. Онъ не зналъ, что Кобадъ уже видѣлся съ Царицею, и чаялъ, что принесетъ Принцессѣ такую вѣсть, которая причинитъ ей толико же безпокойства, какъ и ему самому; но пронзенъ будучи отъ толь неожидаемаго пріема смертельною скорбію, удалился изъ дворца, не зная точно причины своего нещастія, и возвратился въ жилище свое въ достойномъ сожалѣнія состояніи, которое насъ въ немалое привело смятеніе. Принцъ, бросившись на софу, которую омочилъ слезами своими, хотѣлъ было изъяснить мнѣ причину своей скорби, какъ вдругъ

услышали,

услышали, что кто-то у дверей стучится. Я побѣжалъ къ оной, отворилъ, и увидѣлъ невольника, который обыкновенно хаживалъ къ нему отъ Принцессы. Онъ подалъ ему письмо, содержащее въ себѣ сіи слова:

Не предпринимай, невѣрный! передо мною оправдаться; выѣзжай немедленно изъ Самаркандіи, и не принуждай меня употребить противъ тебя всю мою ярость; страшись ее, когда только остается въ тебѣ хотя единая тѣнь добродѣтели.

Господинъ мой приведенъ былъ толь строгимъ письмомъ въ такое удивленіе, что съ горчайшей печали чуть было не лишился жизни. Скажи Цендегрудѣ, отвѣтствовалъ онъ невольнику, что я по повелѣнію ея исполню, сколь оно ни несправедливо. Тогда, стѣсняясь несноснѣйшею скорбію, палъ паки на софу, и болѣе получаса пробылъ безчувственъ. Я съ другимъ моимъ товарищемъ проливали слезы, и старались подать ему всевозможное вспомоществованіе, чтобы онъ съ памятію собрался; но чуть только пришелъ онъ въ себя, какъ схватя опять письмо Принцессино, которое было онъ уронилъ, и которое прочесть имѣлъ я время, повелѣлъ мнѣ приготовить для него лошадей, дабы на самомъ разсвѣтѣ оттуда удалиться. Я исполнилъ его повелѣніе, и мы, сѣвъ на лошадей, оставили Самаркандію, не зная, какой путь предпріимемъ; однако Принцъ, разсудя, что Султанъ, родитель его, возъимѣетъ въ немъ скоро нужду, пустились мы къ Касгару.

Естьли

Естьли Ценлегруда приведена была жестокимъ своимъ рокомъ въ чувствительнѣйшую печаль, то статься можетъ, что скорое послушаніе Принца привело ее въ себя паки, и что, познавъ тѣмъ, сколь безразсудно она съ нимъ поступила, вскорѣ начала раскаяваться, что совѣту престарѣлаго Календера не послѣдовала; но уже помочь тому было не можно. Какъ она только одна знала причину отъѣзда Эдрисова, то не хотѣла объявить оную Султаншѣ, своей матери, и Кобаду, которые о немъ въ крайнемъ безпокойствѣ находились, тѣмъ наипаче, что Принцы, кои съ ними союзны были, прислали объявить Царицѣ, что войско уже приближается къ границамъ Касгарскимъ.

ВЕЧЕРЪ XXXIII.

Продолженіе исторіи о Цемъ-Алцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ, и о Цендегрудѣ, Принцессѣ Самаркандской.

Фрайдунъ, увѣдомясь, что армія Царицына и ея союзниковъ приближается къ землямъ его, старался всячески не допустить ихъ до того, чтобы они на него внезапно напали. Зная тайные умыслы Аль-Альмы, чтобы навлечь на него непріятелей, содержалъ всегда на границахъ своихъ цѣлую армію въ готовности; обезпокоивало же его только отсутствіе Принца Цемъ-Алцамана. Отдаленіе сына, толь необходимо надобнаго, наполняло духъ его горестію; и зная его добросердечіе, опасался, не лишился ли онъ его навѣки какимъ плачевнымъ случаемъ. Между тѣмъ,

тѣмъ, разположа лагерь свой такимъ образомъ, что могъ прекраснымъ положенiемъ мѣста пользоваться, ожидалъ съ неустрашимостiю прибытiя войска Царицы Самаркандской. Для меня было бы весьма трудно, естьли бы захотѣлъ описать вамъ подробно такое сраженiе, о которомъ нѣсколько приключенiй знаю по словамъ, мною о томъ слышаннымъ. Довольно того, милостивая государыня, что армiя Царицы, соединенная съ войсками, приведенными къ ней Принцами, состояла почти изо ста тысячь человѣкъ, что у Фрайдуна было войска не болѣе семидесяти тысячь, и что, не смотря на сiе неравенство, не устрашился дать ей баталiю. Вскорѣ покрылось поле мертвыми тѣлами. Ручьи наполнялись кровiю; стонъ и крикъ раненыхъ и умирающихъ раздавались по воздуху; то Фрайдуновы воины преклонялись силѣ непрiятельской, то войска Царицыны въ бѣгъ обращались; безпорядокъ и смятенiе начали въ обѣихъ армiяхъ являться. Уже болѣе двухъ часовъ сражались, не зная, которая сторона одолѣваетъ, и Принцы, нетерпѣливо желая показать мужество свое предъ Аль-Альмою и Цендегрудою, производили такiя дѣла, что можетъ быть обратили бы побѣду на свою сторону, когда Фрайдунъ покрытъ весь кровiю враговъ своихъ, сразясь съ Карибшакомъ, обратилъ на себя и прочихъ Принцовъ, которые рвались другъ предъ другомъ лишить его жизни. Сколь ни великое мужество Государь сей оказывалъ; однако почти не возможно было, чтобы толико непрiятелей, жаждущихъ только одной его крови, его не преодолѣли, какъ вдругъ увидѣли

дѣли пришествіе къ нему на помощь трехъ тысячъ конныхъ всадниковъ, предводительствуемыхъ человѣкомъ, въ черной одеждѣ облеченнымъ и съ покрытымъ фатою лицемъ. Войско сіе, вступя во фрунтъ съ чрезвычайнымъ стремленіемъ, привело Царицыну армію въ безпорядокъ. Принцы и Карибшакъ старались другъ предъ другомъ окончать сраженіе смертію Султана Касгарскаго, и одинъ изъ нихъ, наскакавъ на него сзади, взмахнулся уже, чтобы срубить съ него голову, какъ новый сей воинъ, премѣнившій сраженіе, прискакалъ къ нимъ съ чрезвычайною скоростію, отрубилъ руку у сего Принца, убилъ изъ нихъ еще двухъ съ двухъ разъ, и подобно громовой стрѣлѣ, или по крайней мѣрѣ чему страшнѣйшему, нежели смертному, порубалъ все, что ему на встрѣчу ни попадалось. Тогда всѣ его всадники вѣщали всюду имя Принца Цемъ-Алцамана, которое внушало въ воиновъ Султана Касгарскаго толикое мужество, а во враговъ его толикій страхъ и ужасъ, что сіи послѣдніе тотчасъ въ бѣгъ обратились.

Только одинъ Карибшакъ остался на мѣстѣ; и сколько ни прилагалъ усилія къ побужденію войскъ своихъ къ храбрости, однако Цемъ-Алцаманъ наступилъ на нихъ столь мужественно, что Принцъ сей былъ принужденъ слѣдовать за множествомъ и бѣгствомъ спасаться отъ очевидной погибели.

Наступившая ночь возпрепятствовала гнаться за бѣгущими, которые бы конечно всѣ порублены были, и сраженіе продолжилось бы еще нѣсколько

сколько часовъ; но Цемъ-Алцаманъ приказалъ ударить отступный маршъ, столько по причинѣ наступившей ночной темноты, сколько изъ почтенія къ Принцессѣ; пришелъ въ Фрайдуну, который не зналъ, какія ласки оказать такому сыну, коему онъ долженъ былъ жизнію и побѣдою надъ непріятелями.

Легко можно понять, въ какомъ страхѣ Самаркандская Султанша находилась. Окопавшись въ своемъ лагерѣ крѣпчайшимъ образомъ, собрала на разсвѣтѣ совѣтъ, и намѣрилась просить у Фрайдуна миру, чему Карибшакъ всѣми силами сопротивлялся. Милостивая государыня! сказалъ онъ ей, къ чему такъ отчаяваться? Мы бы одержали надъ Касгарскимъ Султаномъ совершенную побѣду, естьли бы Принцъ, сынъ его, нечаяннымъ своимъ прибытіемъ и такою храбростію, о которой безъ удивленія никакъ говорить не можно, не премѣнилъ начатаго нами дѣла. И такъ въ немъ только одномъ состоитъ вся сила и надежда Султана, его родителя; потому и хочу на него возстать; я пошлю къ нему вызовъ на поединокъ. Сколь онъ ни храбръ, однако и я не менѣе мужества чувствую; льщусь смертію его избавить васъ отъ опаснѣйшаго непріятеля, и побѣдою, которую я только одинъ получить чаю, быть достойну Принцессы Цендегруды.

Между тѣмъ, какъ Карибшакъ говорилъ такимъ образомъ, и уже напередъ льстился успѣхомъ въ сраженіи, воздухъ наполнялся радостными кликами о имени Эдрисовѣ. Царица, увѣдомясь

мясь о томъ, и не отвѣтствуя ничего Карибшаку, пошла на встрѣчу къ моему господину, и обнимая его съ горячностію: Эдрисъ! сказала ему, проливая слезъ потоки, естьли бы ты былъ вчера съ нами, то бы войски Фрайдуновы не имѣли надъ арміею моею такого выигрыша, отъ котораго я не могу уже оправиться; но когда тебя паки обрѣтаю, то чувствую, что всѣ надежды мои возбудились снова.

Милостивая государыня! отвѣтствовалъ ей Эдрисъ съ великою учтивостію: необходимо нужныя мои дѣла, для которыхъ я долженъ былъ изъ Самаркандіи удалиться въ то самое время, когда хотѣлъ показать вамъ мои услуги, не могли возпрепятствовать мнѣ возвратиться къ вамъ, какъ скоро допустилъ случай; однако въ сей день поступаю противъ строжайшихъ приказаній, повелѣвающихъ мнѣ отъ двора сего на нѣсколько времени отъѣхать. Но думая, что при таковыхъ обстоятельствахъ могу вамъ быть небезполезенъ, пришелъ, хотя уже и поздно, изполнить все, что вы ни повелите. Въ теперешнемъ состояніи дѣлъ нашихъ, сказала на то Аль-Альма, думаю я, что продолженіе войны не принесетъ мнѣ чести, а особливо, видя себя не въ силахъ вести оную; но прибытіе твое возбуждаетъ мое мужество. Принцъ Карибшакъ предложилъ мнѣ средство, которое мнѣ кажется, только чтобы славу сего предпріятія, отъ котораго щастіе мое зависитъ, раздѣлилъ ты съ нимъ вмѣстѣ. Разумъ его не допуститъ его тому сопротивляться, и я прошу его, чтобы его

и твое имена положены были въ сосудъ; и чье напередъ вынется, тотъ долженъ отважиться на столь же опасный, сколько славный бой. Тогда Царица, почтя удивленіе Карибшаково и молчаніе Эдрисово за знакъ ихъ на то согласія, велѣла написать ихъ имена на двухъ равной величины лоскуточкахъ бумаги, и потрясся оные въ сосудѣ, опустила въ оной руку съ тѣмъ, чтобы вынуть одинъ билетецъ, и посмотрѣть, чье имя стоитъ наономъ. Вынулось имя Эдрисово. Храбрый воинъ! сказала ему Царица съ великою радостію, я знаю, что никакая опасность не можетъ тебя устрашить; сіето самое заставляетъ меня льститься, что не откажешь выйти съ Цемъ-Алцаманомъ на поединокъ, и употребишь всѣ силы побѣдить такого Принца, который для насъ всѣхъ Фрайдуновыхъ войскъ страшнѣе.

Предложеніе сіе, чтобы Эдрисъ бился съ Цемъ-Алцаманомъ, привело господина моего въ такое изумленіе, что нѣсколько минутъ былъ безмолвенъ; а Карибшакъ, пользуясь симъ временемъ, старался показать Царицѣ, сколь много чувствуетъ онъ причиненное ему ею озлобленіе. Милостивая государыня! сказалъ онъ ей, когда въ таковыхъ случаяхъ медлятъ, то сіе явнымъ знакомъ служитъ, что не находятъ себя достойнымъ того выбора, который вы съ обидою моею сдѣлали. Сколь тягостно мнѣ видѣть, что вы предпочитаете мнѣ простаго незнакомца, а можетъ быть и посредственнаго мужества, потому что онъ явился уже послѣ сраженія, въ кото-

ромъ бы могъ показать опыты своей неустрашимости, толь много Принцомъ Кобадомъ похваляемой. Эдрисъ не могъ стерпѣть толь дерзостныхъ словъ. Карибшакъ! сказалъ онъ ему, естьли я вчера не былъ при сраженіи, то ты долженъ вѣрить, что сіе для меня не возможно было; когда бы позволялось мнѣ присутствовать на ономъ, то бы погибъ, или Царица осталась бы побѣдительницею; поносным бѣгствомъ не измѣнилъ бы ей никогда въ данной клятвѣ. Я выйду съ сыномъ Фрайдуновымъ, и могу увѣрить Султаншу, что естьли онъ побѣжденъ быть можетъ, я только одинъ въ силахъ получить желаемую ею надъ нимъ побѣду; и когда то исполню, то покажу тебѣ съ оружіемъ въ рукахъ, что Эдрисъ всегда превосходитъ тебя мужествомъ и породою.

Принцесса Цендегруда, которая при семъ спорѣ также находилась, и до сихъ поръ не смѣла возвесть на Эдриса очи, почла за должность ихъ уговорить. Не въ подобномъ нашему состояніи, Государи, сказала она имъ, должно вамъ спорить межъ собою; соединитесь лучше, чтобы поразить такого непріятеля, коего храбрость умножаетъ нашу ненависть; ищите лучше средствъ, чтобы съ честію могли мы въ Самаркандію возвратиться. Простите мнѣ, милостивая государыня! сказалъ Эдрисъ, что я въ присутствіи Царицы и вашемъ поступилъ съ такою горячностію; но смѣю васъ увѣрить, что оказываемую мнѣ честь съ тѣмъ наибольшимъ удовольствіемъ пріемлю, что она подастъ мнѣ

можетъ

можетъ быть случай доказать, что я не недостоинъ той довѣренности, которую вы ко мнѣ имѣете. Извольте послать отъ меня къ Цемъ-Алцаману вызовъ; и естьли на поединокъ согласится, то завтра на самомъ разсвѣтѣ не премину пріѣхать въ лежащій подлѣ сего лагеря лѣсъ, и тамъ буду ожидать вашихъ и Царицыныхъ повелѣній; а между тѣмъ дозвольте мнѣ употребить остатокъ дня сего ко окончанію одного важнаго дѣла, принуждающаго меня васъ оставить. Чуть только скончалъ Принцъ сіи слова, то, поклонясь Царицѣ, вышелъ изъ ея палатки, и сѣвъ на лошадь, удалился съ поспѣшностію отъ лагеря Самаркандской Султанши.

ВЕЧЕРЪ XXXIV.

Продолженіе исторіи о Цемъ-Алцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ, и о Цендегрудѣ, Принцессѣ Самаркандской.

Принцъ Касгарской, возвратясь въ лагерь своего родителя, находился въ крайнемъ смущеніи. Не зналъ онъ, какимъ образомъ оный оставить, и уже готовъ былъ объявить Султану любовь свою, открыться Самаркандской Царицѣ, и предложить ей о мирѣ и союзѣ его съ Принцессою Цендегрудою, какъ вдругъ пришло ему на память, что между стражами Фрайдуновыми находится одинъ весьма прекрасный и на него похожій юноша, который для сей причины почитаемъ былъ своимъ сотникомъ такъ, что сей называлъ его часто Принцомъ. Цемъ-Алцаманъ намѣрился употребить его вмѣсто себя, и

дожидаться вызову на поединокъ со стороны Самаркандской Царицы. Не болѣе четырехъ часовъ прошло послѣ его прибытія, какъ пришелъ къ нему оттуда вѣстникъ. Проводили его къ Султану, который въ первомъ своемъ движеніи, познавъ причину, его пришествія, пришелъ въ толь сильный гнѣвъ, что было хотѣлъ повелѣть его повѣсить, какъ Цемъ-Алцаманъ, увѣдавъ о его приходѣ, послалъ къ родителю своему съ прошеніемъ, чтобы онъ на требованіе его согласился, представляя ему, что хотя между Эдрисомъ и имъ нѣтъ никакого равенства; однако отказъ сей можетъ привесть его въ безславіе.

Фрайдунъ, исполненный великодушіемъ, не могъ похулить желанія своего сына, и Цемъ-Алцаманъ, повелѣвъ объявить Царицѣ, что на другой день, спустя часъ послѣ восхода солнца, пріѣдетъ посреди лагерей только съ тысячью конными всадниками, и что и Эдрисъ можетъ привесть съ собою толикое же число воиновъ для охраненія своей особы. Какъ скоро вѣстникъ уѣхалъ, то Принцъ послалъ за помянутымъ юношею. Тогруль! сказалъ онъ ему, оставшись съ нимъ на единѣ, дѣло состоитъ въ томъ, чтобы ты оказалъ мнѣ наичувствительнѣйшую услугу, отъ которой благополучіе мое навѣки зависитъ. Тогда, открывъ ему о страсти своей къ Принцессѣ, и какую склонность она къ нему имѣетъ, также и о обязательствѣ его биться подъ именемъ Эдриса съ самимъ собою: ты только одинъ, любезный другъ! примолвилъ онъ, можешь избавить меня отъ сего снѣдающаго

щаго безпокойства. Надѣнь на себя то плащье, вѣ которомѣ я сего дня былѣ вѣ арміи у Аль-Альмы; оно тамѣ очень извѣстно, а особливо по сей алмазной пуговицѣ, которую мнѣ сама Царица подарила. Завтра на разсвѣтѣ поѣжжай на моей лошади вѣ близь лагеря лежащій лѣсѣ, и ожидай тамѣ повелѣнія сей Государыни. Болѣе всего удерживайся отѣ разговоровѣ со всякимѣ человѣкомѣ, естьли то возможно; поѣжжай сѣ присланными кѣ тебѣ отѣ ней воинами на назначенное мною для сраженія мѣсто. Я прїѣду туда вѣ черномѣ вчерашнемѣ моемѣ плащьѣ, и вѣ длинномѣ покрывалѣ, имѣя притомѣ неострыя оружїя, и буду ударять тебя по тѣмѣ мѣстамѣ тѣла, гдѣ раны неопасны. Ты проворенѣ, употребляй противѣ меня все свое искусство, я то тебѣ позволяю; и когда сраженїе наше довольно времени продолжится такѣ, чтобы почли оное самымѣ разпаленнымѣ, то я схвачу тебя поперегѣ тѣла, ударю о землю, и ты сдашься мнѣ вѣ плѣнѣ; я увезу тебя кѣ себѣ вѣ лагерь, откуда, надѣвѣ на себя твое плащье, возвращусь кѣ Царицѣ подѣ видомѣ, какѣ будто бы Принцѣ Цемѣ-Алцаманѣ послалѣ меня туда сѣ тѣмѣ, чтобы о мирѣ стараться.

Тогруль почиталѣ себѣ откровенность Принца за величайшую честь, и потому согласился на предложенїе его безѣ всякаго прекословїя. Препроводя часть дня и ночи вѣ палаткѣ у Цемѣ-Алцамана, вышелѣ изѣ оной по повелѣнїю его прежде восхода солнца, и отправился вѣ назначенный для него лѣсѣ. Ожидая воиновѣ Царицыныхѣ, благодарилѣ судьбину, что подала ему

 толь

толь хорошій случай къ полученію милости и любви своего Государя, какъ вдругъ увидѣлъ себя двадцатью конными всадниками окруженна, которые, наскоча на него, и не давъ ему время къ защищенію своему пріуготовиться, пронзили его безчисленнымъ множествомъ ударовъ, и сбросили его съ лошади въ толь ужасномъ состояніи, что онъ сталъ совсѣмъ обезображенъ. Сіи нещастные смертоубійцы не насытили еще всей своей ярости, какъ въ лѣсу, услыша топотъ лошадиный, разбѣжались по разнымъ мѣстамъ, опасаясь, чтобы ихъ не переловили.

Тогда пришолъ на то мѣсто сотникъ Царицыныхъ стражей съ своею ротою для встрѣтенія Эдриса; но увидя тамъ человѣка въ толь жалостномъ состояніи, заключилъ изъ его лица, роста и одежды, что то храбрый Эдрисъ. Какъ сей былъ любимъ всѣми, то воины наполнили вскорѣ весь лѣсъ своими жалобами, и всюду имя Героя сего гласили.

Принцесса Цендегруда, которой первыя движенія гнѣва были для государства ея толь вредны, потому что лишили его помощи толь неустрашимаго воина, раскаевалась стократно, что извиненію его вѣрить не хотѣла; не безъ прискорбія взирала, какимъ образомъ говорилъ онъ на канунѣ, хотя нѣсколько и непонятно, о показанномъ своемъ ей послушаніи; хотѣлось ей съ нимъ изъясниться, и для сего, сѣвъ на лошадь, выѣхала изъ лагеря подъ тѣмъ видомъ, чтобы осмотрѣть окрестности онаго, и приближилась къ тому лѣсу, гдѣ несомнѣнно чаяла

найти

найти Принца. Жалостные крики, и стократъ съ прискорбіемъ повторяемое имя Эдриса, побудили ее поскакать къ тому мѣсту, гдѣ Тогруль умерщвленъ. Легко понять можно, что она чуть было не прекратила своей жизни, видя, что тотъ, коего она любовникомъ своимъ почитала, лежалъ на землѣ весь окровавленъ и израненъ. Отерла обагренное кровію его лице, и обманувшись сходностію Тогруля съ Принцомъ, пала безчувственна въ руки къ сему сотнику, который былъ причиною, что мерзскіе смертоубійцы разбѣжались. Наконецъ отворила очи, и мня зрѣть въ Эдрисѣ нѣкоторые жизненные знаки, простерла къ нему свою руку: Государь! сказала она ему, обливаясь слезами, извѣсти намъ по крайней мѣрѣ, какія чудовища привели тебя въ толь ужасное состояніе, и будь увѣренъ, что отмщу имъ сильнѣйшимъ образомъ. . . . Тогруль, собравшись тогда нѣсколько съ силами, старался промолвить, и воображая себѣ, что Принцъ котѣлъ ему только измѣнить: Цемъ-Алцаманъ, сказалъ ей слабымъ и прерывающимся голосомъ, Цемъ-Алцаманъ. . . . Болѣе не могъ онъ ничего промолвить, и смерть, лишивъ его въ ту минуту языка и жизни, пронзила Принцессу толь чувствительною скорбію, что она чуть было не прекратила дней своихъ. Какъ! вскричала она, Эдрисъ умерщвленъ жестокосердымъ Касгарскимъ Принцомъ? Ахъ! чудовище, превосходящее и самыхъ тигровъ въ свирѣпости! довольно являешь, что достойный сынъ убійцы моего родителя. Развѣ думаешь, что мерзостная твоя жестокость останется безъ нака-

наказанія? Нѣтъ, любезный Эдрисъ! я за тебя отмщу, или сама погибну. Ты самъ открылъ мнѣ имя твоего убійцы, и Цендегруда не будетъ тѣмъ только довольна, чтобы тебя оплакивать; сія рука, которая не разъ стремилась безъ страха на самыхъ яростныхъ звѣрей, пріиметъ оружіе мести къ погубленію злодѣя, отнявшаго у тебя жизнь. Я тебя, Эдрисъ! любила; не страшусь болѣе, чтобы таинство сіе всѣмъ открылось, и послѣ смерти твоей явлю тебѣ опыты сей страсти. Но для чего отлагать мщеніе? намѣреніе положено, никто не можетъ меня отвратить отъ онаго; Эдрисъ хотѣлъ сражаться съ невѣрнымъ Касгарскимъ Принцемъ; въ сей самой его одеждѣ хочу лишить его жизни, или отмщевая ему, погибнуть со славою. Я запрещаю вамъ, говорила она къ стоящимъ тамъ воинамъ, запрещаю вамъ подъ опасеніемъ моего гнѣва сопротивляться моимъ намѣреніямъ, ниже отвращать меня отъ оныхъ какимъ посторроннимъ образомъ. Шестеро изъ васъ останьтесь здѣсь для стражи сего драгоцѣннаго тѣла, пока не пришлю взять его для погребенія съ достодолжною для него честію; прочіе же слѣдуйте за мною на опредѣленное къ сраженію мѣсто, и никто да не дерзаетъ объявить, что въ одеждѣ Эдрисовой станетъ съ жестокосердымъ Цемъ-Алцаманомъ сражаться Самаркандская Царевна.

Цендегруда являла тогда въ очахъ своихъ нѣчто толь ужасное, что всѣ повиновались ей съ трепетомъ, сняли съ мнимаго Эдриса одежду, Принцесса надѣла на себя оную, и сѣвъ на

лошадь,

лошадь, оставила сей лѣсъ съ изображенiемъ на лицѣ жесточайшей ярости, и прiѣхала на назначенное для сраженiя мѣсто, гдѣ Цемъ-Алцаманъ ожидалъ ложнаго Эдриса съ нетерпѣливостiю.

Стремленiе сильныхъ движенiй, волнующихъ Принцессу, дѣлало ее толь безобразною, что познать ее никакъ не можно было. Увидя Цемъ-Алцамана издали въ покрывалѣ: невѣрный, кричала она, не смѣетъ показать то во очахъ своихъ, что въ сердце у него произходитъ! но вскорѣ отмщу причиненное мнѣ имъ озлобленiе. Тогда, возбудясь жесточайшею яростiю, поскакала во весь опоръ прямо на Принца, и бросилась на него съ великимъ стремленiемъ, что Цемъ-Алцаманъ, не ожидавшiй такого нападенiя, чуть было не спалъ съ лошади. Выхватилъ поспорѣе свою саблю, и отводилъ наносимые на него удары съ великимъ искусствомъ, ударяя соперника своего саблею только плашмя, и то для того, чтобы прежней славы своей не помрачить единымъ себя обороненiемъ.

Между тѣмъ, какъ Принцъ щадилъ своего непрiятеля, ослѣпленная яростiю Цендегруда дала ему толь сильный ударъ, чтобы онъ конечно погибъ, естьли бы по щастiю сабля его, задѣвъ ея лошадь по головѣ, не сдѣлала ей рану, изъ которой кровь брызнула Принцессѣ въ лице. Тогда опасаясь, чтобы сей опасно раненый звѣрь не взбѣсился, соскочила она поспѣшно на землю; а Принцъ, радуясь, что мнимый его Тогруль въ такомъ находится состоянiи, что сраженiе окон-

чать можно, такЪ какЪ то они согласились, соскочилЪ также сЪ своей лошади, и приближился кЪ нему, чтобы схватить его поперегЪ тѣла; но Принцесса бросилась на него сЪ такою яростію, что не могЪ уклониться отЪ данной ему вЪ лѣвую руку раны. ЦемЪ-АлцаманЪ, удивленный стремленіемЪ ложнаго Эдриса, не зналЪ, что заключить изЪ упорства, сЪ коимЪ онЪ защищался, какЪ Цендеруда показала ему поносными своими укоризнами, что онЪ не противЪ Тогруля сражается. Кто бы ты таковЪ ни былЪ, сказалЪ онЪ тогда, знай, сколь то для тебя вредно, что вывелЪ меня изЪ такого заблужденія, которое могло спасти жизнь твою. По семЪ, схватя ее поперегЪ тѣла сЪ чрезмѣрною силою, ударилЪ ее о землю, и хотѣлЪ уже отрубить ей голову, какЪ челма сЪ нее спала, и предлинные ея волосы по плечамЪ ея разпространились; онЪ отерЪ окровавленное лице ея, и узрѣлЪ, что врагомЪ его была Самаркандская Царевна.

Толь неожидаемое удивленіе умножилось еще болѣе тѣмЪ, что Цендеруда, держа еще вЪ рукѣ саблю, прилагала всѣ свои силы пронзить его оною вЪ сердце; онЪ мнилЪ, что Принцесса его узнала; удержалЪ ея руку, и говорилЪ такЪ: ахЪ, милостивая государыня! какая толь жестокая ненависть влечетЪ васЪ кЪ толикимЪ крайностямЪ противЪ ЦемЪ-Алцамана? Естьли ЭдрисЪ заслужилЪ вашЪ гнѣвЪ, то за то уже довольно наказанЪ. Вмѣсто сего виновнаго Эдриса, котораго уже нѣтЪ болѣе, примите супругомЪ своимЪ

своимЪ Принца Касгарскаго, который васЪ обожаетЪ; вЪ немЪ найдете вы всѣ тѣ пользы, каковыхЪ бы не надлежало вамЪ ожидать вЪ незнакомцѣ.

ВЕЧЕРЪ XXXV.

Продолженіе исторіи о Цемь-Алцамачѣ, Принцѣ Касгарскомь, и о Цендегрудѣ, Принцессѣ Самаркандской.

Казалось, что злый духЪ внушалЪ вЪ ЦемЪ-Алцамана такія рѣчи, коихЪ двумысліе возпаляло сердце Цендегрудино кЪ вящшей ярости. ИзмѣнникЪ! вскричала она, когда мерзостною твоею измѣною лишилась Эдриса на вѣки, то отъемли жизнь и у нещастной Цендегруды.

Чуть только Принцесса сіи слова скончала, какЪ главнѣйшіе Вожди Царицыной арміи, приближась кЪ мѣсту сраженія для изпрошенія у Принца жизни того, котораго ЭдрисомЪ щитали, пришли вЪ толь великое удивленіе, нашедЪ вмѣсто того Принцессу, что вѣсть сія, летая у воиновЪ ЦарицыныхЪ, вложила вЪ длани ихЪ оружіе кЪ защищенію своей Царевны.

Между тѣмЪ, какЪ ЦемЪ-АлцаманЪ, сѣвЪ немедленно на лошадь, удалялся оттуда сЪ поспѣшностію, Цендегруда была отвезена вЪ ея лагерь, а войски, разставленные для охраненія онаго, разгорячась сЪ обѣихЪ сторонЪ, напали другЪ на друга сЪ неописаннымЪ стремленіемЪ, и ПринцЪ, предводительствуя своими воинами, разпалясь жесточайшею скорбію и сильнѣйшимЪ гнѣвомЪ, явилЪ дѣйствія того надЪ тѣми, кои

по

по нещастію стопамъ его встрѣчались такъ, что не можно было себѣ представить, чтобы удары его отъ простаго смертнаго происходили.

Здѣсь долженъ я изъяснить вамъ, милостивыя государыни! кто былъ убійцею ложнаго Эдриса; и я думаю, что вы конечно то познали, приведя себѣ на память, что между моимъ Государемъ и Принцемъ Карибшакомъ произходило. Сей послѣдній, раздраженный поступкомъ Султаншинымъ въ разсужденіи его и поражающею его гордостію, съ которою Эдрисъ опровергъ презрительныя его о немъ рѣчи; болѣе же всего возпаляясь сильнѣйшею страстію къ Цендеґрудѣ, думалъ, что къ полученію сей Принцессы нѣтъ болѣе уже средства, какъ только погубить толь страшнаго соперника; и будучи увѣренъ, что исполнить то честнымъ путемъ никакъ не можетъ, положилъ его убить съ тѣмъ, чтобы на бой съ Касгарскимъ Принцомъ предстать на его мѣсто. Какъ, не взирая на сіи толь подлыя мысли, былъ онъ храбръ, то не сомнѣвался, чтобы не остался побѣдителемъ по такомъ сраженіи, которое выдумалъ онъ единственно для себя, и увѣрялся уже напередъ, что Султанша не отречется дать ему Цендеґруду въ супружество.

И такъ Карибшакъ повелѣлъ убить Эдриса, что и исполнено было надъ нещастнымъ Тогрулемъ. Начальникъ сего мерзостнаго предпріятія пришелъ самъ ему о томъ объявить, отъ чего онъ чрезмѣрную ощущалъ радость; но видя пришествіе Принцессы, которую онъ

по

по причинѣ Эдрисовой на ней одежды узнать не могъ, взиралъ на того вѣстника съ разпаленнымъ видомъ, и уже положилъ въ сердцѣ своемъ достойную ему за то казнь. Однако окончаніе сраженія моего Государя съ Цендерудою доказало ему истинну исполненія его повелѣній, что привело его въ такую радость, что не помышляя о томъ договорѣ, которымъ тысяча всадниковъ, пришедшихъ туда съ своими воинами, представляли токмо зрителей, началъ прежде всѣхъ побуждать войски Царицыны къ прерванію онаго. Онъ думалъ, что Принцъ Касгарскій, утружденъ будучи выдержаннымъ имъ сраженіемъ, не будетъ имѣть довольно силы къ защищенію себя отъ его ударовъ; но Цемъ-Алцаманъ, раздраженъ будучи сильнѣйшимъ гнѣвомъ, и позная въ Принцѣ семъ дерзскаго соперника, заставилъ его вскорѣ возчувствовать дѣйствія своей ярости. По довольно сильномъ и весьма упорномъ сраженіи для Принца, оскверненнаго мерзостнѣйшимъ преступленіемъ, разрубилъ ему Цемъ-Алцаманъ голову однимъ махомъ; и такъ сей убійца не имѣлъ времени насладиться плодами своей измѣны.

Смерть Карибшакова привела въ робость воиновъ Царицыныхъ; ибо видя, какъ Касгарскій Принцъ ихъ порубаетъ, ударились въ бѣгъ, и насилу до лагеря своего достигли, куда принесена была и Принцесса Цендеруда.

Естьли бы Государь мой хотѣлъ безпорядкомъ симъ возпользоваться, то бы всѣ сіи войски могъ порубить на голову; но великодушіе, сопро-

сопровождая всѣ дѣла его, не допустило его до онаго; онъ запретилъ за ними гнаться, и возвратился въ лагерь Султана, своего родителя, съ произеннымъ жесточайшею болѣзнію сердцемъ.

Терзаясь мучительными размышленіями, не могъ онъ понять, что бы могло побудить Принцессу сражаться съ нимъ съ такою ненавистію; какимъ образомъ переодѣлась она въ Тогрулево платье, и что съ симъ юношею сдѣлалось; въ разсужденіи чего повелѣлъ мнѣ о томъ вывѣдать; самъ же заперся въ своей палаткѣ, приказавъ къ себѣ никого не допускать, и не хотѣлъ, чтобы полученныя имъ на семъ сраженіи раны осмотрѣли.

Фрайдунъ, увѣдомясь о печали Принца, и думая, что оная произходитъ единственно отъ стыда, что сраженіемъ своимъ съ Принцессою посрамилъ свое оружіе, пошелъ къ его палаткѣ, и вошедъ въ оную, не взирая на его запрещеніе, принудилъ его дать осмотрѣть свои раны, которыя весьма неопасны были; въ разсужденіи чего оставилъ его безъ всякаго безпокойствія, употребя сперва все то, чѣмъ думалъ утѣшить его въ скорби, изображенной на лицѣ его.

Между тѣмъ Цемъ-Алцаманъ препроводилъ ту ночь въ великомъ смятеніи, такъ что на другой день впалъ въ прежестокую горячку; вѣсть сія опечалила Султана не мало; онъ побѣжалъ къ Принцу: любезный сынъ! говорилъ онъ ему, состояніе твое трогаетъ меня чувствительнѣйшимъ образомъ; открой мнѣ свое сердце; Самаркандская Царица прислала просить

меня о перемиріи для похороненія побитыхъ мужественныхъ ея воиновъ; храбрость твоя привела ее въ такую слабость, что, отказавъ ей въ семъ требованіи, могъ бы разрушить совсѣмъ всѣ ея надежды; но не взирая на ея несправедливость, хочу показать должное полу ея почтеніе, и дай Боже, чтобы подозрѣнія мои были истинны; тогда покусился бы о возстановленіи съ нею непоколебимаго мира. Принцесса Цендегруда извѣстна не только своею красотою, но и мужествомъ; естьли бы я зналъ точно, что союзъ ея для тебя непротивенъ, то бы велѣлъ сдѣлать ей такія предложенія, въ которыхъ отказать она мнѣ по справедливости не можетъ, потому что естьли бы нынѣ захотѣлъ мщенія, то могъ бы завладѣть ея землями, не имѣя отъ ней ни малѣйшаго сопротивленія. Милостивый государь! отвѣтствовалъ на то Цемъ-Алцаманъ, я не запираюся предъ вами, что люблю Принцессу Самаркандскую, и что все мое благополучіе зависитъ отъ обладанія ею; но сомнѣваюсь, чтобы несправедливая Цендегруда захотѣла принять предложенія ваши; она возъимѣла ко мнѣ толь сильную ненависть, что не могу льститься, чтобы она такъ скоро премѣнила о мнѣ свои мысли; однако, милостивый государь! предложите ей о мирѣ безъ всякаго условія, просите Принцессу мнѣ въ супруги; но только чтобы Царица не употребила притомъ своей власти; я Цендегрудою хочу обязанъ быть только ей самой, и почту себя нещастнѣйшимъ въ свѣтѣ человѣкомъ, естьли, давъ мнѣ ея руку, явятъ склонности ея насиліе.

Между тѣмъ, какъ сіе у Касгарскаго Султана происходило, Царица Самаркандская, смущенная сраженіемъ Принцессы, своей дочери, велѣла ее раздѣть. Не нашли на ней ни единой раны. Смерть Эдрисова, о похоронахъ котораго прилагала она всѣ свои силы, привела ее въ толикое отчаяніе, что не преставала проливать слезы, и Царица во всѣхъ словахъ ея находила только ярости и жестокости, что смертельную скорбь отъ того чувствовала.

Аль-Альма и Цендегруда находились въ семъ плачевномъ состояніи, какъ Визирь, избранный Фрайдуномъ Посломъ къ Царицѣ, прибылъ въ ея лагерь, подалъ ей письма, и умѣлъ въ поступкѣ своего Государя показать ей толико великодушія, и толико пользы въ союзѣ ея съ нимъ, что сія оказываемымъ ей симъ Султаномъ почтеніемъ тронутая родительница побѣжала немедленно къ Цендегрудѣ. Любезная моя дщерь! говорила она ей, я пришла объявить тебѣ о мирѣ, котораго бы мы въ толь бѣдственномъ нашемъ состояніи никакъ не могли ожидать; Султанъ Касгарскій предлагаетъ намъ оный, и требуетъ, чтобы запечатлѣнъ онъ былъ союзомъ твоимъ съ Принцомъ его сыномъ. Письмо его наполнено толь пріятными выраженіями, что въ одну минуту потушило въ сердцѣ моемъ всю ту ненависть, которую я къ нему имѣла, и кою и въ тебя внушила. Однако я не хотѣла Визирю его ничего обѣщать прежде, нежели узнаю о томъ твои мысли; всѣ Принцы наши союзники погибли отъ меча Цемъ-Алцаманова,

нова, и надежда остается намъ только на небеса и твое согласіе.

Ахъ, милостивая государыня! вскричала Цендегруда, убійца Эдрисовъ не будетъ никогда моимъ супругомъ; теперь уже не время скрывать отъ васъ страсть мою къ сему Герою и причиняемую смертію его мою жестокую печаль. Вчера умиралъ онъ во очахъ моихъ въ близь лежащемъ отъ лагеря лѣсу; онъ изпустилъ духъ на рукахъ моихъ, и послѣднія его слова вразумили мнѣ довольно, что жестокосердый Принцъ Касгарскій былъ его убійца; я хотѣла во одеждѣ Эдрисовой отмстить смерть его; но по нещастію успѣха въ томъ не имѣла; и такъ не только не хочу быть его женою, но и клянусь великимъ нашимъ Пророкомъ, что покажу сему варвару все то, что только справедливая месть внушить въ меня можетъ, сразмѣряясь съ тою непримиримою ненавистію, которую я къ нему имѣю.

Самаркандская Султанша была сею рѣчію приведена вдругъ во удивленіе и печаль; старалась всячески привесть духъ Принцессинъ въ хорошее состояніе; но ничто не помогло, и оставила ее въ той надеждѣ, что можетъ быть ночь, подавъ скорби ея нѣкоторое облегченіе, побудитъ ее къ размышленіямъ, согласнѣйшимъ съ здравымъ разумомъ, и къ повиновенію матернимъ ея желаніямъ.

Во весь тотъ день войски Султанши Самаркандской, увѣдавъ о прибытіи Визиря Фрайдунова, и о причинѣ его посольства, находились въ чрезмѣрной радости, и прославляли безпрестанно

Кастарскаго Султана за его человѣколюбіе и умѣренность. Принцесса, узнавъ о томъ, пришла еще въ болшую ярость; и не сомнѣваясь, чтобы Султанша не учинила ей сильнѣйшихъ представленій къ побужденію ея сочетаться съ Цемъ-Алцаманомъ, велѣла осѣдлать себѣ лошадь, и взявъ съ собою только одного невольника, вознамѣрилась изъ лагеря уѣхать.

ВЕЧЕРЪ XXXVI.

Продолженіе исторіи о Цемъ-Алцаманѣ, Принцѣ Кастарскомъ, и о Цендегрудѣ, Принцессѣ Самаркандской.

Въ какое пришла Султанша удивленіе, когда проснувшись увѣдала о отсутствіи Принцессиномъ! Никакъ не возможно представить чувствуемую ею тогда печаль, которая взоромъ Визиря Фрайдунова еще болѣе умножилась. Не объявя ему настоящей причины омерзѣнія Цендегруды къ Цемъ-Алцаману, говорила она ему такъ, проливая слезъ потоки: ты видишь, сколь много изгоняетъ меня судьбина; засвидѣтельствуй пожалуй Султану, своему Государю, какое почтеніе я къ нему имѣю, и увѣрь Кастарскаго Принца, что союзъ его съ Цендегрудою не отъ меня зависитъ, хотя усердно предложеннаго имъ мнѣ мира желаю. Принцесса, опасаясь конечно, чтобы съ нею не поступила я со всею властію, удалилась изъ лагеря, и съ нею лишилась я навсегда утѣшенія. Я нахожусь въ отчаяніи; но льщусь, что Фрайдунъ не захочетъ поразить меня въ моемъ злополучіи,

ниже

ниже возпользуется тѣми преимуществами, которыя щастіе дало ему предо мною. Конечно нѣтъ, милостивая государыня! отвѣтствовалъ на то Визирь, который прежде еще своего въ лагерь ея прибытія получилъ отъ Принца наставленіе: таковыхъ намѣреній Государь мой не имѣетъ; онъ предлагаетъ вамъ миръ безъ всякаго условія, и не хочетъ стѣснять склонности Принцессы; Цемъ-Алцаманъ почитаетъ ее чрезмѣрно, и горитъ къ ней непорочнѣйшею страстію, и потому получить ее хочетъ только отъ ее самой.

По отбытіи Визиря Султанша, пронзенная чувствительнѣйшею скорбію, повелѣла искать Принцессу всюды; сама же съ остальными своими войсками возвратилась въ Самаркандію въ плачевномъ состояніи.

Естьли Султанъ удивлялся отсутствію Цендегруды и ненависти ея къ Принцу, то сей послѣдній понялъ все сіе довольно; но не могъ безъ крайняго прискорбія зрѣть полученное имъ отъ Принцессы письмо, въ которомъ увѣряла она его, что не только не хочетъ никогда быть его женою, но еще сочетается только съ тѣмъ, который принесетъ ей его голову.

Истощался онъ въ размышленіяхъ, и не могъ того понять, какимъ образомъ Цендегруда, которая къ нему подъ именемъ Эдриса толь была благосклонна, возчувствовала къ нему непреоборимѣйшую ненависть, какъ скоро узнала, что онъ Принцъ Касгарскій. И такъ во отвращеніи семъ обвинялъ онъ только Тогруля,

котораго подозрѣвалъ въ измѣнѣ, потому что Принцесса сражалась съ нимъ въ его одеждѣ и на его лошади; но увѣдавъ отъ Визиря, возвратившагося изъ лагеря Султанши, что сей нещастный найденъ былъ весь израненъ въ назначенномъ лѣсу, не зналъ болѣе, чему приписать чрезмѣрное омерзѣніе къ нему Принцессино, и потому долженъ былъ употребить всю силу своего разсудка, чтобы скорбію своею не сразиться. Только опасаясь опечалить Султана, который любилъ его съ такою горячностію, удерживался онъ отъ пагубной мысли лишить самаго себя такой жизни, которая его уже обременяла; но не могши побѣдить снѣдающей его тоски, впалъ онъ въ такую задумчивость, что Фрайдунъ пришелъ отъ того въ крайнее смущеніе. Сей Государь возвратился также въ Касгаръ, куда вступилъ подъ плесками и восклицаніями своего народа, который неисчетными своими молитвами, возсылаемыми о Государѣ своемъ на небеса, являлъ довольно, сколь много онъ его любитъ.

Султанъ, почитая за должность торжествовать свои побѣды, и заключенный съ Самаркандскою Султаншею миръ, опредѣлилъ великолѣпное празднество; и думая разогнать тѣмъ скуку Принца, велѣлъ и ему быть на ономъ, хотя онъ и весьма много отговаривался отъ присутствія на семъ публичномъ позорищѣ, которое описывать подробно ни мало не нужно; но скажу только, что оное оканчевалося конскимъ рысканіемъ по лежащей за Касгаромъ долинѣ; и Цемъ-Алца-

цаманъ, который ѣхалъ подлѣ Султана, хотѣлъ уже въѣжжать съ нимъ въ городъ, какъ терзающая его печаль побудила его отстать на нѣсколько шаговъ отъ своей свиты, въ которое время нѣкой всадникъ наскакавъ на него съ яростію, вонзилъ въ него свою шпагу до самаго ефеса. Воздухъ наполнился ужаснѣйшими криками о толь странномъ и неожидаемомъ произшествіи; поспѣшно прибѣжали къ трепещущему Принцу на помощь, и убійца его лишился бы конечно жизни слушниками Султановыми, естьли бы сей Государь не повелѣлъ самъ взять его живаго, намѣрясь предать его мучительнѣйшимъ казнямъ.

Какъ всадникъ сей былъ обезоруженъ, то безъ труда наложили на него оковы; и между тѣмъ, какъ вели его въ темницу, Цемъ-Алцамана несли во дворецъ подъ плачевными воплями, криками и стенаніемъ всего города.

Какъ у Принца вытекло много крови, и врачи не могли по ранѣ его заключить ничего хорошаго, то Султанъ пришелъ отъ того въ отчаяніе, и желая знать убійцу своего сына, повелѣлъ привесть его къ себѣ. Одежда сего преступника была вся измарана и изодрана, и онъ заключенъ былъ въ толь тяжкія оковы, что насилу могъ ихъ нести; но не взирая на сіе плачевное его состояніе, въ лицѣ его блистала толь великая красота, что Султанъ, сколь ни великую скорбь чувствовалъ, не могъ взирать на него безъ удивленія, которое еще болѣе умножилось, когда младый сей человѣкъ говорилъ ему такъ: „Сул-

„танъ Касгарскій! познай всю мою радость,
„которую я чувствую, лиша сына твоего жиз-
„ни, и отмстя тѣмъ кончину моего ро-
„дителя и смерть такого Героя, коему я вели-
„чайшею благодарностію была обязана. Познай
„изъ чертъ лица моего Принцессу Самарканд-
„скую; я должность свою исполнила, теперь дѣ-
„лать то остается тебѣ; я пролила кровь твою,
„пролей и ты мою; я не требую отъ тебя
„никакой пощады; а прошу только о той ми-
„лости, чтобы ты свободилъ меня отъ оковъ,
„и при казни моей сохранилъ бы цѣломудріе и
„почтеніе, должныя полу моему и породѣ. „
Жестокосердая Цендегруда! вскричалъ Фрайдунъ,
естьли отца твоего лишилъ я жизни, то сіе
было на сраженіи, на которомъ и онъ на мой
животъ покушался, и смерть его не могла на-
влечь мнѣ укоризны отъ всѣхъ тѣхъ, которые
справедливость любятъ. Но, безчеловѣчная Прин-
цесса! какая ярость простерла мучительскую
твою руку на грудь моего сына? Какое оскорбле-
ніе получила ты отъ великодушнаго Принца,
который тебя обожаетъ? Я предлагалъ его те-
бѣ въ супруги; а съ симъ нещастнымъ сы-
номъ, котораго ты меня злосердіемъ своимъ
лишаешь, вручалъ тебѣ и мое царство, когда
могъ тебя поразить безпрекословно. Развѣ Цемъ-
Ацаманъ не достоинъ былъ Самаркандской
Принцессы какъ своими великими дѣлами, такъ
своею породою и самимъ собою? Великодушный
его поступокъ долженствовалъ бы возбудить къ
благодарности всякое сердце, не столь жестокое,
какъ твое. Ты недовольна была тѣмъ, что

ярость

ярость свою на меня обратила; лишеніе моей жизни не могло тебя удовольствовать; но для вящшаго моего прискорбія устремилась на жизнь любезнаго мнѣ сына.

Султанъ не могъ скончать укоризнъ сихъ безъ пролитія горчайшихъ слезъ; Цендегруда тронулась ими. Султанъ! сказала она ему, хотя я въ учиненномъ мною съ сыномъ твоимъ поступкѣ не хочу искать ни малѣйшаго извиненія; однако клянусь тебѣ, что поступила такъ съ Цемъ-Алцаманомъ не столько для изъявленія мести Фрайдуну, сколько для наказанія его за собственное его преступленіе. Я бы никогда не покусилась на животъ его, естьли бы онъ самъ величайшею въ свѣтѣ жестокостію не лишилъ жизни того, кого я любить могла; сего-то урона не могу довольно оплакать; онъ-то принудилъ меня къ толь отчаянному дѣлу; онъ то показываетъ тебѣ, сколь жизнь для меня несносна.

ВЕЧЕРЪ XXXVII.

Продолженіе исторіи о Цемъ-Алцаманѣ, Принцѣ Кастарскомъ, и о Цендегрудѣ, Принцессѣ Самаркандской.

Красота производитъ въ насъ обыкновенно особливое дѣйствіе; потому и Султанъ, сколь ни много раздраженъ былъ, повелѣлъ снять съ Принцессы оковы, и дать ей пристойную полу ея одежду; повелѣлъ вмѣсто заключенія ея въ темницу отвести ее въ особливый покой во дворцѣ, и за нею присматривать, не упуская

притомъ достодолжнаго ей почтенія, и убѣгая всего того, что бы могло причинить ей какое неудовольствіе.

Цемъ-Алцаманъ находился тогда между смертію и жизнію, и рана его была столь велика, что врачи, которые не могли еще рѣшить его судьбину, запретили съ нимъ говорить. Хотя въ крайней слабости находился, однако всегда былъ въ полномъ разумѣ; и не могши увѣриться, чтобы рану получилъ онъ отъ кого инаго, какъ отъ посланнаго Цендегрудою человѣка, вспомнилъ, что шпага, которою онъ былъ пронзенъ, осталась у него въ тѣлѣ, и изторгнута была врачами; почему думалъ открыть симъ средствомъ нѣкую часть своихъ сомнѣній; приказалъ принести къ себѣ оную, и чуть только взглянулъ на оную, то признавъ ее тою, которую носилъ онъ подъименемъ Эдриса, которую далъ Тогрулю, и которую видѣлъ въ рукахъ у Цендегруды при послѣднемъ его сраженіи, не сомнѣвался уже болѣе, чтобы не она сама на жизнь его покусилась. О небо! проговорилъ онъ тогда, и такъ умираю я отъ рукъ Принцессы Самаркандской. Изрядно, пускай намѣренія ея свершатся. Проговоря сіи слова, схватилъ рукою за перевязки, и хотѣлъ ихъ отъ ранъ своихъ отдернуть, какъ пришествіе Султаново удержало его отъ того по щастію.

Сей почтенный родитель, тронувшись чрезмѣрно жалкимъ состояніемъ, въ которомъ сынъ его находился, и будучи свидѣтелемъ его отчаянія, подошелъ къ нему съ томнымъ видомъ,

дѣлалъ

дѣлалъ ему нѣжнѣйшія укоризны, представляя ему, что онъ на жизнь свою не иначе покуситься можетъ, какъ пренебрегая и жизнію прискорбнаго своего родителя.

Цемъ-Алцаманъ, имѣя къ Султану чрезмѣрное почтеніе, тронулся его укоризнами; и не взирая на свою слабость, хотѣлъ было пасть съ кровати для изпрошенія у него прощенія и для защищенія Цендегруды; однако Султанъ въ томъ ему возпрепятствовалъ. Милостивый государь! говорилъ онъ, Принцесса Самаркандская находится во власти вашей, то доказываетъ мнѣ сія шпага, коею она меня пронзила. Для великаго нашего Пророка не сокрывайте ее отъ меня долѣе; она хотѣла лишить меня жизни; она одна можетъ возвратить мнѣ оную; я самъ умру съ печали, когда упущу должное полу и породѣ ея почтеніе; вмѣсто темницы и цѣпей предложи ей Государь престолъ и корону; естьли она ихъ не приметъ, то сей только милости требую, чтобы не держали ее долѣе въ такомъ плѣну, который можетъ возбудить въ ней ко мнѣ еще большее омерзѣніе и отвращеніе; позели, Государь! отвести ее въ Самаркандію со всею тою честію, каковой толь великая Принцесса достойна; а въ награду за ненарушимую любовь, которую сохраню къ ней по самую смерть, уговорите ее, когда то возможно, чтобы она прежде своего отъѣзда удостоила меня своимъ посѣщеніемъ хотя на одну минуту; смерть будетъ для меня тогда пріятна, или свиданіе сіе подастъ

 мнѣ

мнѣ силы къ продолженію такой жизни, которая, предвижу, будетъ для меня безъ Цендегруды несносна.

Султанъ для успокоенія Принца увѣрялъ его, что Принцесса находится въ его власти, и что онъ, приказавъ ее вывести изъ темницы, повелѣлъ содержать ее во дворцѣ; словомъ, обѣщалъ господину моему все то, чего онъ отъ него требовалъ, и увѣщевая его, дабы и онъ съ своей стороны не упускалъ ничего къ своему выздоровленію, пошелъ къ Цендегрудѣ, на которую не могъ смотрѣть безъ удивленія, коего красота ея отъ всѣхъ требовала.

Принцесса! сказалъ онъ, Цемъ-Алцаманъ умираетъ, какъ ты того желаешь; но какъ лишится онъ жизни съ прискорбнымъ духомъ, когда не будешь ты свободна, и отвезена въ Самаркандію съ должною породѣ твоей честію, и какъ то можетъ быть уже послѣдніе требованія достойнаго лучшей доли Принца, то объявляю тебѣ, что ты сію бѣдоносную страну можешь оставить, когда тебѣ угодно; только прошу тебя, естьли прозьбы такого Государя, котораго ты нещастнѣйшимъ на свѣтѣ человѣкомъ дѣлаешь, могутъ тебя тронуть: дозволь, чтобы злощастный Цемъ-Алцаманъ могъ сказать тебѣ въ послѣдній разъ прости; въ сей милости не можешь конечно отказать такому Принцу, который отъ рукъ твоихъ получаетъ смерть съ толикимъ почтеніемъ и усердіемъ.

Цендегруда, приведенная рѣчами Султана въ крайнее удивленіе, не могла долгое время ни

одного

одного промолвишь слова; по томъ потупленные свои въ землю очи, возведъ на небо: Великій Магомедъ! вскричала она, возможно ли, чтобы тотъ самый человѣкъ, который поноснѣйшее учинилъ злодѣяніе, являлъ въ прочихъ своихъ дѣлахъ толико великодушія? Развѣ добродѣтельнымъ и милосердымъ долженъ онъ казаться только для того, чтобы во очахъ человѣческихъ сдѣлать меня тѣмъ болѣе виновою! Изрядно, Государь! сказала она Фрайдуну, я пойду къ Цемъ-Алцаману, когда онъ того желаетъ, не для возблагодаренія за дарованную мнѣ тобою жизнь и свободу; но для уличенія его при тебѣ самомъ, что жестокая измѣна его въ разсужденіи такого Героя, который въ памяти моей останется навѣки, недостойна была толь славной судьбины, чтобы умереть отъ рукъ Цендегруды.

Не знаю я, отвѣтствовалъ Султанъ, какимъ преступленіемъ обвиняешь ты Принца; но знаю, что онъ ни мало не виненъ; время прогонитъ можетъ быть темноту, которою таинство сіе покровенно, во ожиданіи же сей минуты, и чтобы сынъ мой могъ свидѣться съ тобою спокойно, можешь совершенною свободою наслаждаться.

Какъ скоро Султанъ отъ Принцессы вышелъ, то она, желая знать, точно ли свободна, сошла въ дворцовый садъ. Прохаживаясь тамъ въ провожаніи приставленныхъ къ ней невольницъ, сказала евнуху, которому сперва смотрѣть за нею поручено было, что желаетъ видѣть городъ, и про-

просила его выводить ее по всѣмъ мѣстамъ онаго. Она покрылась фатою, и взявъ пристава сего за руку, прошла по нѣкоторымъ мѣстамъ города. Пришедъ на площадь, которая противъ самого дворца находилась, увидѣла тамъ въ кучѣ великое множество народа; она приближилась къ оной, и усмотрѣла, что одного израненаго кинжаломъ человѣка несли къ врачу; онъ показался ей знакомъ, и надумавшись вспомнила, что онъ жилъ при Принцѣ Карибшакѣ; въ разсужденіи чего почла за долгъ за него вступиться, и приказавъ отнести его въ ближайшій домъ, дала денегъ для доставленія ему всевозможной помощи. Привели врача, который, осмотря при ней его раны, нашелъ ихъ толь опасными, что сей человѣкъ, зря въ какой опасности находится, и чувствуя чрезмѣрно милость Принцессы Самаркандской, просилъ всѣхъ притомъ бывшихъ отъ него удалиться, и сказалъ ей, что имѣетъ открыть ей важнѣйшее таинство. Когда всѣ вышли, и только евнухъ, врачь и Принцесса остались, то сей раненый говорилъ такъ: милостивая государыня! вы видите предъ собою такого человѣка, который оскорбилъ васъ наижесточайшимъ образомъ! Принцъ Карибшакъ, примѣтя во мнѣ необузданную гордость и корыстолюбіе, которое теперь лишаетъ меня жизни, воспользовался слабостями моими. Деньги, коими онъ меня осыпалъ, и милость, которою удостоивалъ онъ меня отъ часу болѣе, привели меня къ тому, что покусился на ужаснѣйшее въ свѣтѣ преступленіе. Не безъизвѣстно ему было, что онъ до тѣхъ поръ не можетъ покорить вашего

сердца,

сердца, пока неустрашимый Эдрисъ жить будетъ. Я-то по повелѣнію сего Принца убилъ сего Героя въ близь лежащемъ отъ вашего лагеря лѣсѣ, въ ту самую минуту, когда онъ для спасенія вашего хотѣлъ съ Касгарскимъ Принцомъ сразиться.

О небо! вскричала Принцесса, какъ! Карибшакъ причиною погибели Эдрисовой, а не ЦемъАлцаманъ? Нѣтъ, милостивая государыня! примолвилъ раненый слабымъ и умирающимъ гласомъ; сей Принцъ не имѣлъ въ смерти Эдрисовой ни малѣйшаго участія; онъ не только не учинилъ сего преступленія, но еще и отмстилъ за онос, понеже Карибшака самъ убилъ. Съ дватцатью отважнѣйшими воинами напалъ я на того, котораго погубить повелѣно мнѣ было; мы пронзили его множествомъ ударовъ, и соединясь паки съ нашимъ повелителемъ, сражались подъ его предводительствомъ по самую его кончину. Всѣ соучастники мои въ семъ преступленіи не долго наслаждались обѣщаніями, мною имъ данными; они всѣ погибли на сраженіи, выключая только того, который привелъ меня въ сіе состояніе. Ставши неразлучными пріятелями, пришли мы въ сей городъ съ тѣмъ, чтобы вступить въ службу Султана; но сего дня, напившись, вздумалось ему укорять меня симъ смертоубивствомъ; я почелъ за должность лишить жизни толь опаснаго человѣка, пронзилъ его своею шпагою, и думалъ, что онъ уже умеръ; какъ нещастный сей, вскоча вдругъ, далъ мнѣ кинжаломъ два удара, отъ которыхъ приведенъ

я

я въ теперешнее мое состоянiе, ведущее меня предъ судилище того, коему мы во всѣхъ дѣлахъ нашихъ должны отдать отчетъ. О естьли бы простилъ онъ мнѣ смертоубiйство Эдриса, которое всегда меня терзало! Когда чистосердечное разкаянiе можетъ преступленiе сiе загладить, то клянусь, не помышляя о плачевномъ моемъ состоянiи, что никто не можетъ быть тѣмъ толико тронутъ, какъ я. Чуть только выговорилъ онъ сiи послѣднiя слова, какъ вдругъ пришелъ въ обморокъ, отъ коего уже болѣе не освободился, но умеръ на рукахъ врача.

ВЕЧЕРЪ XXXVIII.

Продолженiе исторiи о Цемъ-Алцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ, и о Ценлегрудѣ, Принцессѣ Самаркандской.

Легко разсудить можно, какимъ прискорбiемъ стѣснялась тогда Принцесса Ценлегруда; возвратилась она во дворецъ, заперлась въ свою комнату, и воспомня о предвѣщанiи Календера, коего благоразумные совѣты забыла она такъ скоро, предалась въ объятiя горчайшей печали, и препроводила ту ночь въ такомъ безпокойствѣ, каковое едва вообразить себѣ можно. Не понимала она, какимъ образомъ Цемъ-Алцаманъ, не имѣя участiя въ убивствѣ Эдриса, говорилъ во время сраженiя такое, что на то столь много склонялось, и по какой причинѣ и самъ Эдрисъ, умирая, наименовалъ ей Касгарскаго Принца, какъ будто его убiйцу.

Нако-

Наконецъ насталъ день, Принцесса послала къ Фрайдуну просить его къ себѣ въ комнату, и онъ пришелъ къ ней весьма доволенъ. Врачи увѣрили его, что раны Прицовы не смертоносныя, и что онъ препроводилъ ту ночь очень хорошо, потому и никакой опасности не предвидитъ. Милостивый государь! сказала Принцесса, ты зришь предъ собою смущеннѣйшую Принцессу; Цемъ-Алмацанъ не виновенъ въ томъ смертоубійствѣ, которымъ его укоряла; теперь не хочу ни въ чемъ предъ тобою таиться.

Храбрый Эдрисъ, которому мы толикою благодарностію обязаны, и коему надлежало съ Касгарскимъ Принцомъ сразиться, достоинъ былъ всего моего вниманія; сей младый Герой не имѣлъ себѣ на свѣтѣ подобнаго, какъ въ разсужденіи мужества, такъ и другихъ изящныхъ свойствъ. Произходилъ онъ, какъ самъ онъ сказывалъ, отъ знатной крови; и при такомъ жестокомъ омерзѣніи, которое я противъ тебя, Государь! имѣла, великія его дѣла заставляли меня надѣяться, что неустрашимость его желаніе мое исполнитъ, и принесетъ ко мнѣ Касгарскую корону, какъ-то онъ мнѣ и самъ въ томъ клялся. Я его любила, давала ему предъ всѣми его совмѣстниками преимущество; и я имѣла причину думать, что онъ удовлетворитъ стремленію моему къ мести, какъ одинъ подлый смертоубійца повелѣлъ его погубить въ тотъ самой день, въ которой долженъ онъ былъ съ Принцомъ, сыномъ твоимъ, сразиться. Я нашла Эдриса умирающаго. Извини, Государь! такой

кой плачь, которой утрата его не прекратитЪ во мнѣ во вѣки. Послѣдния его слова вразумили мнѣ, что причина смерти его былЪ сынЪ твой; сіе-то самое побудило меня кЪ таковой противЪ его ярости; сіе-то самое, Государь! привело меня вЪ толь жестокое отчаяніе, что предавшись совсѣмЪ непримиримѣйшей ненависти, и не могши вЪ одеждѣ Эдрисовой побѣдить Принца, старалась лишить его жизни, какимЪ бы то образомЪ ни было. Вчера только познала я свое заблужденіе; предводитель смертоубійцовЪ Эдрисовыхъ объявилЪ мнѣ, умирая, что злодѣйство сіе учинилЪ онЪ по повелѣнію Принца Карибшака, и что ЦемЪ-АлцаманЪ не только ни малѣйшаго не имѣлЪ участія вЪ семЪ мерзостнѣйшемЪ поступкѣ, но еще своею рукою наказалЪ того чудовища, который у меня дражайшаго Эдриса отнялЪ. Прости же, Государь! ослѣпленную яростію Принцессу, убійцу твоего сына; отмщай за то, какЪ должно; жизнь мнѣ уже и безЪ того несносна, когда на вѣки тотЪ предметЪ потеряла, которой могЪ приносить мнѣ удовольствіе на свѣтѣ.

ФрайдунЪ почувствовалЪ сильнѣйшую радость, видя, что Принцесса оправдала ЦемЪ-Алцамана. Сколь я доволенЪ, дражайшая Принцесса! сказалЪ онЪ ей, что ты такую истинну познала, которая по крайней мѣрѣ внушаетЪ вЪ тебя почтеніе кЪ моему сыну! Сколь щастливымЪ почелЪ бы онЪ себя, когда бы, зря тебя отЪ таковаго предразсужденія излеченну, нашелЪ тебя склонною кЪ возшествію на престолЪ,

который уступаю ему охотно, естьли оный раздѣлить съ нимъ похочешь. Ахъ, Государь! отвѣчала на то Цендегруда, проливая слезъ потоки, не упоминай мнѣ болѣе о таковомъ обязательствѣ; я того уже потеряла, съ коимъ въ оное вступить желала; клянусь, чтобы мысль сію конечно только для одного Касгарскаго Принца перемѣнила, естьли бы то въ волѣ моей состояло; теперь же хочу испросить у него въ заблужденіи моемъ прощенія, какъ скоро свиданіе мое съ нимъ не нанесетъ ему безпокойства. Рана его, любезная Принцесса! сказалъ Султанъ, стала сего дня не столь опасна, какова была; и врачи увѣрили меня, что никакой опасности не находятъ. Я точно знаю, что присутствіе Самаркандской Принцессы служитъ лучшимъ лѣкарствомъ къ его выздоровленію. Когда такъ, сказала Цендегруда, то желаю того, Государь! съ тѣмъ большею нетерпѣливостію, что только еще вчера желала его смерти; пойдемъ къ нему теперь, я хочу отдать ему должную справедливость. Тогда, подавъ Фрайдуну руку, пошла съ нимъ въ комнату къ Цемъ Алцаману, къ которому Султанъ послалъ тотчасъ объявить о Принцессиномъ приходѣ. Состояніе, въ коемъ Принцъ находился, и страхъ, чтобы его не признали, побудили его приказать мнѣ опустить въ комнатѣ его всѣ завѣсы, дабы какъ возможно темнѣе въ ней было.

Принцесса, взошедъ къ нему, сѣла подлѣ его постели на табуретѣ. Я пришла къ тебѣ, Государь! говорила она ему, просить тебя о извиненіи меня въ той жестокости, которую яви-

на въ разсужденіи тебя, какъ на сраженіи, такъ и при томъ случаѣ, коимъ ты въ теперешнее приведенъ состояніе. Обманываясь ложными наружностями, почитала тебя убійцею такого человѣка, котораго любила страстно, такого Героя, который навсегда въ умѣ моемъ останется, словомъ, дражайшаго Эдриса, который умирая объявилъ мнѣ, что умерщвленъ онъ по твоему приказу... Принцесса не могла скончать сихъ словъ безъ пролитія слезъ горчайшихъ. Никто не преходилъ еще столь скоро отъ чувствительнѣйшей скорби къ неизчерпаемой радости, какъ Цемъ-Алцаманъ, увѣдавъ, что жестокосердые знаки ненависти Цендегруды къ Касгарскому Принцу были опытами сильнѣйшей ея любви къ Эдрису.

Какъ, милостивая государыня! сказалъ онъ сей Принцессѣ весьма слабымъ и притворнымъ голосомъ: вы ненавидите Цемъ-Алцамана только за то, что почитаете его причиною смерти Эдрисовой? Вы для отмщенія оной сражались съ нимъ съ толикою запальчивостію? Только для наказанія сего Принца за мерзостную ту измѣну, которою вы его обвиняли, хотѣли вы лишить его жизни? Ахъ, дражайшая Принцесса! я не только не сержусь на сіе стремленіе, но еще оное похваляю; Эдрисъ былъ вамъ милъ; плачъ вашъ о немъ являетъ, сколь драгоцѣнно вамъ его напоминовеніе; я хочу показать вамъ, какое участіе въ сей печали пріемлю. Тогда далъ мнѣ потихоньку знакъ поднять завѣсы, дабы въ комнатѣ свѣтло было. Чуть только показался свѣтъ, какъ Цендегруда, обратя очи

свои

свои на Цемъ-Алцамана: о праведное небо! вскричала, пришедъ отъ радости въ величайшій восторгъ, это любезный Эдрисъ!

ВЕЧЕРЪ XXXIX.

Продолженіе исторіи о Цемъ-Алцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ, и о Цендегрудѣ, Принцессѣ Самаркандской.

Фрайдунъ, который разговоръ Принца съ Принцессою слушалъ съ особливымъ вниманіемъ, приведенъ былъ симъ нечаяннымъ произшествіемъ тѣмъ въ наиболшее удивленіе, что Цендегруда, произнеся сіи послѣднія слова, лишилась чувствъ. Онъ приказалъ учинить ей всевозможное вспоможеніе, и взирая на сына своего съ замѣшательствомъ, хотѣлъ было требовать отъ него изъясненія сего рода загадки, какъ Принцесса пришла въ память, и Цемъ-Алцаманъ, поцаловавъ у ней съ величайшею горячностію руку, говорилъ ей такъ: конечно, прекрасная Цендегруда! Эдрисъ и Принцъ Касгарскій составляютъ одного и того же человѣка. Единое любопытство завело меня въ ваши земли; своими глазами хотѣлъ я видѣть, толь ли сильны тѣ прелести, которыя въ тебѣ похваляли. Подъ именемъ Эдриса сражался я для Султанши противъ нѣкоторыхъ сосѣдственныхъ ей Султановъ; все сіе тебѣ довольно извѣстно; но безъизвѣстно то, какимъ образомъ чаялъ я избавиться отъ того безпокойства, въ кое приведенъ я былъ, когда увидѣлъ себя принужденнымъ сразиться съ самимъ собою. Не зная, какимъ образомъ испол-

нить такое дѣло, кое мнѣ невозможнымъ казалось, вздумалъ я объ одномъ изъ стражей Султанскихъ, который на меня походилъ очень много; надѣлъ на него мое платье, открылъ ему мои намѣренія; онъ поѣхалъ въ назначенной лѣсъ, куда и мнѣ надлежало пріѣхать, и тому нѣсколько дней узналъ я, что сей нещастный былъ умерщвленъ жесточайшимъ образомъ. Ахъ, прекрасная Цендегруда! я того не зналъ, когда съ тобою сражался, и естьли въ семъ случаѣ говорилъ я съ тобою двусмысленнымъ образомъ, то сіе произходило отъ того, что мнилъ говорить съ нещастнымъ Тогрулемъ, представляющимъ Эдриса, или что ты признала меня Принцомъ Цемъ-Алцаманомъ. Но естьли сей Эдрисъ обѣщалъ тебѣ возложить на тебя Касгарскую корону, то нынѣ слово свое исполняетъ; прими же предложенія, которыя великодушный Султанъ тебѣ дѣлаетъ; тѣмъ учинишь его столь же благополучнымъ, сколько учинила его нещастнымъ тому нѣсколько дней.

Принцесса, увидя дражайшаго своего Эдриса, и зря меня подлѣ себя стояща, приведена была въ такое удивленіе, что не могла почти и очамъ своимъ повѣрить. Какъ то возможно, говорила она, продолжая проливать слезъ потоки, что теперь говоритъ со мною Эдрисъ? Эдрисъ, котораго мнила зрѣть на рукахъ моихъ умирающаго, и котораго въ Касгарскомъ Принцѣ обрѣтаю? Конечно все, что теперь произходитъ, лишь только сонъ и лжевоображеніе. Ахъ, дражайшій Принцъ! естьли ты тотъ храбрый незнакомецъ, то

то живи для Цендегруды; не время уже сокрывать отъ тебя, что къ тебѣ въ сердцѣ моемъ ощущаю: поступки мои доказали тебѣ ту страсть, которую отъ тебя таить старалась; естьли ты умрешь, то я сойду за тобою; не оставлю безъ наказанія той жестокости, кою рука моя учинила, но въ коей сердце ни малѣйшаго участія не имѣло. Нѣтъ довольно выраженій ко изъявленію радости Касгарскаго Принца. Божественная Цендегруда! вскричалъ онъ, нѣтъ во всей вселенной толь благополучнаго смертнаго, какъ я; ты принимаешь руку Цемъ-Алцамана? Я принимаю руку Эдрисову, сказала тогда съ нѣжностію Принцесса; и понеже Султанша, моя родительница, на союзъ сей соизволяетъ, то почитаю за должность тому ни мало не сопротивляться, и увѣрить тебя въ моей къ тебѣ горячности. Но какъ теперь покой для тебя нуженъ, и справедливость требуетъ, чтобы о толь странныхъ произшествіяхъ увѣдомила я мою родительницу, то тебя оставляю, и открою ей чрезъ письмо подробно, что Эдрисъ живъ, что Эдрисъ меня обожаетъ, и что Эдрисъ и Принцъ Касгарскій единаго и того же человѣка составляютъ.

Принцесса, скончавъ сіи слова, встала и пошла въ свой покой; и хотя Цемъ-Алцаманъ просилъ ее неотступно у него еще остаться; однако Фрайдунъ сказалъ ему, что здравіе его того требуетъ; въ разсужденіи чего она съ нимъ разсталась, обѣщаясь быть съ нимъ во все то время, когда благопристойность ненарушима будетъ,

детЪ, мнѢ же поручила отнести письмо свое кЪ СултаншѢ.

КакЪ скоро Принцесса мнѢ его вручила, то я немедленно и отправился вЪ Самаркандію, куда прибылЪ чрезЪ весьма короткое время, и нашелЪ весь дворЪ вЪ величайшемЪ смятеніи. Отягченная скорбію Султанша, что о ПринцессѢ никакого извѢстія не имѢетЪ, впала вЪ опасную болѢзнь, и каждый взиралЪ сЪ крайнею печалію на ея погибель, какЪ я во дворецЪ пришелЪ. Не трудно мнѢ было, чтобы меня провели вЪ ея покои, а особливо когда объявилЪ, что имѢю письма отЪ Принцессы. Я вошелЪ кЪ ней вЪ спальню, подалЪ ей письма, и она, познавЪ о странныхЪ приключеніяхЪ, произшедшихЪ вЪ КасгарѢ, возчувствовала наисильнѢйшую радость, и объявила о томЪ всему двору; но находясь вЪ крайней слабости, и не могши встать сЪ постели, дала мнѢ кЪ ПринцессѢ весьма нѢжное письмо, которымЪ благословляла ее сочетаться сЪ ПринцемЪ ЦемЪ-АлцаманомЪ. Легко познать можно, сЪ какою поспѢшностію я вЪ КасгарЪ возвращался, и какое удовольствіе причинило Принцу мое прибытіе; но Цендегруда, познавЪ о болѢзни Султанши, своей родительницы, пришла вЪ крайнее о томЪ безпокойство, и вознамѢрилась кЪ ней Ѣхать. КакЪ скоро ЦемЪ-АлцаманЪ могЪ ходить по комнатѢ, то она о предпріятіи семЪ ему объявила. И такЪ, прекрасная Принцесса! сказалЪ онЪ ей, долженЪ я тебя еще разЪ лишиться? Природа, Государь! отвѢтствовала она, должна всегда сохранять

свои права. Болѣзнь Султанши, причиненная единственно моимъ побѣгомъ, позываетъ меня въ Самаркандію непремѣнно; я оставляю тебя хотя и съ крайнимъ сожалѣніемъ, однако ставъ уже твоею супругою. Аль-Альма то мнѣ не только позволяетъ, но и повелѣваетъ; и я никогда не повиновалась ей съ толикою охотою. Прикажи къ церемоніи сей все нужное пріуготовить, я даю тебѣ мою руку въ сію самую минуту; но послѣ того, не мѣшкая ни мало, въ Самаркандію отправляюсь, откуда въ земли твои не премину возвратиться, какъ скоро благопристойность то позволитъ.

Сколь ни много терзался Цемъ-Алцаманъ отъѣздомъ Принцессы; однако волю ея исполнилъ безпрекословно, и отправя множество гонцовъ съ повелѣніемъ, чтобы на пути снабдѣвали ее всемъ потребнымъ, и поступали съ ней въ разсужденіи новаго ея сана, сочетались они въ покоѣ Принца, и она, обнимая его съ горячностію, съ нимъ простилась, и поѣхала только съ двенатцатью конными всадниками, въ числѣ которыхъ и я находился. На пути не приключилось съ нами ничего, и мы Аль-Альму застали еще больною; но какъ присутствіе Касгарской Государыни возвратило ей совершенное здравіе, то по прошествіи трехъ недѣль ея въ Самаркандіи пребыванія почла она за должность отпустить ее къ ея супругу со всякою высокому ея состоянію достодолжною благопристойностію, и тѣмъ удовольствовать ея нетерпѣливость, увидѣться съ своимъ супругомъ, ко-

 торую

торую Цендегруда по природному своему цѣломудрїю скрывать отъ нее старалась. Для сего повелѣла нарядить триста человѣкъ подъ командою одного Визиря, и обнявъ ее съ величайшею горячностїю, отпустила съ ними при пролитїи великихъ слезъ.

Хотя Принцессѣ и весьма хотѣлось прїѣхать къ Цемъ-Алцаману поскорѣе; однако мы по повелѣнїю Султанши ѣхали потихоньку. Уже миль за восемь отъ Туркисканскихъ границъ находились, какъ остановившись въ одну ночь на полѣ, окружены были вдругъ болѣе, нежели осьмью стами Араповъ подъ предводительствомъ ихъ начальника именемъ Агема. Сей человѣкъ, будучи преужаснѣйшаго вида и самой низкой породы, и достигши до сей степени единственно своею храбростїю и жестокосердїемъ, приводилъ всѣхъ Государей въ трепетъ, въ чьи земли ему вступать на умъ всходило, а особливо, что и воины его сражались обыкновенно до послѣдней капли крови, не отступая никогда назадъ, развѣ только Агемъ имъ то повелѣвалъ. Такїе-то люди на насъ напали въ то самое время, когда спокойнымъ сномъ наслаждались, и въ совершенной безопасности быть мнили. Касгарская Государыня, находясь съ женщинами своими въ поставленномъ посреди лагеря ея шатрѣ, чуть только услышала шумъ, переодѣлась немедленно въ муское платье, которое по предосторожности своей съ собою всюды возила, сѣла верьхомъ, и ободряя подчиненныхъ своихъ къ оборонѣ, производила чудесныя дѣла

храбрости,

храбрости, чему я самъ былъ свидѣтель; но видя, что отъ множества непріятелей конечно погибнетъ, вздумала спасаться бѣгствомъ, и удалялась изъ лагеря съ величайшею поспѣшностію; я же не могъ за нею слѣдовать, потому что четверо Арапов пресѣкли мнѣ дорогу, почему и былъ принужденъ хотя и съ великимъ трудомъ защищать собственную жизнь свою. Арапы, болѣе сопротивленія не видя во всей нашей свитѣ, изъ которой часть была порублена, а многіе спаслися бѣгствомъ, въ числѣ коихъ и я находился, приступили къ грабежу; однако Агемъ искалъ не того: наслышавшись довольно много о красотѣ Цендегруды, и увѣдавъ чрезъ своихъ лазутчиковъ, что она къ супругу своему ѣдетъ, напалъ онъ на насъ только съ тѣмъ, чтобы ее увезти, и въ мерзскомъ своемъ сералѣ сдѣлать ее верьховною Султаншею. Для сего повелѣлъ онъ окружить шатеръ Принцессинъ и воздавать достодолжное почтеніе не только ей самой, но и всѣмъ пола ея находящимся съ нею особамъ.

Повелѣніе его было исполнено съ точностію; однако нѣсколько поздно, понеже Цендегруда отъ свирѣпости его избѣгла. Что касается до меня, то жесточайшую скорбь чувствовалъ, видя себя отъ Принцессы отлученна; и думая, что когда возможно ей будетъ, то поѣдетъ она въ Туркистанъ, пустился я въ ту сторону, и объявилъ ближайшему градоначальнику о случившемся съ нами нещастіи, отправился я съ наряженными имъ четырью тысячью человѣкъ конницы

для погони за Агемомъ, и для исторженія изъ его рукъ Принцессы, естьли по нещастію она къ нему попалась.

Я привелъ сіи войски къ тому мѣсту, гдѣ у насъ сраженіе произходило; однако мы тамъ уже не застали Араповъ, а нашли только мертвыхъ, или умирающихъ почти всѣхъ обнаженныхъ, и кои не могли намъ сказать, въ которую сторону сіи разбойники удалились; всего же плачевнѣе для Касгарскаго Принца узнали мы отъ одного изъ нашихъ воиновъ, что слухъ носится, будто Принцесса попалась мерзскому Агему въ руки. Легко могъ я понять, какую печаль возчувствовалъ мой Государь, получа толь бѣдственное извѣстіе; почему помышлялъ только о томъ, какимъ бы образомъ ему отмстить; разослалъ по всѣмъ мѣстамъ гонцовъ, и узнавъ чрезъ нихъ, что Арапы поѣхали въ Фарганскую степь, погнались за ними съ великою поспѣшностію, и достигши ихъ, вступили съ ними въ жесточайшій бой, на которомъ всѣхъ ихъ порубили.

Предводитель нашъ повелѣлъ паче всего стараться о томъ, чтобы Агема взять живаго; однако мы не могли того исполнить, понеже сіе чудовище, видя себя со всѣхъ сторонъ окруженна, нашедъ случай въ шатеръ свой удалиться, вышелъ оттуда спустя съ минуту, и держа въ рукѣ женскую голову, изрубленную всю саблею, и брося ее къ намъ. кричалъ: вотъ она, кого вы ищете, отнесите къ вашему Государю голову Цендегруды, и скажите ему, что Агемъ не

такъ

такъ рожденъ, дабы умереть его невольникомъ. По сихъ словахъ злодѣй сей бросился на конецъ своей шпаги, которая, прошедъ ему въ спину, извлекла изъ него мерзскую его душу, и прекратила тѣмъ ужасную жизнь его.

ВЕЧЕРЪ XL.

Продолженіе исторіи о Цемь-Алцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ, и о Цендегрудѣ, Принцессѣ Самаркандской.

Мы подняли превеликой крикъ, видя толь плачевное произшествіе, и взошедъ съ поспѣшностію въ шатеръ сего мучителя, нашли его покрыта кровію шести женщинъ, которымъ онъ отрубилъ саблею головы, дабы онѣ намъ не достались. Между сими женщинами познаъ я съ неизреченною печалію тѣло Цендегруды, коей платье примѣтно было по тѣмъ драгоцѣннымъ каменьямъ, которыя я на ней видалъ часто, и въ сей изрубленной головѣ мнилъ найти черты божественной сей Принцессы. Естьли бы я и могъ о томъ сомнѣваться, что видѣлъ; однако вскорѣ утвердился бы въ томъ словами одной женщины Агемовой. Сія нещастная, будучи еще жива, и испуская послѣдніе свои вздохи, обьявила намъ, что Касгарская Принцесса, коей окровавленное тѣло мы видимъ, уже приуготовлена была къ претерпѣнію мерзостныхъ намѣреній сего чудовища, какъ мы на войски его напали; что ослѣпясь яростію своею, зря предстоящую свою погибель, привелъ онъ всѣхъ ея женщинъ въ то состояніе, въ которомъ я ихъ видѣлъ,

дѣлъ, и что, изрубя сперва Цендегрудѣ все лице саблею, отрубилъ ей напослѣдокъ и голову.

Немедленно приказалъ я сдѣлать гробницу для тѣла Принцессина, и отвезя оное въ Шояндагу, велѣлъ похоронить ее со всевозможнымъ великолѣпіемъ. По окончаніи сей печальной церемоніи отправился я въ Касгаръ, и не проѣхалъ еще четырехъ миль, какъ увидѣлъ множество конныхъ всадниковъ, между которыми примѣтилъ я и Цемъ-Алцамана. Я къ нему поскакалъ, слѣзъ съ лошади, и хотѣлъ было объявить ему жестокое приключеніе съ Принцессою; но такъ оробѣлъ, что не могъ проговорить ни слова. Принцъ, приведенный въ смущеніе глубокою печалію, которая на лицѣ моемъ изображалась, а еще болѣе моимъ молчаніемъ, повелѣлъ мнѣ изъяснить ему все немедленно, и чуть только о своемъ нещастіи увѣдалъ, то едва не упалъ съ лошади, естьли бы двумя Офицерами не былъ подхваченъ. Болѣе часа находился онъ въ безпамятствѣ; но пришедъ въ чувство, произносилъ толь мучительныя жалобы, что у всѣхъ съ нимъ бывшихъ исторгъ изъ очей горчайшія слезы. По сей печали послѣдовала толь жестокая ярость, что стократно покушался лишить себя жизни, естьлибъ у него оружія не выдернули. И такъ навѣки лишился я дражайшей Цендегруды, вскричалъ онъ, я лишился ее яростію варвара, которому уже отмстить не въ силахъ, понеже и его нѣтъ на свѣтѣ! О праведное небо! что я такое сдѣлалъ, которое толь великій гнѣвъ твой заслуживаетъ? Будучи безпрестан-

престанно тобою изгоняемЪ, сносилЪ все безЪ роптанія, надѣясь когда нибудь смягчить твою суровость; мнилЪ зрѣть скончаніе оной, понеже Касгарская Принцесса невинность мою познала, и касался уже той благополучной минуты, вЪ которую приступалЪ кЪ обладанію неоцѣненною сею Принцессою, какЪ вдругЪ лишился я ее жесточайшимЪ образомЪ на свѣтѣ. О великій ПророкЪ! сколько ни много должны мы во всемЪ небесамЪ повиноваться, однако не могу не роптать теперь на опредѣленіе оныхЪ; они меня сражаютЪ; Цендегруды нѣтЪ на свѣтѣ, продолжалЪ онЪ, проливая горчайшихЪ слезЪ потоки, ее нѣтЪ уже на свѣтѣ! Жестокій АгемЪ! мерзское чудовище! что сдѣлала тебѣ божественная сія Принцесса? за что поступилЪ ты сЪ нею сЪ толикимЪ безчеловѣчіемЪ? АхЪ! не хочу жить болѣе, ее лишившись. По семЪ приказалЪ ѣхать вЪ Шояндагу, куда мы часа чрезЪ два и прибыли. Здѣсь-то печаль его новыя приняла силы; чуть было не скончалЪ дней своихЪ, увидя окровавленную одежду своей супруги, которую приказалЪ кЪ себѣ принести неотмѣнно, и проливая надЪ нею источникЪ слезЪ, повелѣлЪ соорудить безпримѣрной сей Принцессѣ великолѣпнѣйшую гробницу, и вЪ тотЪ же самой день отпустилЪ всю свою свиту; а при себѣ оставилЪ только меня одного для послѣдованія за нимЪ во всѣхЪ странствованіяхЪ, которыя предпріялЪ онЪ для раздраженія своей печали. Странствуя весьма долгое время по неизвѣстнымЪ намЪ мѣстамЪ, прибыли мы не подалеку отЪ Кандагара. ВЪ четверти мили отЪ сего города находилась неболь-

шая

шая мечеть, а подлѣ оной и кладбище. Тогда было уже поздно, и Принцъ, увидя множество гробницъ, и почувствуя отъ того умноженіе своей печали, намѣрялся препроводить тамъ ночь ту. Я не смѣлъ намѣренію его сопротивляться; старался сыскать для лошадей нашихъ такое мѣсто, гдѣ бы онѣ могли ходить и найти себѣ кормъ; но увидя не подалеку домикъ, который показался мнѣ жилищемъ Имана той мечети, пошелъ туда безъ дальняго размышленія; и въ мнѣніи моемъ не обманулся. Тамъ дѣйствительно жилъ Иманъ, который однако же въ то время пошелъ въ Кандагаръ для одного нужнаго ему дѣла. А какъ съ нимъ жилъ еще старичокъ, то я просилъ его, чтобы онъ дозволилъ поставить у нихъ на дворѣ нашихъ лошадей; и онъ не только мнѣ въ томъ не отказалъ, но далъ имъ ячменю, не требуя съ меня за то ни малѣйшей платы. По семъ сказавъ ему, что надлежало мнѣ итти къ своему господину, который всю ночь хотѣлъ препроводить на кладбищѣ, оставилъ я его, и пришелъ къ Принцу, котораго въ такомъ состояніи увидѣлъ, кое привело меня въ ужасъ. Онъ находился почти совсѣмъ внѣ себя. Рудъ-Бари! сказалъ онъ мнѣ, естьли бы ужасъ былъ мнѣ сроденъ, то видѣнное теперь мною конечно бы меня устрашило. Въ то время, какъ ты ходилъ, вышелъ изъ сего храма почтенный старецъ. Ты оплакиваешь Самаркандскую Принцессу, сказалъ онъ мнѣ, и ежедневно просишь Пророка о скончаніи отягчающихъ тебя болѣзней? Прозьбы твои услышаны; ступай въ Камбай; въ семъ-то городѣ онѣ

прекратятся, и вскорѣ соединишься ты съ Цендегрудою. По сихъ словахъ старецъ сокрылся, и оставилъ по себѣ стези весьма сіяющаго свѣта. Я не могъ сопротивляться первымъ движеніямъ, произведеннымъ въ душѣ моей симъ видѣніемъ; но разсудя, что городъ Камбай такой предѣлъ, на которомъ всѣ мои грусти и бѣдствія должны скончаться такою смертію, каковой я съ ревностію желаю, не могъ удержаться отъ возчувствованія всевозможной радости о семъ приключеніи. Поѣдемъ же въ Гузаратское царство, продолжалъ Принцъ, и когда предсказаніе сіе свершится, то возвратись въ Касгаръ, и обьяви о томъ Фрайдуну. Рѣчь сія, продолжалъ Рудъ-Бари, тронула меня столь много, что я не могъ отъ слезъ удержаться. Ахъ, другъ мой! сказалъ онъ мнѣ, перестань оплакивать, когда меня любишь, мою судьбину, которая меня въ Камбаѣ ожидаетъ; понеже она скончаетъ тѣ жестокія болѣзни, кои для меня несноснѣе самой смерти. Принцъ почивалъ въ ту ночь очень мало; я же не могъ сомкнуть глазъ почти ни на минуту; и какъ скоро день показался, то мы, сѣвъ на лошадей, въ путь отправились, и проѣхавъ королевства Гаяканское, Букерское, Ташайское и Соретское, прибыли въ Гузаратъ, а наконецъ и въ Камбай, гдѣ пристали мы въ караванъ-сералѣ, откуда перенесены въ сіи мѣста, не зная того, какимъ образомъ то съ нами сдѣлалось; и не только Принцъ, мой Государь, не обрѣтаетъ здѣсь желаннаго имъ облегченія; но еще кажется, что божественное сіе жилище умножаетъ его скорби,

понеже не можетъ того думать, чтобы оно могло быть его гробницею.

Во все то время, какъ Рудъ-Бари разсказывалъ, Цемъ-Алцаманъ погруженъ былъ въ глубочайшую задумчивость, такъ что Султанши крайнее сожаленіе о немъ возъимѣли; и Иманъ Кофробъ, видя, что онѣ къ пролитію слезъ пріуготовляются, подошелъ къ Касгарскому Принцу, и говорилъ ему такъ: уже долгое время испытываешь ты, Государь! всякія прискорбности злощастной жизни; Пророкъ сдержитъ данное тебѣ имъ слово, прекратитъ оныя, и сей же день возчувствуешь дѣйствія его предсказанія.

Чуть только скончалъ Иманъ рѣчь свою, какъ два невольника, поднявъ находящуюся въ залѣ завѣсу, представили одного младаго человѣка лѣтъ двантцати, и лица весьма прекраснаго. Какъ онъ пробужался еще отъ глубокаго сна, въ который онъ приведенъ былъ, то поддерживали его подъ руки; не могъ онъ взирать безъ удивленія на великолѣпное то жилище, въ коемъ онъ находился; царствующее тамъ глубокое молчаніе умножило еще болѣе его изумленіе; онъ прервалъ оное съ нѣкоторымъ родомъ боязни: развѣ въ сихъ прелестныхъ мѣстахъ, сказалъ онъ весьма жалостнымъ голосомъ, должно мнѣ обрѣсти скончаніе моихъ бѣдствій? Развѣ въ семъ великолѣпномъ жилищѣ найду то, чего мнѣ нѣтъ милѣе на свѣтѣ? Великій Пророкъ! продолжалъ онъ, не отвращай болѣе лица твоего отъ того человѣка, который въ преступленіяхъ

своихъ

своихъ съ раскаяніемъ признается; прости ему тѣ жестокости, кои уже очистилъ онъ довольно претерпѣнными имъ злоключеніями; возврати мнѣ спокойствіе моего духа, или лиши меня такой жизни, которая мнѣ уже несносна.

Младый сей человѣкъ не скончалъ еще прошенія своего Магомету, какъ Принцъ Касгарскій, возбужденный его голосомъ, обратя на него свои очи, палъ къ Рудъ-Бари въ руки: ахъ, любезный другъ! сказалъ онъ ему, вотъ совершеніе привидѣнія моего въ Кандагарѣ! я умираю!

Естьли все собраніе тронулось толь неожидаемымъ произшествіемъ, то оно пришло еще въ большее изумленіе, увидя, что тотъ младый человѣкъ, вырвавшись изъ рукъ у невольниковъ, подбѣжалъ къ Цемъ-Алцаману, бросился къ нему на шею, и обнималъ его съ величайшею горячностію. Дражайшій Принцъ! говорилъ онъ ему, проливая слезъ потоки, я тебя здѣсь обрѣтаю?

ВЕЧЕРЪ XLI.

Заключеніе исторіи о Цемъ-Алцаманѣ, Принцѣ Касгарскомъ, и о Ценгеглудѣ, Принцессѣ Самаркандской.

Толь великія ласки, и сей пронзающій сердце гласъ возвратили Касгарскому Принцу вскорѣ память; онъ сталъ вдругъ неподвиженъ, почиталъ все произходящее за дѣйствіе сновидѣнія; но наконецъ, собравшись совсѣмъ съ чувствами: о небо! вскричалъ онъ, возможно ли, чтобы въ

 рукахъ

рукахЪ держалЪ я Самаркандскую Принцессу? Это Цендегруда? я обнимаю дражайшую мою супругу? Великій ПророкЪ! естьли все сіе только сонЪ, то сдѣлай, чтобы я никогда не пробудился, дай мнѣ насладиться сЪ сею божественною Принцессою тѣми удовольствіями, которыя, дерзаю сказать, превосходятЪ и тѣ самыя, кои обѣщаваешь ты намЪ сЪ твоими Гуріями. Не сновидѣніе это, Государь! сказала Цендегруда, проливая слезЪ потоки. Когда невѣрный АгемЪ окружилЪ всю мою свиту, то я переодѣлась немедленно вЪ муское платье, дабы тѣмЪ лучше могла спастися, а вЪ свое платье нарядила я Грузинку, которая была моего роста и собою прекрасна, и повелѣла ей Самаркандскою Принцессою называться. Конечно нещастное какое приключеніе сей бѣдной заставило васЪ почитать меня вЪ неволѣ, или и вЪ мертвыхЪ. АхЪ! вскричалЪ ЦемЪ - АлцаманЪ, предразсужденія твои неложны. Нещастная сія Грузинка попалась вЪ руки жестокосердому Агему, и онЪ, нашедЪ ее упорною мерзостнымЪ своимЪ желаніямЪ, лишилЪ ее жизни; почитая ее тобою, отрубилЪ ей голову, а потомЪ и самЪ себя предалЪ смерти, которой конечно не избѣгЪ бы онЪ вЪ ужасныхЪ пріуготовляемыхЪ ему мученіяхЪ, естьли бы онЪ попался живой вЪ руки кЪ воинамЪ, приведеннымЪ РудЪ - БаріемЪ кЪ тебѣ на помощь. Сей вѣрный соучастникЪ моихЪ болѣзней, обманувшись самою вѣроятнѣйшею наружностію, почелЪ тебя жертвою жестокостей Агема; твое платье, ростЪ и обезображенная голова Грузинки заставили его думать, что ты воинами его

была

была задержана, приведена къ сему злодѣю, который присудилъ тебѣ одѣться пристойнымъ полу твоему образомъ, и видя себя уже въ несостоянiи мщенiя моего избѣгнуть, жертвовалъ тобою и всѣми твоими женами мерзостной своей зависти. Безполезно бы было, прекрасная Принцесса! разсказывать тебѣ, въ какое мучительное состоянiе приведенъ я сталъ сею вѣстiю; съ тѣхъ самыхъ поръ погружаюсь въ горчайшей печали, искалъ прекратить жизнь для меня несносную, и уже совсѣмъ почти предлежалъ жестокости моихъ нещастiй, какъ въ Кандагарѣ нѣкоторымъ родомъ видѣнiя узналъ, что соединюсь съ тобою въ Камбаѣ. Я не могъ предвѣщанiя сего растолковать въ толь хорошую сторону; я былъ увѣренъ, что въ семъ городѣ какимъ нибудь приключенiемъ скончаю смертiю всѣ мои напасти, и симъ образомъ соединюсь тамъ съ дражайшею моею Цендегрудою. Истребимъ, любезный супругъ! сказала съ горячностiю Принцесса, всѣ сiи нещастiя изъ памяти; когда Пророкъ соединяетъ насъ въ сихъ мѣстахъ толь чудеснымъ образомъ, то сiе есть явный знакъ, что покровительство его къ намъ продолжится. Я не могла такъ скоро объявить тебѣ обстоятельно, что со мною происходило. Будучи одна, и убѣгая мерзскаго Агема, коего жестокосердый нравъ мнѣ былъ не безъизвѣстенъ, страшилась я столь много съ нимъ встрѣтиться, что, погубя нѣсколько изъ его Араповъ, противившихся мнѣ въ моемъ бѣгствѣ, пользовалась скоростiю моей лошади, и скакавъ во весь опоръ, до тѣхъ поръ не успокоилась, пока не увидѣ-

ла себя въ безопасности попасться къ нему въ руки.

Наконецъ пріѣхала я въ Адеркандъ, и тамъ намѣрена была объявить о себѣ Градоначальнику, и требовать отъ него провожатыхъ, дабы въ Туркистанъ возвратиться, и ѣхать въ Касгаръ, какъ подлѣ Адеркандскихъ воротъ встрѣтилась я съ тѣмъ самымъ Календеромъ, который, какъ ты знаешь, отгадывалъ мнѣ въ Самаркандіи. Я думала, что онъ меня въ разсужденіи моей одежды не узнаетъ; однако онъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: милостивая государыня! вы испытали дѣйствія моихъ предсказаній, и всѣ прискорбія, которыя вы отъ чрезмѣрнаго своего сердца и вспыльчивости претерпѣли. Благодарите теперь Пророка, что спасъ тебѣ и честь и жизнь; поѣжжайте въ Камбай, есть ли хотите, чтобы нещастія ваши скончались вскорѣ.

Не мало слезъ стоило мнѣ упущеніе совѣтовъ, данныхъ мнѣ почтеннымъ симъ старцомъ въ Самаркандіи, и потому въ другой разъ не хотѣла уже пренебречь оными. Я поѣхала въ Камбай, и нынѣ по полудни пристала въ караванъ-сералѣ сего города. Надзиратель принялъ меня весьма ласковымъ образомъ. Онъ пришелъ ко мнѣ ужинать, и видя, что меня сонъ склоняетъ, оставилъ меня въ покоѣ; съ сей самой минуты не знаю, что со мною сдѣлалось, и какимъ чудомъ перенесена я въ толь великолѣпныя мѣста. Но что мнѣ до того нужды, какимъ образомъ то происходило? Когда оракулъ

Кален-

Календеровъ сбылся, и я нашла Принца, моего дражайшаго супруга, то о томъ и знать не искуся. Всѣ страхи мои миновались; я во объятіяхъ любезнѣйшаго для меня изъ всѣхъ на свѣтѣ человѣковъ. Султанши были весьма тронуты сими приключеніями; а Принцъ Касгарскій и Цендегруда благодарили ихъ за участіе, которое они по видимому въ томъ принимали, такъ что вечеръ сей препроводили они въ великомъ удовольствіи.

Всѣ Принцы и Принцессы, находящіяся въ сералѣ, наслаждались наипріятнѣйшими удовольствіями, выключая Султана Ормуцкаго. Сей Монархъ, льстясь обѣщаніями Кофробовыми, дожидался исполненія оныхъ съ великою нетерпѣливостію, такъ что онъ не могъ скрыть отъ Котбедина чрезвычайнаго того смятенія. Сколь различно мое состояніе отъ твоего, любезный другъ! сказалъ онъ ему: ты обладаешь спокойно всемъ тѣмъ, что ты ни любишь, а я мучусь, видя всегда обожаемой мною предметъ, не смѣя увѣрить ее въ моей страсти, какъ только одними вздохами. Правда, увѣряютъ меня, что божественная сія особа соотвѣтствуетъ моей горячности; но естьли щастливая та минута, въ которую я надѣюсь сдѣлаться ея супругомъ, еще очень отдалена отъ настоящаго времени, то чувствую, что я не въ силахъ буду перенесть сей скорби. Милостивый государь! отвѣтствовалъ Принцъ Висапурскій, мы довольно испытали покровительство премудраго Кофроба, и потому вы можете совершенно быть увѣрены,

что онъ ничего того не обѣщаетъ, что сдѣлаться не можетъ. Не уничтожайте сими неосновательными безпокойствами того удовольствія, которое вы должны чувствовать отъ благополучія столь близкаго; положитесь на Провидѣніе, которое вамъ доселѣ благопріятствовало.

Разговоры Котбедина успокоили нѣсколько Кацанъ-Кана, такъ что онъ ту ночь препроводилъ довольно спокойно. Наконецъ приближился часъ собранія въ залѣ, куда и онъ пошелъ по своему обыкновенію. Лишь только Султанши сѣли на свои мѣста, и какъ подняты были занавѣсы, то увидѣли человѣка, сидящаго на софѣ; ему было около тритцати лѣтъ; на лицѣ его видна была великая печаль, которую мало помалу прогнало удивленіе, кое онъ показывалъ, видя себя въ такомъ мѣстѣ, которое ему совсѣмъ незнакомо было, и съ великолѣпіемъ котораго ничто сравниться не могло. Получа совершенное употребленіе чувствъ, сказалъ Султаншамъ: милостивыя государыни! простите мнѣ мое любопытство; пріѣхавъ вчера въ Камбай уже довольно поздно, присталъ я въ караванъ-сералѣ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы сей день походить по гавани и по городу для нужнѣйшихъ дѣлъ, потому что тому нѣсколько дней, разлучась нѣкоимъ жестокимъ случаемъ съ любезнѣйшею для меня на свѣтѣ особою, не могу жить ни одной минуты спокойно, и всякой мигъ, пропускаемой мною въ разсужденіи поисковъ оной, умножаетъ только мое отчаяніе; и такъ откройте мнѣ, на яву ли все вижу, и какимъ

уди-

удивительнымъ случаемъ нахожусь въ сихъ прелестныхъ мѣстахъ? А естьли вы тѣ благодѣтельные духи, которые человѣческому воображенію во снѣ представляются, то сдѣлайте милость, откройте мнѣ, жива ли еще дражайшая моя Маргона, и гдѣ могу съ нею свидѣться? Султанши начали смѣяться таковой его о нихъ мысли; но Кофробъ говорилъ ему такъ: та, о которой ты столь много безпокоишься, чувствуетъ не менѣе прискорбія отъ твоей съ нею разлуки; она ѣздитъ по всѣмъ гаванямъ сихъ морей, дабы о тебѣ получить извѣстіе; но ты увидишься съ нею въ сихъ мѣстахъ въ непродолжительномъ времени; сему долженъ ты вѣрить, потому что я тебѣ говорю, что все сіе не дѣйствіе сна, и что сіи особы, коихъ ты здѣсь видишь, суть изъ числа тѣхъ духовъ, кои для утѣшенія нещастныхъ созданы. А понеже и ты кажешься таковымъ человѣкомъ, то не отлагай разсказать намъ приключенія твоей жизни. Хотя оныя намъ и не безъизвѣстны, однако мы хотимъ познавать оныя и отъ самыхъ тѣхъ людей; и смотря, съ каковою искренностію они въ повѣствованіяхъ своихъ поступаютъ, располагаемъ и мы старанія наша ко оказанію имъ всевозможныхъ услугъ.

Великій духъ! подхватилъ тогда сей человѣкъ, подаваемыя мнѣ тобою лестныя надежды побудили бы меня ни въ чемъ отъ васъ не таиться, хотя бы и великія имѣлъ причины сокрыть отъ васъ нѣкоторую часть моихъ приключеній; и такъ хочу разсказать вамъ о нихъ съ точнѣйщею истинною:

Приключенія Катифея и Маргоны.

Я называюсь Катифа; отецъ мой умеръ тому уже двенатцать лѣтъ назадъ, и былъ Офицеромъ въ службѣ Короля *Аденскаго.* Изъ пяти дѣтей (столько насъ у него было) трое братьевъ померло; сестра же моя единородная была похищена на 4 году ея возраста и съ ея кормилицею, такъ что я одинъ остался утѣшеніемъ моей матери, которой кротость и добродѣтель не мало споспѣшествовали къ моему просвѣщенію. Двантцати лѣтъ пошелъ я въ воинскую службу, и могу не льстя себѣ сказать, что я пріобрѣлъ великую хвалу въ послѣднюю войну, которую Государь нашъ имѣлъ съ нѣкоторыми его непріятелями.

Мы имѣли въ сосѣдствѣ нѣкую молодую вдову, которая по сказкамъ моей матери, имѣющей съ нею сообщеніе, была весьма прекрасна. Повѣсти матери моей о сей красавицѣ сдѣлали, что я почувствовалъ къ ней чрезмѣрную любовь, которая основана была на одномъ только почтеніи къ красотѣ ея. Я изыскивалъ всѣ возможные способы сдѣлаться къ ней вхожъ; но какъ она была нестранноприимчива, то старанія мои были всѣ напрасны. И какъ я началъ уже отчаяваться быть когда нибудь знакомымъ сей дикой красотѣ, то представился мнѣ одинъ случай ее увидѣть, которымъ я и не преминулъ воспользоваться.

ВЕЧЕРЪ XLII.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Въ одинъ день былъ я на большомъ кладбищѣ, находящемся за городомъ Аденомъ. Тамъ попался мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей, именемъ Машъ-Моунъ. Какъ мы съ нимъ не видались долгое время, то заключили мы другъ друга въ объятія съ великою горячностію. Я было хотѣлъ начать съ нимъ разговоръ, который бы увѣдомилъ меня о теперешнемъ его состояніи; но онъ, закрывъ лице полою своего платья, и взявъ меня за руку, сказалъ съ усмѣшкою: пойдемъ поскорѣй отсюду; я имѣю важныя причины поступить такимъ образомъ. Удивляясь сему его дѣйствію, послѣдовалъ я за нимъ. Мы еще не перешли двухъ сотъ шаговъ, какъ онъ, открывъ свое лице, сказалъ мнѣ: ты бы меня спросилъ конечно, какого я состоянія; но теперь ты можешь узнать оное. Никакъ, отвѣтствовалъ я ему . . . Я Докторъ, продолжалъ онъ; и какъ ты видѣлъ минуту тому назадъ, что я шелъ чрезъ сіе мѣсто, закрывъ лице, то было для того, что многіе мертвые, которыхъ я проводилъ на тотъ свѣтъ, были погребены на семъ мѣстѣ. И такъ я всегда боюсь, чтобъ кто нибудь изъ нихъ, узнавъ меня, не поймалъ, и не отомстилъ мнѣ за мое незнаніе. Вотъ причина, для которой я убѣгаю сей дороги; и ежели когда я принужденъ итти чрезъ сіе мѣсто, то поступаю такъ, какъ ты видѣлъ, дабы господа мертвецы меня не узнали.

Я не могъ удержаться, чтобы не смѣяться поступкѣ господина Доктора, и возобновя съ нимъ прежнее знакомство, позвалъ его съ собою обѣдать. Мы пошли къ одной добринькой старушкѣ, которая снабдѣвала насъ иногда изряднымъ кушаньемъ. Тамъ пообѣдавши весьма изрядно, и поговоря за столомъ о забавахъ, во время нашей молодости бывшихъ, начали мы разговаривать о славныхъ красавицахъ Аденскихъ. Разсказывая ему имена многихъ дѣвушекъ и вдовъ, кои красотою своею знатны были въ городѣ, не позабылъ я упомянуть и о Маргонѣ, коей прелести я выше всего въ свѣтѣ почиталъ. Кому ты сказываешь? подхватилъ Машъ-Моунъ, кто можетъ ее знать лучше? я ея Докторъ, а еще больше, я зять ея. Тому только шесть мѣсяцовъ, какъ я женился на одной изъ ея сестеръ, именемъ *Даранѣ*. Она жила съ нею, и ни мало ей въ красотѣ не уступаетъ. Я могу сказать, что обладая сердцемъ сей обожанія достойной женщины, и которая соотвѣтствуетъ мнѣ равномѣрною горячностію, почитаю себя щастливѣйщимъ изъ смертныхъ.

Сіе извѣстіе привело меня въ восхищеніе. Ахъ, любезный другъ! вскричалъ я, обнимая его, это правда, что сія молодая вдова столько прекрасна, какъ о ней сказываютъ. Дѣйствительно такъ, отвѣтствовалъ Машъ-Моунъ; ничего нѣтъ въ естествѣ совершеннѣе ее, и тѣмъ еще отъ прочихъ особеннѣе, что Маргона по одному только духовному обряду должна почитаема быть вдовою; ибо по причинѣ болѣзни,

кото-

которою она при бракосочетаніи была одержима, лишилась она прежде мужа, нежели сей болѣзни, отъ которой она еще и понынѣ несовершенно избавилась, хотя я и всевозможные употребляю способы къ ея выздоровленію, спрашивая совѣта у всѣхъ знатнѣйшихъ Медиковъ Аденскихъ.

Какая бы то неизлечимая болѣзнь была? спросилъ я у моего друга. Превеликой чирей на правой рукѣ, сказалъ онъ мнѣ. Чирей! вскричалъ я съ радости, чирей? Ахъ, дражайшій мой Машъ-Моунъ! я ее совершенно отъ того вылечу; только надобно напередъ мнѣ ея болѣзнь видѣть. Ты бы очень былъ искусенъ, сказалъ Докторъ, естьли бы ты могъ изцѣлять подобныя боли: ежели бы Мегеметъ Бенъ-Ценерія былъ еще живъ, то бы и онъ не дерзалъ говорить такъ смѣло, и не смотря на всю его способность, онъ бы боялся, чтобы не обезславить себя такимъ предпріятіемъ. Не сравнивая себя съ такимъ великимъ человѣкомъ (ибо я не знаю и первыхъ основаній Медицины), увѣряю васъ, что я вылечу Маргону, и не потребую отъ нее другаго награжденія, кромѣ того, чтобы быть ею любимымъ, и на ней жениться. Вотъ цѣна, которую я поставляю за ея изцѣленіе. О! что до послѣдняго принадлежитъ, отвѣтствовалъ мой другъ, то я не знаю, можешь ли ты достигнуть до твоего намѣренія? Сія молодая вдова имѣетъ странное отвращеніе отъ супружества. Я сему очень вѣрю, послѣдуя тому, что я объ ней знаю отъ моей матери; она вышла за дряхлаго старика, а сіе

не

не соотвѣтствуетъ вкусу молодой женщины, и я думаю, что она не досадовала на болѣзнь, которая препятствовала желаніямъ сего старика, къ коему она конечно имѣла великое омерзѣніе. Но я молодъ, и природа, благопріятствуя мнѣ, дала мнѣ не дурной видъ. Могу сказать, что мы всѣ военные имѣемъ обманчивой языкъ, которой нравится всѣмъ красавицамъ; я льщусь, что строгости Маргоны уступятъ моимъ лѣкарствамъ, коихъ дѣйствія столь для нее полезны, и чего бы то ей ни стоило, она захочетъ быть здорова. А чтобъ увѣрить тебя, что я не лжецъ и не обѣщаю ничего, чего я не могу дѣйствительно сдѣлать, то послушай, что тебѣ скажу.

ВЕЧЕРЪ XLIII.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Нѣкоторый Офицеръ, мой пріятель, имѣетъ небольшую деревню, лежащую на нѣсколько миль отсюда; онъ любитъ очень охоту, и имѣетъ три изрядныя собаки. Прошедшаго года пробылъ я у него въ деревнѣ цѣлые шесть мѣсяцовъ. Одинъ день пріѣхалъ онъ съ охоты весьма печаленъ о томъ, что одна изъ лучшихъ его собакъ ошелудивѣла столь сильно, что никакимъ лѣкарствомъ не можно ее было вылечить. И въ самомъ дѣлѣ боль была столь велика, что проницала до костей, и вереды были столь сильны, что едва она не умерла отъ оныхъ. Тронутъ будучи жалостію, взялъ я ее съ собою, и повелъ на поле. Звѣри, сказалъ я самъ въ себѣ, знаютъ

ютъ сами почти всѣ лѣкарства, служащія къ излеченію ихъ болѣзней; можетъ быть и сія найдетъ какую нибудь траву, которая ее излечить можетъ. Въ такомъ разсужденіи повелъ я ее на лугъ, и не допускалъ ни до чего дотрогиваться. По случаю подошелъ я къ нѣкоему источнику, которой, истекая изъ горы, водами своими составилъ небольшое озеро; отъ чего различными ручьями протекающая вода орошала окружающія ее поля. Мнѣ разсудилось пустить мою собаку тамъ напиться. Она вошла въ помянутое озерко, и напившись довольно, легла по самую шею, гдѣ и лежала около часа, какъ бы въ банѣ. Я не удивлялся, видя, что сей бѣдный звѣрокъ, имѣя конечно весьма разпаленную кровь, старался симъ образомъ прохладиться; но удивился я чрезмѣрнымъ ласкамъ, оказываемымъ мнѣ имъ по выходѣ изъ воды, и примѣтя въ ней тогда бодрости гораздо болѣе прежняго. На другой же день приведенъ былъ я еще въ большее удивленіе, видя, что собака дергала меня за полу, и такъ сказать, указывала мнѣ дорогу къ источнику; я пошелъ за нею туда, и она сдѣлала тамъ тоже, что учинила на канунѣ, и то продолжала она почти болѣе трехъ недѣль. По прошествіи сего времени она совсѣмъ выздоровѣла, такъ что господинъ ея находился о томъ въ крайнемъ изумленіи. Въ семъ-то состоитъ мое лѣкарство, любезный Машъ-Мо-унъ! я только одинъ знаю доброту воды сего источника; и когда помощію оной вылечу совсѣмъ прекрасную Маргону, то объявлю тебѣ, гдѣ оный находится, и тогда можешь ты имъ

поль-

пользоваться. Но теперь требую отъ тебя только слѣдующаго: хвали всюду мое лѣкарство, разгласи меня весьма искуснымъ врачемъ, сведи меня къ сей прелестной вдовѣ, а о прочемъ буду уже самъ стараться.

Сколь ни мало вѣрилъ Машъ-Моунъ таковому дѣйствію объявляемой мною виды; однако не хотѣлъ испытанія сего упустить; все исполнено было по моему предложенію, и онъ, доведя свою своячину, что она видѣть меня желала, представилъ меня ей, какъ такого человѣка, который только одинъ можетъ подать въ болѣзни ея спомоществованіе. Хотя Маргона и чрезмѣрно много претерпѣвала, и оное долженствовало въ лицѣ ея произвесть не малую перемѣну; однако признаюсь, что я ею сразился, и никогда ничего толь совершеннаго не видывалъ. Я осматривалъ у ней руку, которая была въ прежалостномъ состояніи, разсуждалъ о ея болѣзни, увѣрялъ ее въ скоромъ выздоровленіи, и давъ нѣкоторое легкое слабительное для очищенія крови, давалъ ей цѣлыя двѣ недѣли ввечеру и поутру пить по одной бутылкѣ той воды, которую я ей приносилъ, и за которою я самъ хаживалъ по ночамъ къ тому источнику. По прошествіи толь краткаго времени Маргона почувствовала въ себѣ противъ прежняго такую перемѣну, что изъявляла мнѣ величайшую свою благодарность, отъ чего въ неописанную пришелъ я радость. Вы скоро совсѣмъ выздоровѣете, дражайшая Маргона! сказалъ я ей, и я не сомнѣваюсь, чтобы вы получа совершенное здравіе, не премѣнили вскорѣ

своего состоянія; понеже то, въ коемъ вы теперь находитесь, весьма скучно; вы же не такъ сотворены, чтобы лучшіе ваши дни препровождать такимъ образомъ. Удостойте для наслажденія благополучнѣйшею жизнію принять такое сердце, которое васъ обожаетъ, и во врачѣ своемъ познайте такого любовника, который первѣйшимъ своимъ благополучіемъ будетъ почитать единственно только то, чтобы вами быть любиму.

Маргона пришла отъ толь неожидаемой рѣчи въ величайшее изумленіе, долгое время глубокое молчаніе наблюдала, и смотрѣла на меня толь разгнѣванными очами, что я трепеталъ подобно преступнику, на казнь идущему. Пронзенъ будучи жесточайшею скорбію, палъ я къ ногамъ ея: милостивая государыня! сказалъ я ей, прежде нежели явишь на мнѣ весь гнѣвъ твой, дозволь мнѣ предъ тобою оправдаться въ такомъ дерзновеніи, въ которомъ не могу ни мало раскаеваться, понеже оно толь полезно для тебя было. Я не врачь, хотя только и одинъ знаю то таинство, отъ коего ты совсѣмъ выздоровѣть можешь; ты предъ ногами своими видишь такого человѣка, который оружіемъ пріобрѣлъ уже довольную себѣ честь и славу; притомъ по щастію рожденъ я одною изъ лучшихъ твоихъ пріятельницъ, понеже я сынъ *Сераги*, ближней твоей сосѣдки. Познавъ отъ нее о твоихъ совершенствахъ, любилъ тебя уже и не бывъ знакомымъ; обожаю тебя съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ въ первый разъ тебя увидѣлъ; и какую

бы строгость ни оказывала ты въ разсужденіи меня, однако клянусь главою преславнаго нашего Султана, что никогда не престану тебя любить съ совершеннѣйшею преданностію; употреблю всѣ свои силы къ побѣжденію въ тебѣ того неосновательнаго отвращенія, которое ты ко всему нашему полу имѣешь; и льщусь, что когда страстный Катифей возвратитъ тебѣ, такъ сказать жизнь, не будешь ты столь жестокосерда, чтобы предать его смерти.

Сіи послѣднія слова, произнесенныя мною не безъ пролитія слезъ горчайшихъ, казалось тронули Маргону. Услуга, сказала она мнѣ нѣсколько смущенно, которую ты мнѣ оказалъ, требуетъ того, чтобы простила тебя въ той смѣлости, кою принялъ ты ко вшествію въ домъ мой подъ симъ притворнымъ видомъ; но начиная подавать мнѣ нѣкоторое облегченіе, показываешь ты довольно, сколь любовь твоя наполнена корыстію; объявленіе сіе долженъ былъ ты сохранять до тѣхъ поръ, пока я совсѣмъ не выздоровѣю, и мнѣ кажется, что я совершеннаго моего выздоровленія не могу ни мало надѣяться, пока не обѣщаю тебѣ руки моей. Естьли требованія твои таковы, и тѣмъ чаешь ты привесть меня въ необходимость съ тобою сочетаться, то въ томъ обманываешься ты очень много; я остануся лучше въ томъ состояніи, въ которомъ нахожусь нынѣ, нежели захочу обѣщать тебѣ что лестное; благородство моего духа тѣмъ крайнѣ оскорбится. Ты знаешь меня очень худо; однако скажу тебѣ во утѣшеніе,

ніе, что я еще до сихъ поръ никого не любила, ниже покойнаго моего мужа, естьли симъ именемъ могу назвать того, который данными ему родителями моими надо мною безъ согласія моего правами никогда не пользовался. Я говорю съ тобою, какъ ты видишь, откровенно; и признаюсь, что естьли бы надлежало мнѣ съ кѣмъ соединиться бракомъ, то можетъ быть избрала бы къ тому тебя; понеже въ Катифеѣ ничего не нахожу такого, что бы мнѣ противно было, выключая только того, что съ таковымъ стремленіемъ мнилъ меня принудить, не быть къ нему неблагодарною за оказываемыя мнѣ имъ услуги.

ВЕЧЕРЪ XLIV.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Таковый отвѣтъ Маргоны и таковыя ея мысли привели меня въ толь великое удивленіе, что нѣсколько времени стоялъ я неподвижимъ; но по томъ, утвердясь въ моемъ намѣреніи, сказалъ ей: изрядно же, государыня моя! я вамъ докажу мое безкорыстіе, освободя васъ совсѣмъ отъ такой болѣзни, которая самымъ славнымъ Аденскимъ врачемъ казалась неизцѣлимою, и не требуя отъ васъ за то ни малѣйшаго награжденія; довольно для меня и того, что открылъ вамъ любовь свою и совершенное мое повиновеніе вашей волѣ. Таковое намѣреніе, льщусь, смягчитъ когда нибудь ваши суровости. Это легко статься можетъ, сказала мнѣ прекрасная вдова; однако я тебѣ ничего не обѣщаю,

дабы ты не имѣлъ никогда права отъ меня чего требовать.

Я продолжалъ пользовать Маргону прежнею водою такъ, что напослѣдокъ приносилъ къ ней всякой день по стольку, чтобы она въ ней могла купаться; и какъ прекрасная сія особа отчасу болѣе приходила въ здравіе, и наконецъ вередъ совсѣмъ пропалъ, то всю пользу сего врачеванія оставилъ Машъ-Моуну.

Радость, чувствуемая Маргоною о толь скоромъ выздоровленіи, претерпѣвая болѣе трехъ лѣтъ несноснѣйшія скорби, показывалась въ прекраснѣйшихъ и прелестнѣйшихъ очахъ ея; и я не могъ сносить взоровъ ея, не будучи оными отчасу болѣе сражаемъ. Государыня моя! сказалъ я ей тогда, я вамъ уже болѣе ненуженъ; и естьли присутствіе мое васъ не безпокоитъ, то успѣхъ врачеванія моего награжденъ величайшимъ въ свѣтѣ образомъ. Присутствіе твое, государь мой! отвѣтствовала мнѣ сія любезная особа, не можетъ никогда произвесть во мнѣ досады и скуки, понеже сіе есть самою малѣйшею благодарностію за полученное мною отъ тебя толь великое благодѣяніе; но какъ посѣщенія твои могутъ чести моей быть предосудительны, то разумъ твой заставляетъ меня льститься, что прекратишь оныя; ты въ первый разъ пришелъ ко мнѣ съ моимъ шуриномъ; послѣ того приходилъ ты ко мнѣ врачемъ; теперь же, когда весь городъ о выздоровленіи моемъ знаетъ, невольники мои могутъ подозрѣвать меня въ моихъ поступкахъ, естьли тебя будутъ

въ

вЪ домѣ моемЪ видѣть часто . . . О! какЪ они благополучны! вскричалЪ я; сколь щасшливы сіи невольники! они будутЪ видѣть тебя всякую минуту, единое твое присутствіе ихЪ утѣшаетЪ; я же осужденЪ стенать отЪ тебя во удаленіи. О! сколь много судьбинѣ ихЪ завидую! Преимущество ихЪ, быть при мнѣ, стоитЪ имЪ нѣсколько дорого, сказала на то Маргона усмѣхнувшись, и я не думаю, чтобы захотѣлЪ ты быть на ихЪ мѣстѣ, да можетЪ быть и я того не желаю; статься можетЪ, что когда нибудь на тебя . . . АхЪ, государыня моя! сказалЪ я тогда, прервавЪ рѣчь прекрасной сей особы, какія лестныя слова произнесли теперь дражайшія уста твои! Ты на меня обратишься? Сколь бы благополучнымЪ почелЪ себя, когда бы то сбылося! НѣтЪ того на свѣтѣ, чего бы не сдѣлалЪ я, дабы щастія сего быть достойнымЪ. Изрядно же, продолжала Маргона, посмотримЪ, правду ли ты говоришь? Мнишь ли себя способнымЪ кЪ претерпѣнію двухЪ наистрожайшихЪ опытовЪ, которые должны быть продолжительны и трудны? Естьли ты по онымЪ исполнишь сЪ точностію, то обѣщаюсь быть твоею женою. НѣтЪ ничего такого вЪ свѣтѣ, чему бы не захотѣлЪ себя подвергнуть, когда только надежда, тебѣ понравиться, меня не оставитЪ. ТакимЪ образомЪ, слыхала я отЪ другихЪ, говорятЪ обыкновенно любовники, сказала мнѣ тогда прекрасная Маргона; они этотЪ языкЪ совершенно разумѣютЪ; но какЪ скоро становятся мужьями, то всѣ поступки и мысли свои совсѣмЪ перемѣняютЪ; они почти всегда дѣлаются мучителями,

ми, поступая съ нами какъ съ своими рабами, и недовольны будучи презрѣніемъ толь многократно произносимыхъ обѣщаній, становятся клятвопреступниками и измѣнниками безъ всякаго угрызенія совѣсти; чувствуютъ къ намъ сильнѣйшее отвращеніе, жертвуютъ нами первому плѣняющему ихъ предмету, и содержатъ насъ въ несноснѣйшемъ плѣну и неволѣ. Вотъ что слыхала я отъ самыхъ прекрасныхъ женъ Аденскихъ, и безпрестанныя ихъ жалобы показываютъ мнѣ злобное сердце почти всѣхъ мущинъ. Что касается до меня, то я, будучи рождена съ превосходящими особъ моего пола мыслями, и оставшись нынѣ неограниченною властительницею своей судьбины, не отдамся никогда ни одному человѣку въ супруги, пока не вызнаю его совершенно; а сіе не иначе могу сдѣлать, какъ подвергнувъ его сильнѣйшимъ опытамъ, которыхъ я, не взирая на всѣ твои усильныя увѣренія, объявить не намѣрена. Ахъ, милостивая государыня! вскричалъ я тогда, бросившись къ ногамъ ея, я повторяю ихъ еще разъ, изъясни мнѣ сіи толь тягостныя во исполненіи дѣла; клянусь тебѣ всемъ священнѣйшимъ въ свѣтѣ, что на все отважусь, естьли только оное человѣческихъ силъ не превосходитъ. Изрядно, сказала мнѣ тогда Маргона, когда ты знать ихъ толь усильно желаешь, то я ихъ тебѣ открою; можетъ быть въ одинъ мигъ потушатъ они всю страсть твою; но приступя съ тобою къ таковому изъясненію, покажусь тебѣ можетъ нѣсколько смѣшною въ разсужденіи странныхъ моихъ мыслей; и для того требую отъ тебя повиновенія онымъ, или

отре-

отрекись на вѣки со мною видѣться; теперь еще есть время оставовить мое намѣреніе. Ахъ, милостивая государыня! подавъ мнѣ надежду, что повиновеніемъ моимъ тебя трону, можешь ли лишить меня удовольствія, доказать тебѣ, что совсѣмъ другое отъ прочихъ мущинъ имѣю сердце? Когда ты того желаешь, отвѣтствовала мнѣ на то Маргона, то вотъ съ какими договорами получишь мою руку: вопервыхъ долженъ ты сдѣлаться настоящимъ моимъ рабомъ, то есть, чтобы браковщикъ невольниковъ привелъ тебя ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы продалъ тебя мнѣ совсѣмъ, и взялъ за тебя настоящую цѣну, а ты бы съ той самой минуты лишился вольности своей, такъ чтобы я могла тебя перепродать, когда услугами твоими не буду довольна; притомъ не дожидайся того, чтобы употребила тебя для служенія во внутреннихъ моихъ покояхъ; таковые люди, какъ ты, не должны никогда входить въ оные. Ты будешь видѣть меня въ присутствіи моихъ невольницъ, и подъ лишеніемъ живота запрещается тебѣ открыть кому нибудь, кто ты таковъ, ниже говорить со мною когда нибудь клонящееся на любовь твою. Рабство сіе должно продолжиться цѣлый годъ; единую же милость хочу съ тобою сдѣлать ту, чтобы тебя ни за чемъ не посылать въ городъ; но приуготовляйся къ повиновенію въ домѣ моемъ всякую минуту, и къ снесенію величайшей строгости и гордости безъ малѣйшаго роптанія. Скажи теперь, не устрашаетъ ли тебя первый сей опытъ? Ни мало, отвѣтствовалъ я ей; согласуюсь на все то безъ всякаго прекословія; я буду тебя иногда видѣть;

мои услуги, каковы онѣ ни будутъ, станутъ тебѣ безпрестанно показывать ту чрезмѣрную горячность, которую я къ тебѣ ощущаю, а сіе уже для меня всего милѣе на свѣтѣ.

Маргона, казалось, тронулась симъ моимъ отвѣтомъ. Сіе еще не все то, чего я отъ тебя требую, сказала она мнѣ. По препровожденіи сего года у меня въ службѣ, когда только послушаніемъ твоимъ довольна буду, надлежитъ еще доказать мнѣ твою благосклонность и повиновеніе чѣмъ нибудь еще сего труднѣйшимъ. Я возвращу тебѣ свободу; но съ той самой минуты долженъ ты лишиться употребленія языка, и другой годъ осудить себя на самопроизвольное молчаніе; не позволяется тебѣ говорить чрезъ все то время ни одного слова ни съ кѣмъ, ниже со мною, когда прикажу тебѣ говорить на единѣ со мною, въ какомъ бы случаѣ и какимъ бы то образомъ ни было; запрещаю также не объявлять никому, ни письменно ни знаками, для какихъ причинъ наблюдаешь ты таковое молчаніе, и послѣднее сіе повелѣніе памятуй всего болѣе; я стану употреблять всѣ силы, чтобы тебя искусить; и естьли въ томъ получу успѣхъ, то знай, что лишишься всего плода всѣхъ своихъ трудовъ и оказаннаго послушанія.

Хотя повелѣніе сіе кажется мнѣ гораздо несноснѣе перваго; однако, дражайшая Маргона, сказалъ я ей, стану поступать съ такою предосторожностію, что надѣюсь получить твою милость. И такъ сіи повелѣнія пріемлю съ крайнимъ

нимЪ удовольствіемЪ, сколь онѣ ни несносны; и безпримѣрнымЪ послушаніемЪ докажу тебѣ, что всей твоей горячности достоинЪ. Но что подумаетЪ Маш-МоунЪ о семЪ молчаніи? ОнЪ часто кЪ тебѣ ходитЪ; онЪ узнаетЪ меня конечно и вЪ невольничьемЪ платьѣ; упорство мое, не говорить ни слова, покажется ему подозрительно; разскажетЪ о томЪ вЪ Аденѣ, и таковыя слѣдствія могутЪ вредить твоей чести, которая мнѣ драгоцѣннѣе моей жизни. Попеченіе сіе заставляетЪ меня тебя благодарить, сказала мнѣ прекрасная вдова; я отвращу таковое подозрѣніе; отпиши теперь же кЪ МашЪ-Моуну, и открой ему таинство, коимЪ ты меня вылечилЪ; я берусь отдать ему твое письмо, и принужу его кЪ молчанію, заставя его того опасаться, что малѣйшая его нескромность принудитЪ тебя открыть всему свѣту такое лѣкарство, которымЪ онЪ единственно щастіе свое сдѣлать можетЪ.

Я написалЪ кЪ Доктору, и открылЪ ему про то мѣсто, гдѣ толь цѣлебный источникЪ находился; и отдавЪ письмецо мое Маргонѣ, увѣрялЪ ее, что я совсѣмЪ готовЪ исполнить по даннымЪ мнѣ ею повелѣніямЪ сЪ особливою точностію.

Удивленіе дражайщей моей вдовы усугубилось, видя, что я всему тому намѣренЪ повиноваться, чего она отЪ меня требовала. Ты того, государь мой! хочешь, и чрезмѣрныхЪ тѣхЪ препятствЪ, которыя я вЪ любви твоей полагаю, ни мало не страшишься? Изрядно же, я согласна

 на

на твое желанiе; однако даю тебѣ еще недѣлю на разсмотрѣнiе того здравымъ разумомъ; по прошествiи сего времени буду тебя ожидать къ себѣ въ рабы; трепещи, вообразя себѣ, что принужденъ ты будешь отъ своенравiя моего сносить цѣлые два года; представь себѣ, что одинъ мигъ можетъ лишить тебя плода всѣхъ трудовъ твоихъ. Намѣренiе мое уже положено твердо, отвѣтствовалъ я, любовь моя сильнѣе всѣхъ поставляемыхъ тобою препятствъ; съ завтрашняго же дня приступлю ко исполненiю твоихъ повелѣнiй. Послѣдуй же своему предпрiятiю, сказала мнѣ Маргона, и будь увѣренъ, что обѣщанную мною награду получишь, когда все съ точностiю исполнишь; уже не буду болѣе страшиться избрать себѣ супругомъ такого человѣка, который волѣ моей толь покоренъ будетъ, и который толь тягостные опыты вытерпитъ.

ВЕЧЕРЪ XLV.

Продолженiе приключенiй Катифея и Маргоны.

Я оставилъ Маргону, возхищаясь величайшею радостiю, и облобызавъ сперва ея колѣна, пошелъ немедленно къ себѣ домой для размышленiя, какимъ образомъ могу намѣренiя свои исполнить. На другой же день пошелъ къ знакомому мнѣ купцу невольниками, и открылъ ему свое предпрiятiе, отъ чего приведенъ онъ былъ во изумленiе. Ахъ, государь мой! чего ты отъ меня требуешь? Естьли Султанъ нашъ узнаетъ, что я вольнаго человѣка продалъ, то что со

мною

мнoю возпослѣдуетъ? Чему подвергаешь ты и самаго себя? Естьли я толико слабости имѣю, и на требованіе твое соглашуся, то чего не долженъ ты отъ своенравія женщины опасаться? Ставъ неограниченною повелительницею твоей вольности, не можетъ ли привесть тебя въ несноснѣйшее рабство, перепродавъ тебя такому господину, который, статься можетъ, увезетъ тебя и изъ сего государства? Нѣтъ, государь! не могу вознамѣриться исполнить въ семъ случаѣ твое повелѣніе.

Тщетно сопротивлялся купецъ моимъ желаніямъ; я принудилъ его для собственной его безопасности взять съ меня росписку, по которой разполагалъ онъ мною по собственному моему прошенію, и что какой бы случай со мною ни возпослѣдовалъ, не долженъ онъ за то ни мало отвѣтствовать. Я же требовалъ отъ него только того, чтобы ни подъ какимъ видомъ не говорилъ онъ никогда о семъ приключеніи, и угрожалъ его лишить жизни, естьли нескромностію своею помрачитъ славу прекрасной моей вдовы. По семъ велѣлъ выбрить себѣ бороду начисто, нарядился пристойнымъ образомъ тому состоянію, къ которому я себя опредѣлилъ. Купецъ повелъ меня къ Маргонѣ, и велѣлъ ей сказать, что увѣдомившись, что ей надобенъ одинъ невольникъ, привелъ къ ней такого, который ей конечно будетъ угоденъ.

Прелестная моя вдова, думая, что я, собравшись съ разумомъ, оставлю свое предпріятіе, приведена была объявленіемъ симъ во удивленіе;

вленіе; однако приказала ему меня показать, и онЪ, приведя меня кЪ ней, продалЪ меня за пятьдесятЪ золотыхЪ, которые онЪ по повелѢнію моему и взялЪ себѢ, а меня оставилЪ вЪ рабствѢ, которое я почиталЪ тѢмЪ пріятнѢе, что мнилЪ имѢть часто случай видѢть мою повелительницу. Но какЪ скоро познал я, сколь много вЪ разположеніяхЪ своихЪ обманулся!

Едва только вступилЪ я вЪ сей домЪ, какЪ Маргона, взирая на меня сЪ прегордымЪ и строгимЪ видомЪ, сказала мнѢ: Мани! (ибо такЪ назвалЪ меня купецЪ невольниками) я думаю, что я вЪ покупкѢ тебя не ошиблась, и что будешь ты мнѢ служить вѢрно; поди вЪ загородной мой домЪ, и отдай сіе письмо тамошнему управителю; я приказала ему сдѢлать тебя надсмотрщикомЪ надЪ работами, которыя у меня тамЪ вЪ садахЪ производятся. Я буду туда иногда пріѢжжать, и увижу, какЪ рачительно станешь ты отправлять свою должность. Хотя и несноснѢйшую скорбь возчувствовалЪ я, получа такое повелѢніе, которое меня отЪ владычицы моей удаляло; однако, возпомня о ея предписаніи, поцѢловалЪ ее вЪ полу, и принялЪ отЪ ней письмо, не могши притомЪ удержать горчайшихЪ слезЪ потоки, которыя она примѢтила, и оставивЪ ее, отправился немедленно вЪ назначенное мнѢ мѢсто. КакЪ кЪ разведенію садовЪ имѢлЪ величайшую охоту, то чуть только опредѢленЪ я былЪ кЪ моей должности, началЪ всѢми силами стараться для угожденія МаргонѢ понуждать подчиненныхЪ мнѢ невольни-

никовъ къ работѣ, и по даннымъ мною имъ рисункамъ привелъ садъ недѣли въ двѣ въ такое состоянiе, что точно былъ увѣренъ получить за то отъ госпожи моей благодарность, какъ скоро она работу мою посмотрѣть прiѣдетъ. Но въ какое пришелъ я удивленiе, когда она, осматривая мною сдѣланное, не только ни мало не похвалила; но еще ни дной частечки не оставила безъ похуленiя, и притомъ самымъ неосновательнымъ образомъ, и приказала передѣлать все снова. Сiе причинило во мнѣ не малое оскорбленiе и досаду; однако не хотѣлъ я показать ей оныхъ. Естьли бы могъ я, милостивая государыня! сказалъ я ей, попасть на вашъ вкусъ, то бы потщился исполнить по оному съ точностiю. Старайся узнать оный, дѣлая лучше, отвѣтствовала она мнѣ съ презрительнымъ видомъ; я особливыхъ на то повелѣнiй тебѣ не дамъ; дней чрезъ десять прiѣду я сюда опять; потщись, чтобы я работою твоею была довольна.

По сихъ словахъ Маргона отъ меня отворотилась, и я остался въ жесточайшемъ прискорбiи; но спустя по томъ нѣсколько времени, и собравшись съ мыслями, все сiе, сказалъ я самъ въ себѣ, дѣлается конечно для испытанiя моей крѣпости и терпѣнiя. Прекрасная моя повелительница обладаетъ разумомъ, и потому легко могла примѣтить, какая разность въ саду ея находится въ разсужденiи прежняго его состоянiя; но только не хочетъ того показать. Что же дѣлать! стану стараться довести ее до того, чтобы въ

работѣ моей не могла ничего найти къ опровержѣнію. Тогда выдумалъ новой рисунокъ; и перемѣня совсѣмъ прежніе мои цвѣтники, сдѣлалъ другіе, изъ которыхъ въ одномъ вывелъ имя моей госпожи и разпаленныя сердца; однако и сіе ей не понравилось. Такимъ образомъ заставляя меня разъ пять, или шесть передѣлывать, и притомъ все по пустому, сказала мнѣ наконецъ: ты въ разсужденіи разведенія садовъ ничего не разумѣешь; ступай въ Аденъ, тамъ велю употребить тебя въ другія должности. Хотя своенравіе сей красавицы меня и огорчило; однако повелѣніе жить при ней утѣшило меня не мало; понеже на загородномъ дворѣ препроводилъ я болѣе четырехъ мѣсяцовъ, и видалъ ее очень рѣдко, и то на весьма короткое время. И такъ возвратился я въ городъ; однако суровость моего рока тѣмъ ни мало не смягчилась; опредѣлили меня къ самымъ труднѣйшимъ работамъ, и когда по щастію видалъ Маргону недѣли въ двѣ одинождьı, то сіе дѣлалось только для того, чтобы услышать отъ нее что досадное и оскорбительное. Иногда предавался я жесточайшему отчаянію, видя, съ какимъ презрѣніемъ со мною поступаютъ; и естьли бы не подкрѣплялся надеждою и чрезмѣрною моею любовію, то думаю, чтобы стократно покусился на животъ свой. Однимъ словомъ, сильные духи! цѣлый тотъ годъ препроводилъ я въ печали и скукѣ, и ни одного раза не былъ жестокосердою Маргоною удостоенъ благосклоннымъ взоромъ. Наконецъ прошелъ сей годъ, и она велѣла позвать меня къ себѣ въ кабинетъ.

ВЕЧЕРЪ

ВЕЧЕРЪ XLVI.

Продолженіе приключеній Катифея и Мартоны.

Мани! сказала она мнѣ, ты теперь свободенъ; вотъ письмо, по которому я возвращаю тебя обратно самому себѣ; признаюсь, что я толикой жертвы отъ тебя не уповала. Сей прошедшій годъ твоего искуса заставляетъ меня по справедливости почитать тебя достодолжнымъ образомъ; однако у меня отъ почтенія къ любви еще очень дальній путь остается; ты долженъ терпѣть еще другой годъ, которой можетъ статься будетъ для тебя гораздо несноснѣе перваго. Воспомни, что, снявъ съ себя невольническую одежду, ты сталъ нѣмъ такъ, что не позволяется тебѣ ни на письмѣ, ни знаками показывать, для чего лишился ты языка, и что предметъ твоихъ желаній? Я говорю тебѣ еще разъ, что стану испытывать тебя всякими образы; употреблю всѣ возможныя хитрости къ приведенію тебя въ непослушаніе; и естьли хотя одно слово проговоришь, то знай, что съ той самой минуты лишишься ты надежды быть моимъ супругомъ, что ни слезы, ни прозьбы не загладятъ никогда твоего проступка; я въ разсужденіи тебя отрекусь отъ всякой жалости. Впрочемъ не думай, чтобы я того не узнала, что ты во отсутствіи моемъ дѣлать будешь; всѣ твои и ничего незначащія поступки будутъ мнѣ извѣстны. Я ничего не пощажу ко открытію оныхъ, и ты безпрестанно будешь окруженъ вывѣдчиками, мною нанятыми, кото-

которые станутъ мнѣ разсказывать даже и твои движенія. Естьли ты преодолѣешь все то, что я намѣрена сдѣлать для уловленія тебя въ сѣти, поставленныя тебѣ отвсюду, то сей же день опредѣляю тебя чрезъ годъ моимъ супругомъ. Прежде сего времени запрещаю тебѣ ко мнѣ писать, ниже мнѣ гдѣ показываться, подъ какимъ бы то видомъ ни было, развѣ когда сама тебя къ себѣ призову.

Я слушалъ съ великимъ вниманіемъ все то, что мнѣ Маргона говорила, и не смѣя ей на то отвѣтствовать, мнилъ показать ей моими движеніями, что я всему требуемому ей отъ меня съ охотою подвергаюсь. Я бросился къ ногамъ ея, и цѣловалъ ихъ съ горячностію; она подняла меня съ особливою ласкою, и поцѣловала въ щоку, что привело меня въ такое возхищеніе и въ толь чувствительную радость, что чуть было съ самаго начала не забылъ про то, чему въ ту самую минуту подвергался. Уже разтворилъ уста, и хотѣлъ было говорить; но разумъ пришелъ ко мнѣ на помощь, остановилъ языкъ мой; я произнесъ только нѣкоторые голоса, ничего незначущіе, и языку нѣмыхъ подражалъ я такъ хорошо, что она сама не могла отъ смѣха удержаться. Поди, любезный Мани! сказала она мнѣ, можетъ быть не столько трудно тебѣ будетъ, какъ я думала, исполнить мои повелѣнія, имѣя таковыя свойства; я не присовѣтывала бы ни одной женщинѣ подвергнуть себя таковому опыту, опасаясь, что она того не снесетъ; но видя поступокъ твой во время твоего у меня рабства, должна

отъ

отъ тебя всего ожидать, и не могу изъяснить тебѣ довольно, сколь много буду я тебѣ благодарна за ту побѣду, которую ты, думаю, надъ самимъ собою получишь.

Маргона, проговоря сіи послѣднія слова, подала мнѣ прекрасную свою руку, превосходящую бѣлизною самый чистый снѣгъ. Сей благосклонный поступокъ почелъ я молчаливымъ позволеніемъ поцѣловать оную, я въ томъ и не обманулся; ибо она не только ее не отдернула, но еще не воспротивилась, чтобы уста мои приложилъ къ оной съ толь чрезмѣрнымъ возхищеніемъ, что она, казалось, тѣмъ и сама тронулась. Прощай, дражайшій Мани! сказала она мнѣ, имя сіе даю я тебѣ въ послѣдній разъ; сей день долженъ ты быть мною весьма доволенъ; ты награжденъ за все претерпѣнное тобою во время твоего у меня невольничества. Сохрани тѣ чувствія, которыя ты ко мнѣ имѣешь; ты будешь имѣть о мнѣ извѣстіе гораздо чаще, нежели какъ ты думаешь; однако остерегайся, и тебѣ то еще напоминаю, страшись вдаться въ обманъ, въ который я тебя всѣми хитростями вводить стану.

Я оставилъ Маргону, возхищенъ будучи чувствительнѣйшею радостію. Сія прекрасная вдова меня любитъ, сказалъ я самъ въ себѣ, въ томъ не могу сомнѣваться. Она показала мнѣ того явные знаки; гордость ея въ сію минуту совсѣмъ изчезла, она сносила мои ласки, и еще предварила меня въ оныхъ. Какой смертный можетъ быть меня благополучнѣе?

Правда,

Правда, невольничество мое было тягостно; но благодаря великаго нашего Пророка, подкрѣплявшаго меня въ моихъ прискорбіяхъ, сіи бѣдственныя минуты уже прошли, и не могу на нихъ жаловаться ни мало; понеже онѣ сей божественной красотѣ доказали, сколь много я ей преданъ. Не хулю я горделиваго и повелительнаго ея нрава; она къ тому причины свои имѣетъ; мущины такъ обманчивы, что всякая разумная женщина не должна на нихъ ни мало полагаться; сверьхъ того мучительское владычество, пріемлемое нами надъ ихъ поломъ, не можетъ быть средствомъ къ приведенію себя у нихъ въ любовь. Какъ же узнать, искренна ли любовь наша? Ахъ! только едиными толь странными опытами можно открыть оную, и не только не долженъ я за то досадовать на Маргону, но еще надлежитъ мнѣ признаться, что всѣ оказанныя ею ко мнѣ суровости во время моего у ней служенія были только притворныя, и что сама она не менѣе моего претерпѣвала. Благополучный Катифей! не показала ли она тебѣ нелицемѣрные знаки своей горячности? Пребудь же повелѣніямъ ея толь же послушенъ и въ оставшееся тебѣ на исполненіе оныхъ время, каковымъ былъ по сей самый часъ; принудь ее признаться, что ты одинъ достоинъ быть любимъ ею.

ВЕЧЕРЪ XLVII.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Съ таковыми внутренними расположеніями пошелъ я къ купцу невольниковъ, который продалъ

меня

меня Маргонѣ; показалъ ему письмо, по коему она мнѣ свободу даровала, и давъ ему знакъ, чтобы онъ сыскалъ мнѣ пристойное прежнему моему состоянію платье, привелъ его въ крайнее удивленіе тѣмъ, что я на всѣ его рѣчи не отвѣтствовалъ ни слова, и лишился совсѣмъ языка. Какъ вся моя одежда осталась у него, когда я вступалъ во услуженіе къ любезной моей вдовѣ, то онъ мнѣ ее и подалъ. Вотъ, государь! сказалъ онъ мнѣ, все твое оставленное у меня платье, которое я для тебя сохранялъ также, какъ и врученное мнѣ отъ тебя таинство; но какимъ нещастнымъ случаемъ сталъ ты нѣмъ? Мнѣ не разсудилось отвѣтствовать на вопросъ его, и я далъ ему знать моими знаками, что въ томъ не могу его удовольствовать; послѣ чего, переодѣвшись, возвратился я къ себѣ въ домъ.

Мать моя, не имѣя цѣлый тотъ годъ никакого о мнѣ извѣстія, находилась въ неописанной печали. Какъ она думала, что я умерщвленъ былъ за какой нибудь любовный случай, то легко познать можете, въ какую пришла она радость, меня увидя, въ то самое время, когда о томъ ни мало не помышляла; она бросилась ко мнѣ на шею со всѣми знаками искреннѣйшей матерней горячности. Какимъ случаемъ, дражайшій сынъ! говорила она, проливая слезъ потоки, была я цѣлый годъ о тебѣ въ безъизвѣстности? Что съ тобою приключилось въ сіе время несноснѣйшей для меня горести? Какія причины побуждали тебя сокрыть отъ меня свое жилище? Я

 прини-

принималъ ласки моей родительницы съ величайшею чувствительностію; но она, видя, что я ей ни на что не отвѣчаю, пришла въ крайнее изумленіе. О небо! вскричала она, ты не говоришь со мною ни слова? Развѣ какимъ нещастнымъ случаемъ лишился ты языка? Я далъ ей знакъ, чтобы она сдѣлала мнѣ милость, и меня о томъ не спрашивала; она же, не разумѣя, чего я отъ нее требовалъ, велѣла принести бумагу и чернилы, дабы я ей объявилъ то на письмѣ; однако я ей далъ знакъ, что и симъ средствомъ не могу ее удовольствовать. Удивленіе ея умножилось еще болѣе; но не примѣтя у меня на лицѣ ничего печальнаго, успокоилась нѣсколько. Толь странная вѣдомость, разнесшись по всей моей фамиліи, привела всѣхъ моихъ сродниковъ и невольниковъ къ намъ въ домъ; они дѣлали мнѣ множество вопросовъ одинъ другаго труднѣе; однако я на оные отвѣтствовалъ имъ только знаками, что привело ихъ въ неменьшее удивленіе, какъ и мою родительницу. Приключеніе сіе разнеслось по всему городу; вездѣ про меня говорили; я не могъ удержаться отъ смѣха, слыша, какіе толки о мнѣ произходятъ; всякой разсуждалъ по своему, но никто не попадалъ на настоящую причину. Наконецъ дошло сіе и до Султана, который меня зналъ. Онъ повелѣлъ меня къ себѣ призвать, и хотѣлъ самъ выспросить у меня, какая бы причина была моего молчанія.

Признаюсь, что при семъ случаѣ я не мало безпокоился; естьли я не могъ говорить, то всѣ зна-

знали, что я конечно имѣлъ свободу писать, или отвѣтствовать знаками на вопросы сего Государя; однако не долго я думалъ, что мнѣ притомъ дѣлать; я твердо сопротивлялся прозьбамъ, повелѣніямъ, да и угрозамъ сего Принца, и притворился, будто его не разумѣю. По моему щастію не почелъ онъ упрямство сіе преступленіемъ; употребя по томъ величайшія обѣщанія, и видя недѣйствительность оныхъ, далъ мнѣ знакъ, чтобы я домой возвратился.

Не сомнѣваясь, чтобы произшествіе сіе было Маргонѣ безъизвѣстно, думалъ, что получу отъ ней какое извѣстіе. Я въ томъ не обманулся; любимая ея невольница принесла ко мнѣ на другой же день послѣ того письмо, въ которомъ поздравляла меня съ претерпѣніемъ неустрашимо бывшаго со мною у Султана случая, и приказала отдать письмо ея назадъ, какъ скоро его прочитаю. Я исполнилъ ея повелѣніе, и вручилъ письмо ея посланницѣ, какъ вдругъ приведенъ былъ въ удивленіе, увидя, что она плачетъ. Милостивый государь! сказала она мнѣ, примѣтя мое удивленіе, уже давно возъимѣла я къ тебѣ особливое почтеніе; я не могла взирать на мужественнаго Катифея подъ именемъ Манія, не возчувствуя къ нему сильнѣйшей горячности. Познавъ таинство моей госпожи сама собою, и не получа притомъ отъ ней ни малѣйшей довѣренности въ ея предпріятіяхъ, удивлялась совершенной твоей преданности къ такой особѣ, которая своенравіемъ своимъ всѣхъ на свѣтѣ женщинъ превосходитъ; жалѣла о тебѣ, ви-

дя, что всѣ твои услуги ни во что вмѣнялись, и притомъ безъ всякой причины, и уже готова была объявить тебѣ нѣжныя мои къ тебѣ чувствія, какъ Маргона даровала тебѣ свободу. Обладая небольшею красотою, коею меня небо одарило, думала, что могу получить твое сердце; но холодный твой прiемъ показываетъ мнѣ, сколь много я обманулась. Я довольно вижу, что такой человѣкъ, какъ ты, былъ у Маргоны невольникомъ не безъ основательныхъ причинъ, и не могу не подозрѣвать, что прошедшiй твой поступокъ и сiе наблюденiе толь страннаго молчанiя навлекли бы ей безчестiе, естьли бы все сiе обществу было извѣстно. Подобный тебѣ человѣкъ очень опасенъ для толь прекрасной женщины; полъ нашъ слабъ, и естьли я не могла тебя не любить, когда ты и въ невольничей былъ одеждѣ, то для чего моя госпожа, которая тебя знала, имѣла болѣе силы и добродѣтели, нежели я, а особливо имѣя совершенную свободу видаться съ тобою на единѣ во всякое время?

ВЕЧЕРЪ XLVIII.

Продолженiе приключенiй Катифея и Маргоны.

Рѣчь сiя невольницы и поносныя ея о Маргонѣ подозрѣнiя привели меня въ такое смущенiе, что надлежало собрать весь свой разумъ, дабы при первомъ движенiи гнѣва не прервать молчанiе; но потомъ, увѣряя себя, что все то происходитъ конечно отъ хитрости моей повелительницы, взиралъ я на невольницу насмѣшливымъ

вымЪ видомЪ; она догадалась, что я подозрѣвалЪ ее вЪ обманѣ. НѣтЪ, милостивый государь! сказала она мнѣ, я не стараюсь тебя обманывать, я люблю тебя нелицемѣрно; я сперва искала преодолѣть склонность свою кЪ Манію, потому что почитала его невольникомЪ самаго низшаго произхожденія; но сЪ тѣхЪ порЪ, какЪ увидѣла, что сей Мани человѣкЪ достойный всей моей горячности, не могла сопротивляться стремленію показать оную. Я родилась вЪ Мингреліи. ОтецЪ мой, который повелѣвалЪ особливыми войсками Государя земли сей, произвелЪ тамЪ на свѣтЪ нещастную Абулаину, кЪ которой ты теперь толико холодности являешь. Тому уже лѣтЪ сЪ восемь, какЪ онЪ на одномЪ сраженіи сЪ ГрузинскимЪ ЦаремЪ убитЪ; мать моя, любившая его сЪ великою горячностію, сразясь тою жестокою вѣстію, умерла сЪ печали. Для награжденія пролитой родителемЪ моимЪ крови причислили насЪ, то есть двухЪ моихЪ сестерЪ и меня, кЪ пяти стамЪ невольницЪ, коихЪ надлежало послать кЪ Царю, нашему непріятелю, который только подЪ симЪ договоромЪ на мирЪ согласился. Мнѣ безЪизвѣстно, что воспослѣдовало сЪ моими сестрами, кои еще вЪ малолѣтствѣ находились; я же, будучи тогда лѣтЪ десяти, отдана была купцамЪ невольницами, которые меня со многими другими отвезли вЪ АденЪ, гдѣ по моему щастію купила меня Маргона, у коей злополучіе мое почувствовала я только сЪ тѣхЪ порЪ, какЪ лишилася надежды тронуть твое сердце. Хотя сія прекрасная вдова и поступала со мною не какЪ

съ своею невольницею, но какъ съ своею пріятельницею; однако не могу не признаться, что она изящными качествами обладая, затмѣваетъ ихъ чрезмѣрнымъ своенравіемъ, которое во всѣхъ дѣлахъ ея весьма примѣтно, и я скажу, что сюда пришла я по ея повелѣнію для твоего искушенія. Она, не вѣдая о сильной моей страсти къ Манію, не воображала себѣ конечно, чтобы я его въ Катифеѣ познала; но любовь не долго содержала меня въ заблужденіи. Я не хочу теперь стараться для моей госпожи; желаю говорить съ тобою только о себѣ. Скажи, государь! открой мнѣ, что обладаніе сердцемъ моимъ тебѣ не противно. Маргона обѣщала даровать мнѣ свободу, естьли могу привесть тебя къ тому, чтобъ ты данныя ей обѣщанія нарушилъ; и такъ, ставъ свободною, могу надѣяться получить твою руку, когда я тебѣ не противна. Ты мнѣ ничего не отвѣтствуешь; ахъ! не уже ли жестокость свою такъ далеко простирать можешь? Разсуди, что одно мое слово въ состояніи прекратить всѣ твои надежды; какъ скоро скажу Маргонѣ, что ты со мною говорилъ, то конечно лишишься ее на вѣки; однако не страшись сего: я не умѣю изкупать покой свой таковою ложью, которая должна на меня всю твою обратить ненависть. И когда бы и въ самомъ дѣлѣ преступилъ ты повелѣніе моей госпожи, чрезъ что единственно могла бы тебя отлучить отъ нее, то и тогда бы не объявила ей онаго, дабы произвесть въ ней къ тебѣ отвращеніе. Награди же, государь! таковыя мои къ тебѣ чувствія; разсмотри, сколь чрезмѣрно въ разсужденіи тебя мое великодушіе.

Сколь

Сколь ни чистосердечны казались рѣчи Абулаинины, однако я не могъ имъ повѣрить; чувствовалъ также, что для меня весьма нужно ее не раздражать, но не взирая на всѣ сіи основанія, внушаемыя въ меня здравымъ разумомъ, почелъ за должность лишить ее безъ умедленія всей надежды, и далъ ей знать, сколько смогъ, что Маргону люблю съ неизреченною горячностію, и не могу никакъ быть ей невѣрнымъ; но будучи обязанъ ей за таковыя ея ласки, стану стараться свободить ее изъ плѣна.

Таковый отвѣтъ, данный ей мною знаками, поняла она довольно; однако не только ее не удовольствовалъ, но еще побудилъ ее къ горчайшимъ слезамъ; послѣ чего она вдругъ пришла въ такую ярость, которая меня устрашила. Изрядно же жестокій, сказала она мнѣ, когда ты предложеніями моими презираешь, то познай, какимъ образомъ хочу отмстить за раздраженную любовь мою. Тогда, выхватя кинжалъ, хотѣла пронзить себя онымъ; но по щастію я удержалъ ея руку, и извлекъ у ней сіе оружіе. Приключеніе сіе, коего я никакъ не ожидалъ, привело меня въ смятеніе; я было хотѣлъ кликнуть какую служанку моей матери; однако могъ столько преодолѣть себя, чтобы ни одного не проговорить слова. Въ разсужденіи чего старался самыми лестными знаками смягчить толь раздраженный духъ, какъ вдругъ увидѣлъ, что за сею разпальчивостію пресильный обморокъ послѣдовалъ, и она, размешавшись въ то время, когда далъ ей благовонныхъ водъ, показала мнѣ

 шею

шею толь рѣдкой красоты, что только пресильная страсть моя къ Маргонѣ могла изтребить изъ меня желаніе толь прелестною обладать особою.

ВЕЧЕРЪ XLIX.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Великій Пророкъ! сказалъ я тогда самъ въ себѣ, подкрѣпи истиннаго Мусульмана на бою самомъ жесточайшемъ; выведи его изъ онаго съ побѣдою. Едва только скончалъ я сіе прошеніе, какъ либо по сожалѣнію надо мной Пророка, или и по причинѣ окончанія обморока Абулаины, пришла она въ себя, и собравшись съ разумомъ: извини меня, государь! сказала она мнѣ, что я тебя такъ много могла обезпокоить; чувствую, сколь оскорбительно произшествіе сіе для моего пола; знаю, сколь велика твоя честность; прославлю ее хотя и съ урономъ моей жизни, и не только не потщусь привесть тебя у госпожи моей въ ненависть, но еще подамъ ей вѣрное описаніе твоихъ добродѣтелей; живи съ нею благополученъ, она всей твоей горячности достойна, не взирая на притворныя ея своенравія. Я же заслуживаю только твое сожалѣніе; прощай, воспомни когда нибудь о нещастной дѣвицѣ, которую ты и противъ воли дѣлаешь злощастною.

Скончавъ Абулаина рѣчь сію, покрылась своею фатою, и оставила меня, не взирая на чрезмѣрное мое стараніе о удержаніи ее еще на нѣсколько времени, опасаясь, что она можетъ быть

не имѣетъ столько силы, чтобы дойти до своего двора, хотя оный отъ жилища моего былъ двора чрезъ четыре.

Я не думаю, чтобы, выключая прекрасной моей вдовы, можно было найти что совершеннѣе сей Мингрелiянки, или еще такъ сказать, надлежало имѣть и умъ и сердце, толь же занятые, какъ и мои, чтобы ей не дать преимущества предъ первой; и естьли я не обратилъ на нее своихъ глазъ въ то время, когда въ одномъ домѣ жилъ съ нею вмѣстѣ, то сiе дѣйствительно происходило отъ того, что во всю мою неволю былъ во внутреннихъ покояхъ моей повелительницы не болѣе семи, или осьми разъ, при которомъ случаѣ всѣ мои взоры на сiю прекрасную особу обращались, другiе же предметы всѣ для меня равнодушны были.

Болѣе двухъ недѣль не слыхалъ я ничего ни о моей повелительницѣ, ни о Абулаинѣ; и сiе толь долгое молчанiе начинало меня уже безпокоить, какъ получилъ письмо, по которому надлежало мнѣ итти къ Маргонѣ безъ малѣйшаго замедленiя. Я туда побѣжалъ; но въ какой пришелъ страхъ, увидя ее въ глубочайшей печали; она сидѣла подлѣ кровати прекрасной той невольницы, которую нашелъ въ жалостномъ состоянiи; огнь, коимъ прелестныя ея очи прежде сего пылали, почти совсѣмъ погасъ; лице не имѣло уже болѣе тѣхъ прелестей, которыми я при свиданiи моемъ сраженъ былъ. Посмотри, сказала мнѣ Маргона печальнымъ голосомъ, посмотри, въ какое жестокое состоянiе приведена

 тобою

тобою нещастная сія дѣвица; я люблю ее всего на свѣтѣ больше, не хочу ее лишиться, естьли то возможно, и ты только одинъ въ силахъ даровать ей жизнь снова. Мнѣ все извѣстно, что у ней съ тобою происходило, и естьли я твоею вѣрностію и твоимъ ко мнѣ послушаніемъ должна хвалиться, то жестокость твоя къ любезной Абулаинѣ отъемлетъ у оныхъ все достоинство. Но какъ еще не ушло время загладить причиненное тобою ей нещастіе, то хочу, чтобы ты въ сію самую минуту ей клялся, не только что ты ею доведенъ до отчаянія, но что и готовъ избрать ее своею супругою.

Предложеніе сіе смутило меня такъ, продолжалъ Катифей, что я весь оцѣпенѣлъ. Ты можетъ быть думаешь, сказала она мнѣ, что все сіе только для твоего искушенія происходитъ; и вотъ я тебѣ еще разъ говорю, что требую отъ тебя непремѣнно мною тебѣ сказаннаго. Бѣдная сія дѣвица находится въ семъ жалостномъ состояніи отъ претерпѣнныхъ ею послѣ послѣдняго съ тобою свиданія сраженій съ самой собою; и какъ только рука твоя можетъ ее излечить, то я хочу принесть ей сію жертву. Я ее такъ люблю, что согласна раздѣлить съ нею твое сердце; скажи же ей, что ты ее любишь; скажи ей то такъ, чтобы она могла удостовѣриться. Я разрѣшаю тебя отъ даннаго мною тебѣ повелѣнія наблюдать сей годъ молчаніе, и объявляю тебѣ, что требую отъ тебя сего послушанія непремѣнно, когда не хочешь благосклонности моей лишиться.

Ка-

Какимъ образомъ принималъ я таковыя ея повелѣнія, показало ей довольно, что я повиноваться ей въ томъ не намѣрялся. Она могла изъ очей моихъ познать, сколь много трогала меня нещастная участь ея невольницы; однако не примѣчала въ нихъ того, чтобы согласенъ я былъ на ней жениться, а еще менѣе изъяснить ей то изустно: словомъ, никакъ не могла она побудить меня къ произнесенію хотя единаго слова. Упорность моя ее раздражила, и она пришла въ такой гнѣвъ, что я приведенъ былъ въ величайшій страхъ. Невѣрный! сказала она мнѣ, развѣ такъ повинуешься ты моимъ повелѣніямъ? Не разумѣя исполнять оныя, развѣ хочешь толь любезную погубить дѣвицу? Пошолъ, негодница! пошолъ съ глазъ моихъ; не показывайся мнѣ никогда, я отрицаюсь отъ всего, что тебѣ ни обѣщала; и вмѣсто той горячности, которою тебя льстила, будь впредь увѣренъ въ непримиримѣйшей къ тебѣ моей ненависти.

ВЕЧЕРЪ L.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Я не могъ снести безъ ужаса взоровъ Маргоны, и находился тогда въ величайшемъ смятеніи; однако, утвердясь въ своемъ намѣреніи, бросился я къ ея ногамъ, и показывалъ ей, что я, какія угрозы она мнѣ ни дѣлала, не прерву никогда моего молчанія; но что готовъ повиноваться ей во всякомъ другомъ дѣлѣ, когда она мнѣ то непремѣнно исполнить прикажетъ.

Изря-

Изрядно же, сказала она нѣсколько смягчившись, я прощаю тебя въ семъ твоемъ упорствѣ, понеже прочимъ моимъ намѣреніямъ ни мало не сопротивляешься. Велите, продолжала она, обратясь къ одной изъ своихъ невольницъ, сходить за Иманомъ. Приказаніе ея исполнено было безъ малѣйшаго замедленія. Иманъ пришелъ вскорѣ; она разсказала ему, для чего онъ призванъ. Я казался быть на желаніе ея согласнымъ, и въ ту же минуту обвѣнчали меня на Абулаинѣ.

Чрезмѣрная печаль, изображенная у меня на лицѣ, казалась двомысленною; и естьли Мартока могла думать, что оная происходитъ отъ усилія, учиненнаго мною для повиновенія ей, то напротивъ того Абулаина имѣла причину представлять себѣ, что чувствую оную отъ жалостнаго того состоянія, въ которомъ она находилась. Потомъ, изтоща всю благодарность къ своей госпожѣ, у которой она цѣловала руку съ пролитіемъ слезъ, обратилась она ко мнѣ, и сказала: я не знаю, государь! чѣмъ могу воздать тебѣ за твою благосклонность къ злощастной, которой уже нѣсколько дней жить остается; но вижу, что великодушіе твое становится мнѣ безполезно. Зная, сколь много госпожа моя тебя любитъ, не хотѣла ей открыть о моей къ тебѣ страсти. Всѣми силами старалась преодолѣть оную; но вмѣсто того себя тѣмъ болѣе погубила, и теперь не могу надѣяться, чтобы повиновеніе твое ея волѣ было для меня совсѣмъ полезно. Довольна же тѣмъ, что во гробъ снесу съ собой имя твоей супруги; не покидай меня

ия нынѣ; дозволь, чтобы я по крайней мѣрѣ умерла на рукахъ моего супруга; дозволь мнѣ тѣмъ льститься, что уронъ страстной Абуламины не нечувствителенъ ему будетъ.

Старайся лучше сохранить жизнь, вскричала Маргона, обливаясь слезами; одолженіе сіе хочу, когда то возможно, имѣть отъ Катифея, и я на ласки ваши не только буду взирать безъ зависти; но клянусь великимъ нашимъ Пророкомъ, что оное причинитъ мнѣ тѣмъ болѣе удовольствія, вѣдая, что Катифей не перемѣнитъ чрезъ то своей ко мнѣ любви. Тогда оставила насъ Маргона, и я съ супругою моею остался одинъ! Государь! сказала она мнѣ нѣжнымъ голосомъ, подай мнѣ по крайней мѣрѣ ту отраду, скажи, что сердце твое не чувствовало никакого отвращенія къ принятію тѣхъ обязательствъ, кои насъ соединяютъ; и что ты, естьли бы госпожи моей никогда не видѣлъ, не былъ бы нечувствителенъ къ жестокой моей къ тебѣ страсти.

Я почиталъ за нужное утѣшить въ семъ случаѣ, сколько мнѣ можно было, сію прекрасную особу. Взялъ ее руку, поднесъ къ моему сердцу, и далъ ей знать, что ежели союзъ нашъ зависитъ отъ власти Маргоны, то чтобъ она положилась въ томъ на мои старанія. Послѣ сихъ обѣщаній я ее поцѣловалъ, отъ чего она чуть было не умерла съ радости; но я скоро по томъ увидѣлъ, что отъ сей радости упала она въ такой чрезвычайной обморокъ, что почелъ ее за умирающую, и побѣжалъ въ покои

Мар-

Маргоны; я ей далъ знать посредствомъ знаковъ о томъ, что происходило между мною и ея невольницею; мы вошли съ поспѣшностію въ ея горницу, и помощію лѣкарствъ привели ее въ чувство. Но не взирая на всѣ наши старанія, случались съ нею подобныя приключенія почти ежечасно, и по видимому сильное движеніе, которое происходило въ сердцѣ сей нещастной, причинило великую перемѣну въ ея сложеніи; ибо, не взирая на всѣ наши старанія и употребляемыя нами лѣкарства, пришла она въ такую слабость, отъ которой въ пятой день послѣ нашей свадьбы и жизни лишилась. Во все сіе время я не отходилъ отъ нее ни на минуту; она изпустила духъ въ моихъ объятіяхъ, чего она всегда желала съ великою жадностію. Я чувствовалъ умноженіе моей печали, что не могъ изъяснить словами, сколь потеряніе ея мнѣ было прискорбно. Маргона, будучи свидѣтелемъ всему, что происходило между мною и Абулаиною въ послѣдвія сіи минуты, почла поступки мои приличными таковому случаю. Я не могу возблагодарить тебѣ довольнымъ образомъ, сказала она мнѣ, сколь благоразумно поступилъ ты при толь печальномъ произшествіи; продолжай, не устрашайся ничего. Но какъ присутствіе твое въ сихъ мѣстахъ уже ненужно, и печаль твоя зрѣніемъ плачевныхъ церемоній только лишь увеличится, то возвратись лучше въ домъ свой.

Я исполнилъ повелѣніе Маргоны тѣмъ охотнѣе, что взоръ мертвой Абулаины, скончавшей

дни свои единственно для меня, трогалЪ меня столь много, что на силу могЪ удержаться не изЪявить скорбь мою. И такЪ я пошелЪ домой, гдѣ чувствительнѣйшей предался печали, будучи увѣренЪ, что не могу довольно оплакать особу толь рѣдкаго достоинства, и которая отЪ чрезмѣрной ко мнѣ любви лишилась жизни. Никогда не могЪ о ней безЪ пролитія слезЪ воспомнить; и хотя время величайшія печали истребляетЪ, однако я болѣе двухЪ мѣсяцовЪ оплакивалЪ Абулаину, какЪ одаимЪ вечеромЪ, когда читалЪ я алкоранЪ, взбѣжалЪ ко мнѣ вЪ комнату черный невольникЪ, и пронзилЪ сердце мое неожидаемою жесточайшею вѣстію. Милостивый государь! сказалЪ онЪ мнѣ, Маргона вЪ сію минуту кончается, она хочетЪ сЪ тобою видѣться, прежде нежели духЪ испуститЪ, поди за мною безЪ замедленія.

ВЕЧЕРЪ LI.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Услыша отЪ невольника толь плачевныя слова, произвелЪ я великой крикЪ, поблѣднѣлЪ и хотѣлЪ было спрашивать его о толь скоропостижной болѣзни, и изЪявить скорбь мою печальнѣйшими рѣчами, какЪ воспомня о своихЪ обязательствахЪ, и разсудя, что сколь ни велика бы была болѣзнь моей прекрасной вдовы, однако же можетЪ быть остается хотя малая надежда кЪ ея выздоровленію, удержалЪ я свои жалобы; но произведенной мною крикЪ привелЪ

въ комнату ко мнѣ мою родительницу и всѣхъ моихъ невольниковъ; со всемъ тѣмъ напрасно спрашивали меня о причинѣ онаго. Я далъ знакъ, чтобы перестали меня разспрашивать, и не теряя ни минуты, побѣжалъ къ Маргонѣ. Въ какое пришелъ я отчаяніе, видя сію обожаемую мною особу въ постелѣ въ таковомъ состояніи, которое показывало, что уже остается ей жить только нѣсколько минутъ! Блѣдна, и съ обверченною окровавленными полотенцами головою лежала она. Катифей! сказала она мнѣ умирающимъ голосомъ, я уже скоро лишусь жизни; скорбь же мою умножаетъ болѣе всего то, что умру, не наградя любви твоей. Великій нашъ Пророкъ наказываетъ меня конечно за ту строгость, съ каковою я съ тобою поступала, и за то, что хотѣла отвергнуть порядокъ, установленной имъ въ нашемъ законѣ, понеже вышла изъ подчиненности, въ коей нашъ полъ въ разсужденіи васъ находится. Одна балясина упала съ кровли мнѣ на голову; первыя старанія моихъ невольниковъ состояли въ томъ, чтобы мнѣ скорое подать облегченіе; я же, какъ скоро о состояніи моемъ познала, почла всего нужнѣе послать за тобою, дабы сказать тебѣ прощай уже въ послѣдній разъ. Дражайшій Катифей! ты лучшей участи былъ достоинъ; извини мои своенравія, и въ сихъ лобызаніяхъ прими послѣдніе мои вздохи.

Никакъ не можно себѣ вообразить того несноснаго состоянія, въ которое приведенъ я былъ толь жалостною рѣчью, произнесенною самымъ слабымъ

слабымъ голосомъ и прерывающимися тяжкими вздохами и стенаніями. Я смотрѣлъ на Маргону, омочалъ прекрасныя ея руки горчайшими слезами; словомъ, скорбь моя была столь велика, что въ объятіяхъ ея лишился я совсѣмъ чувства. Не могу сказать, сколь долго обморокъ мой продолжался; но знаю только, что, собравшись съ памятью, увидѣлъ себя въ другомъ покоѣ на постелѣ, сдѣланной изъ чернаго атласа, окруженнаго всѣми невольниками моей повелительницы; глубокая ихъ печаль и текущія у нихъ изъ глазъ слезы вѣщали мнѣ о ея кончинѣ; я взиралъ на нихъ смятенными очами, и казалось, хотѣлъ отъ нихъ получить о ней извѣстіе, какъ одинъ изъ нихъ, прервавъ молчаніе, сказалъ мнѣ: государь! ее уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ; мы лишились теперь самой лучшей госпожи, каковой во всемъ Адемѣ не найдемъ; то доказала она при послѣдней болѣзни Абулаины. Вотъ духовная ея, сдѣланная, государь! въ твою пользу; ты теперь нашъ господинъ, ты можешь разполагать всемъ, что въ домѣ семъ находится.

Послѣднія слова невольника не почиталъ я ни за что; я помышлялъ только о томъ, чего я лишился; выхватилъ свой кинжалъ, и хотѣлъ было пронзить имъ свое сердце; но невольники, примѣчая всѣ мои и малѣйшіе поступки, схватили меня за руки, обезоружили, и тѣмъ возпрепятствовали мнѣ во исполненіи моихъ намѣреній. Живи, государь! говорили они мнѣ, Маргона повелѣваетъ тебѣ то симъ письмомъ; она о чувствительности твоей не сомнѣвалась; но за-

прещаетъ покушаться на жизнь свою, и мы получили отъ ней точное повелѣніе не оставлять тебя до тѣхъ поръ, пока не увидимъ, что ты послѣднимъ ея завѣщаніямъ слѣдовать намѣренъ. На сію рѣчь не отвѣтствовалъ я имъ ничего, и обливаясь горчайшими слезами, предался жесточайшему отчаянію. Не могу сказать, сколь долго пробылъ я въ семъ состояніи; но знаю только, что, выпивши чашку шербету, поданнаго мнѣ, когда я чрезмѣрно закашлялся отъ засухи въ горлѣ, впалъ я въ дремоту, которая мало по малу усиливаясь, въ глубочайшій сонъ превратилась. Безъизвѣстно мнѣ, сколько оный продолжался; но въ какое пришелъ я изумленіе проснувшись, увидя себя въ великолѣпной комнатѣ, убранной по новому и совсѣмъ особливому вкусу? Самыя рѣдкія птицы, сидящія въ раззолоченныхъ клѣткахъ, вѣщали тамъ согласнымъ своимъ пѣніемъ приходъ Авроры; но удивленіе мое умножилось еще болѣе тѣмъ, что лежалъ на пребогатой постелѣ подлѣ безприкладной Маргоны, сіяющей свѣтлѣе полнаго мѣсяца и всѣхъ свѣтилъ небесной тверди. Приключеніе сіе почиталъ я сномъ самымъ лестнымъ; прекрасная моя вдовушка не была уже уверчена окровавленными пеленами; черные ея власы, завитые и украшенные алмазами, лежали у ней по прелестнымъ, розамъ подобнымъ щекамъ; и я, зря толико красоты, приведенъ былъ въ толь сильное движеніе, что хотѣлъ было возопить громко къ великому нашему Пророку, и просить его, чтобъ никогда конца не было такому сну, въ которомъ я толико ощущалъ утѣхи, какъ по

ща-

щастію Маргона, казалось, проснулась. Милостивый государь! сказала она мнѣ тогда, благодари Посланника Божія; сей день хочетъ онъ увѣнчать твои труды, и наградить твою вѣрность; ты изъ сна пришелъ непримѣтнымъ образомъ къ спокойной смерти, которая тебя въ число щастливыхъ правовѣрныхъ поставляетъ. Ты находишься теперь въ томъ прохладномъ мѣстѣ, которое сей Пророкъ правовѣрнымъ своимъ обѣщаетъ; и по особливой его къ тебѣ милости избрана я тебѣ въ Гуріи. Но, поступая съ тобою на землѣ съ таковою суровостію, и подвергая тебя толь долгое время всѣмъ моимъ своенравіямъ, могу ли льститься, что пріимешь меня вѣчною своею содружницею въ семъ святомъ жилищѣ? Ахъ, дражайшій Катифей! избавь нѣжную любовницу отъ справедливыхъ ея страховъ, и не поступай съ нею съ тою же строгостію, каковую она въ разсужденіи тебя въ Аденѣ являла.

ВЕЧЕРЪ LII.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Естьли я имѣлъ причину дивиться всему произшедшему со мною до тѣхъ поръ у Маргоны, то въ сію минуту приведенъ я былъ тѣмъ въ большее изумленіе, находясь въ таковомъ состояніи. Однако разумъ не совсѣмъ меня оставилъ, и я разсуждалъ самъ въ себѣ такъ: что я теряю наблюденіемъ молчанія и въ семъ случаѣ? Время мое еще не протекло; естьли все, что здѣсь ни происходитъ, только единое лже-

воображенiе и слѣдствiе хитростей, употребленныхъ къ побужденiю меня проговорить хотя одно слово, что одинъ мигъ сдѣлаетъ меня предъ Маргоною виновнымъ въ ослушанiи. Когда же сiе самая точность, и дѣйствительно нахожусь я въ раю нашего Пророка, то моя Гурiя должна волѣ моей во всемъ повиноваться. Какая ей до того нужда, буду ли я говорить, или нѣтъ, только лишь бы стаpанiямъ и ревности ея соотвѣтствовалъ.

Между тѣмъ, какъ я таковыя размышленiя самъ въ себѣ дѣлалъ, примѣтилъ я въ сей прекрасной особѣ великое смущенiе. Ахъ, милостивый государь! сказала она мнѣ, мы конечно отвѣтствовать мнѣ не хочешь? Ты меня уже не любишь. Или за то презрѣнiе, которое я къ тебѣ имѣть показывала, конечно отплатить намѣренъ? Но сколь обманчива была наружность! Я любила тебя съ неизреченною горячностiю; и въ ту минуту, когда объявляю, что ты мною обожаемъ, можешь ли быть суровъ, чтобы поступать со мною съ равнодушiемъ? Ахъ, дражайшiй Катифей! я не могу снести онаго ни одну минуту, и естьли бы въ теперешнемъ моемъ состоянiи можно было умереть, или въ ничто обратиться, то бы сей милости просила отъ великаго Пророка, нежели зрѣть тебя вооруженна на меня жестокостiю; отвѣтствуй же мнѣ, любезный супругъ! для чего упорствуешь ты въ такомъ молчанiи, которое меня въ отчаянiе приводитъ? Для чего терзать меня, заставляя ожидать благополучiя, желаннаго тобою сперва съ таковымъ стремленiемъ?

Усиль-

Усильныя прозьбы Маргоны произвели въ сердцѣ моемъ движеніе. Посмотримъ, сказалъ я самъ въ себѣ, какъ далеко могу явленіе сіе разпространить; мнѣ истинное средство къ открытію обмана извѣстно; попытаемся поступить съ прекрасною моею вдовушкою такимъ же образомъ, какимъ поступаютъ щастливые Музульманы (какъ насъ увѣряютъ) съ своими Гуріями; тогда, познавъ точно о моей судьбинѣ, прерву молчаніе.

Едва только принялъ я сіе намѣреніе, какъ Маргона, которая сперва ласки мои безъ всякаго сопротивленія принимала, увидя конечно изъ глазъ моихъ, что я покушаюсь испытать, дѣйствительно ли все со мною произходящее, или единый обманъ, соскочила отъ меня съ кровати, поднявъ превеликой хохотъ; и какъ скоро она захлопала руками, то четыре невольника, дожидавшіеся ея повелѣній, взошли немедленно къ намъ въ комнату. Ступайте ко мнѣ на помощь, сказала она имъ; отъ меня зависѣло быть при семъ приключеніи самой обманутой.

Какъ я тутъ узналъ невольниковъ, то нетрудно мнѣ было понять хитрость сего явленія; и я первый началъ смѣяться мнимому тому страху, отъ котораго я избѣжалъ моимъ молчаніемъ. Ты очень разумно поступилъ въ семъ случаѣ, а то бы все дѣло испортилъ; я не понимаю, какимъ образомъ ты не уступилъ сему послѣднему опыту; и какъ я тебя испытывала различнымъ образомъ, и ты пребылъ во всѣхъ случаяхъ постояненъ, то начинаю отчаяваться,

чтобъ мнѣ удалось мое предпріятіе. Прощай, дражайшій мой Катифей! люби меня съ такою же горячностію, съ какою началъ, и не безпокойся о отдаленіи нашего совокупленія; для меня оно чувствительнѣе будетъ; ибо я совершенно увѣрена о твоей чрезмѣрной ко мнѣ любви, а ты еще не знаешь, сколь велика моя къ тебѣ горячность. Окончивъ сіи столь лестныя слова, обняла она меня со всѣми знаками истинной горячности; а что и я сіи ласки съ такою же принялъ горячностію, съ какою она мнѣ оказывала, о томъ можете разсудить сами.

Я возвратился домой восхищенъ симъ произшествіемъ тѣмъ болѣе, что мнѣ только четыре мѣсяца осталось дожидаться сего щастливаго обладанія. Безполезно будетъ, естьли я начну говорить о томъ, какихъ я избѣжалъ различныхъ сѣтей, которыя для меня разставлены были; скажу только, что я началъ было надѣяться провести спокойно оставшееся время до моего щастія, какъ Король Цибитской сдѣлалъ нападеніе на наши земли. Султанъ Аденской принялъ намѣреніе сдѣлать скорое за то отмщеніе; для сего собраны были войска близь столицы сего Государя, гдѣ и мнѣ быть надлежало съ другими Офицерами. Я не безпокоился о томъ, что мнѣ надлежало повиноваться вышней власти; но мнѣ надлежало управлять солдатами, что мнѣ не очень пріятно казалось; ибо должно было повелѣвать знаками. Но по щастію моему Султанъ меня отъ того избавилъ; онъ, узнавъ меня при осматриваніи своихъ войскъ, и увѣдавъ,

что

что я еще нѣмъ, изволилъ мнѣ сказать, что будучи о храбрости моей извѣстенъ, увольняетъ меня служить при надлежащемъ моемъ мѣстѣ, повелѣвая мнѣ быть при себѣ безотлучно. Толь особливая милость привела меня въ чрезмѣрную радость, я бросился къ ногамъ его, и сей милосердый Государь тронулся поступкомъ моимъ столь много, что поднялъ меня самъ со всевозможною ласкою.

Мы на другой же день выступили въ походъ, и чрезъ недѣлю достигши нашего непріятеля, не отрицались дать ему баталію, которая была весьма кровопролитна. Какъ Султанъ, мой Государь, повелѣлъ мнѣ отъ себя ни на минуту не отлучаться, то я во все сраженіе не выпускалъ его изъ глазъ, и имѣлъ щастіе спасти ему жизнь дважды; въ третій же разъ убита подъ нимъ была его лошадь, въ разсужденіи чего посадилъ я его на свою, и отбивалъ его отъ окружившихъ его непріятелей, въ которое время получилъ я два шпажные удара, изъ коихъ одинъ пробилъ у меня латы, а другой прошелъ сквозь лѣвую руку на вылетъ въ самую грудь, отъ чего палъ я на землю между лошадьми. Султанъ, примѣтя то, и защищаясь и самъ подобно пресильному льву, повелѣлъ подать мнѣ наискорѣйшее вспомоществованіе. Меня подняли, и между тѣмъ, какъ несли меня въ ближайшій шатеръ, гдѣ осматривали мои раны, и нашли оныя довольно опасными, сей неустрашимый Государь возбуждалъ подданныхъ своихъ собственнымъ своимъ примѣ-

ромъ столь сильно, что получилъ тѣмъ совершеннѣйшую побѣду, понеже и Султанъ Цибитской убитъ былъ на сраженіи.

Первое стараніе Султана послѣ баталіи было то, что хотѣлъ знать, въ какомъ я состояніи находился, и увѣдавъ, что я въ жизни крайнѣ опасенъ, прибѣжалъ ко мнѣ самъ въ шатеръ. Сколь много, любезный другъ! я тебѣ обязанъ! сказалъ онъ мнѣ, меня обнимая; какимъ образомъ за то могу тебѣ возблагодарить? Помышляй только о своемъ выздоровленіи, и будь увѣренъ, что нѣтъ такого, чего бы не сдѣлалъ я для показанія тебѣ чувствительнѣйшей моей благодарности.

Я принялъ Султана со всякимъ высокопочитаніемъ, каковое только въ тогдашнемъ моемъ состояніи оказать могъ, и какъ раны мои не дозволяли перевезти меня въ Аденъ, то повелѣлъ отнести меня на носилкахъ въ ближайшій городъ, и оставя тамъ при мнѣ двухъ своихъ Докторовъ и Лѣкарей, повеля имъ о выздоровленіи моемъ всѣми силами стараться, поѣхалъ самъ обратно въ Аденъ. Какъ жилъ я у самаго Губернатора, то не только мнѣ ни въ чемъ не было недостатка, но еще ходили за мною съ толикою ревностію и усердіемъ, что дней чрезъ восемь миновалась моя опасность, а по прошествіи двухъ мѣсяцовъ находился я уже въ состояніи въ Аденъ возвратиться.

Я имѣю причину думать, что болѣзнь моя была для Маргоны не нечувствительна; понеже она въ тотъ городъ, гдѣ я пользовался, прислала

ко

ко мнѣ невольника съ письмомъ, наполненнымъ самыми страстными и сожалительными выраженiями, при чемъ прислала мнѣ также пять сотъ золотыхъ. Письмо сiе получилъ я съ неизреченною радостiю; но денегъ взять не хотѣлъ, и отдалъ оныя обратно невольнику.

ВЕЧЕРЪ LIII.

Продолженiе приключенiй Катифея и Маргоны.

Сей человѣкъ остался при мнѣ на нѣсколько времени, и увѣрясь уже точно, что раны мои безопасны стали, просилъ меня дать ему письмо къ его госпожѣ. Первыя данныя мнѣ повелѣнiя наблюдалъ я столь тщательно, что и при семъ случаѣ почелъ за ненужное писать къ прекрасной моей вдовушкѣ, хотя она мнѣ то и разрѣшила. Я далъ знать сему невольнику знаками, что не могу его удовольствовать; но что вскорѣ надѣюсь быть въ состоянiи увѣрить ее собственными устами въ той благодарности, которой благосклонность ея ко мнѣ отъ меня требуетъ.

Невольникъ уѣхалъ, а я, спустя послѣ него недѣли двѣ, отправился также въ путь на носилкахъ, которыя градодержателямъ и главнѣйшимъ жителямъ селъ и деревень повелѣно было мнѣ давать безостановочно. Наконецъ прiѣхалъ я въ Аденъ, и слѣдуя повелѣнiямъ Султана, проводили меня прямо во дворецъ. Не можно никакъ изъяснить полученныхъ мною отъ сего Государя ласканiй. Я въ разсужденiи тебя, любезный

ный другЪ! сказалЪ онЪ мнѢ однимЪ днемЪ, имѢю великія намѢренія, и препятствіемЪ кЪ онымЪ нахожу только упорное молчаніе, наблюдаемое тобою кажется не кстати. У меня есть три сестры чрезвычайной красоты, выбирай изЪ нихЪ любую, я сдѢлаю тебя моимЪ ВизиремЪ. Занимающій сіе мѢсто былЪ на послѢднемЪ сраженіи убитЪ, и только одинЪ ЦалвонЪ могЪ бы ласкаться получить оное, естьли бы я онаго не назначилЪ для тебя. ОнЪ человѢкЪ искусный, и состарѢлся вЪ дѢлахЪ государственныхЪ; но слышу, что онЪ весьма легковѢренЪ, и предразсужденій своихЪ никогда не оставляетЪ; почему злоупотребляя своею властію, поступаетЪ сЪ подданными моими худо. И такЪ какимЪ бы искусствомЪ и знаніемЪ онЪ ни обладалЪ, однако главою моего государства не хочу такого человѢка поставить; напротивЪ того повелѢваю тебѢ, когда ты предложенія мои принять намѢренЪ, присматривать за поступками его рачительно. Но знаешь, что вЪ такомЪ состояніи, вЪ каковомЪ ты быть кажешься, не могу вручить тебѢ правленія моего государства. ОбЪяви же мнѢ знаками, или иначе, самопроизвольная ли болѢзнь твоя, или нѢтЪ; и естьли лѢкарства что нибудь произвесть могутЪ, то нѢтЪ такого вЪ свѢтѢ, чего бы не употребилЪ я кЪ возвращенію тебѢ языка: я принужу моихЪ врачей истощить на тебя все ихЪ знаніе и науку.

НикакЪ не возможно изобразить моего удивленія и смущенія, вЪ которое приведенЪ я былЪ симЪ предложеніемЪ; однако, сколь ни много чувство-

ствовалъ въ себѣ слабости, бросился я къ ногамъ Султана, стараяся вразумить ему, что естьли по щастію удалось мнѣ учинить ему какую услугу, то за все награжденъ былъ довольно оказанными мнѣ имъ милостями, и что я предлагаемой имъ мнѣ чести ни мало не достоинъ.

Извѣстіе сіе разнеслось конечно по всему Адену; оно дошло и до ушей Маргоны; и сія прекрасная особа, казалось, опасалась, чтобы я, уставъ отъ толь долгаго срока опредѣленныхъ ею въ разсужденіи меня опытовъ, основанныхъ единственно на своенравіи, не захотѣлъ сдѣлаться сродникомъ моему Государю. Она отписала ко мнѣ письмо, наполненное самыми нѣжными и жалостными выраженіями, которое въ слѣдующихъ рѣчахъ состояло:

„И такъ, государь! я тебя лишаюсь; вижу, что лишаюсь тебя собственною своею погрѣшностію. Нещастная Маргона! что съ тобою послѣдуетъ? Можешь ли пережить сіе злополучіе? Увы! естьли еще теперь время, то прости меня во всѣхъ моихъ своенравіяхъ, и прерви свои обѣщанія, я уволяю тебя отъ оныхъ. Скажи Султану, дражайшій Кашифей! покажи сіе письмо, разскажи ему всѣ свои приключенія; оныя покажутся ему столь чрезвычайны, что я точно увѣрена (когда ты меня еще любишь), что онъ сердца твоего принуждать не похочетъ; но можешь ли ты для безразсудной любовницы сопротивляться толь великимъ его предложеніямъ? Я не могу тому вѣрить. Ахъ! ты намѣряешься къ измѣнѣ; но

„знаю,

„знаю, что прежде умру, нежели о томъ из-
„вѣдаю точно . . .

Письмо сіе поразило мое терпѣніе. Я взялся за перо, опасаясь, чтобы въ семъ случаѣ молчаніе мое не подтвердило страха любезной Маргоны; я извинялъ свой поступокъ такимъ образомъ, чтобы лишить ее всякаго подозрѣнія меня въ невѣрности; я запечаталъ свое письмо, и уже хотѣлъ послать къ ней оное, какъ разсудя, что искуса моего по большей мѣрѣ одинъ мѣсяцъ остается, изодралъ въ мѣлкіе лоскуточки все мною написанное, и не почелъ за благо отважиться на такое дѣло, которое могло бы побудить меня къ раскаянію, понеже сдѣлалъ отвѣтъ въ противность данныхъ мнѣ повелѣній.

Между тѣмъ, какъ мы оба въ толь жестокомъ смятеніи находились, Султанъ, не забывая о своихъ намѣреніяхъ, велѣлъ всѣхъ находящихся въ Аденѣ врачей собрать, и требовалъ у нихъ въ разсужденіи моего состоянія совѣта; но какъ болѣзнь моя еще съ самаго начала разнеслась повсюду, то не было изъ нихъ ни одного (какъ то узналъ послѣ), который бы, будучи увѣренъ, что нѣмъ я самопроизвольно, не объявилъ себя безсильна ко излеченію меня. Машъ-Моунъ, будучи можетъ быть искуснѣе другихъ, зная лучше, или подозрѣвая основанія моего молчанія, говорилъ такъ: милостивый государь! сказалъ онъ Султану, Капифей сдѣлался нѣмъ, по видимому, вдругъ по какой нибудь ему одному извѣстной причинѣ, которой мы никакъ познать не можемъ. Естьли то дѣлаетъ онъ по обѣту,

обѣту, то беззаконно бы было принуждать его къ прерванію онаго, развѣ только когда твой Иманъ ему то разрѣшитъ. Естьли же то для другаго чего, кое мы проникнуть не можемъ, то напрасно употреблять лѣкарства, которыя всегда дѣйствіе свое имѣютъ, но въ семъ случаѣ можетъ быть причинятъ болѣе вреда, нежели пользы. И такъ по моему мнѣнію не лучше ли стараться побудить его къ прерванію молчанія какою нибудь хитростію, и чтобы Ваше Величество обѣщали какое награжденіе тому, который сдѣлать то возможетъ. Совѣтъ твой очень хорошъ, сказалъ на то Султанъ: естьли Иманъ, коего я къ нему пошлю, не въ состояніи будетъ увѣрить его въ разрѣшеніи ему въ его обѣтѣ, когда только онъ учинилъ оный, то прикажу поступить по твоему предложенію.

ВЕЧЕРЪ LIV.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Иманъ по повелѣнію Султанскому пришелъ ко мнѣ, спустя съ часъ; однако всѣ его труды были напрасны; и онъ изъ упорности моей въ молчаніи заключа, что законъ не имѣлъ въ томъ ни малѣйшаго участія, объявилъ о томъ Царю Аденскому, который о мнѣ помышляя безпрестанно, приказалъ о намѣреніяхъ своихъ объявить во всемъ городѣ, и крикуны возвѣстили его именемъ, что кто принудитъ меня говорить, какимъ бы то образомъ ни было, тотъ въ награжденіе получитъ сто

тысячь золотыхъ. Толь великая сумма, показывающая притомъ чрезмѣрную ко мнѣ любовь сего Государя, взволновала всѣхъ побродягъ и обманщиковъ. Выискалось изъ нихъ болѣе притцати, которые обѣщались вылечить меня дѣйствительно, хотя изъ нихъ всякой былъ увѣренъ, что успѣхъ имѣть будетъ. Однако должно признаться, что сыскался изъ нихъ одинъ всѣхъ искуснѣе и совѣстнѣе, и который ласкался побудить меня къ разговорамъ, сказавъ мнѣ на ухо только одно слово. Правда, употребилъ онъ такое лѣкарство, которое бы конечно подѣйствовало, естьли бы имѣлъ я корыстолюбивое сердце. Государь мой! сказалъ онъ мнѣ, Султанъ обѣщаетъ дать сто тысячь золотыхъ за твое излеченіе; я вижу, что оно отъ тебя одного зависитъ; раздѣлимъ сію сумму по поламъ; я даю тебѣ изъ того пятьдесятъ тысячь; вотъ тебѣ на то и обязательство, подписанное собственною моею рукою. Подумай, мы оба можемъ сдѣлаться тѣмъ щастливы. Я не могъ отъ смѣха удержатся, слыша такія рѣчи сего человѣка, и для награжденія его въ уронѣ толь знатной суммы подарилъ я ему перстень болѣе, нежели во сто золотыхъ. Онъ тому крайнѣ возрадовался, приносилъ мнѣ несписанное благодареніе, и во всемъ Аденѣ объявлялъ о моей щедрости.

Цалвонъ, который изъ простаго Подъ-Визиря мнилъ себя достойнымъ быть къ заступленію мѣста перваго Министра, въ разсужденіи своей способности и лѣтъ, находился въ отчаяніи, видя,

дя, что Султанъ любитъ меня столь много. Взирая притомъ съ прискорбіемъ, что великое Визирство опредѣлялось мнѣ, какъ скоро говорить стану, употреблялъ въ тайнѣ всѣ свои силы къ возпрепятствованію моего выздоровленія; и пользуясь случившеюся тогда Султану болѣзнію, велѣлъ народнымъ крикунамъ объявить его именемъ, что сей Государь дастъ вдвое противъ обѣщаннаго, кто меня вылечитъ; но кто лечить меня предпріиметъ, и не вылечитъ, тому будетъ голова отрублена.

Не взирая на толь строгое объявленіе, надежда толь великаго прибытка побудила пятерыхъ, или шестерыхъ нещастныхъ, кои, не имѣя лучшаго противъ другихъ успѣха, заплатили своею жизнію за то, что дерзнули объявить себя къ моему искушенію.

Не зная сего послѣдняго объявленія и наказанія, наложеннаго достойнымъ симъ Министромъ за неудачу въ вылеченіи меня, жилъ я довольно спокойно, какъ спокойствіе сіе нарушилось такимъ приключеніемъ, котораго единое напоминовеніе приводитъ меня въ трепетъ.

Прошло уже болѣе недѣли, что ни одинъ такой Лѣкарь ко мнѣ не показывался, какъ объявили мнѣ, что какой-то молодой человѣкъ рѣдкой красоты со мною говорить хочетъ, и берется побудить меня къ рѣчамъ посредствомъ одного талисмана. Я велѣлъ впустить его къ себѣ въ комнату. Но что возчувствовалъ въ себѣ, когда въ младомъ семъ человѣкѣ позналъ божественную Маргону? Катифей! сказала она мнѣ съ нѣ-

которымъ страхомъ, смѣшеннымъ съ почтеніемъ; я пренебрегаю своимъ щастіемъ, а можетъ быть и жизнію только для того, чтобы поговорить съ тобою; но по отказѣ твоемъ отвѣта на мое письмо чего не должно мнѣ предпринять для познанія моей судьбины и для сохраненія такого сердца, какъ твое? Измѣнилъ ли ты мнѣ, какъ-то говорятъ въ Аденѣ? и пріемлешь ли одну изъ сестеръ Султанскихъ себѣ въ супругу? Я показывалъ ей, что не только въ разсужденіи ее не премѣнился, но еще все мое благополучіе въ томъ поставляю, чтобы любить ее вѣчно, и быть ею любиму; и что я отъ нашего Государя никакого благодѣянія не приму въ предосужденіе данныхъ мною ей клятвъ. Ахъ! естьли то, что ты мнѣ теперь показываешь, справедливо, сказала она мнѣ съ великимъ восторгомъ, то скажи о томъ, любезный Катифей! сей же день Султану; объяви ему, что ты, обязавшись жесточайшими клятвами, соединяющими тебя со мною неразрывнымъ союзомъ, не можешь предлагаемою имъ тебѣ честію пользоваться. Узнавъ онъ, что обязательства наши не могутъ прерваны быть безъ навлеченія на себя гнѣва Пророка нашего, почтетъ конечно за несправедливость требовать отъ тебя того, что можетъ привесть тебя въ безчестіе. Прими, любезный другъ! мою руку, клянись мнѣ, что будешь меня любить съ тою горячностію, какую ты являлъ ко мнѣ до самой сей минуты; прибавь еще къ сей клятвѣ, что ты, чтобы съ тобою ни случилось, никогда со мною не разведешься; я же готова съ тобою соединиться,

какъ

какЪ скоро меня вЪ томЪ увѣришь, и согласно сЪ моимЪ требованіемЪ объявишь Султану. Клянусь тебѣ всемЪ священнѣйшимЪ на свѣтѣ, что разрѣшаю тебя отЪ наложенныхЪ мною на тебя обязательствЪ; и хотя уже только десять дней остается, однако я воспользуюсь тѣмЪ не мало, когда принужу тебя кЪ прерванію молчанія. Естьли во всѣхЪ другихЪ случаяхЪ употребляла я все возможное кЪ твоему искушенію, то теперь того не ищу; время и обстоятельства не позволяютЪ тебѣ отлагать ни на минуту объявить мнѣ изустно о истинныхЪ твоихЪ ко мнѣ чувствованіяхЪ и дать о томЪ знать нашему Государю; положись же на мою искренность; открой мнѣ свое сердце, не дай мнѣ стенать долѣе вЪ той безЪизвѣстности, вЪ которой нахожусь. АхЪ, Катифей! вЪ сію-то минуту долженЪ ты мнѣ доказать, что любовь твоя ко мнѣ не можетЪ никакими величайшими предложеніями поколебаться, и что ты хочешь лучше гнѣву Султанскому подвергнуться, нежели сдѣлаться мнѣ невѣрнымЪ.

ВЕЧЕРЪ LV.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

КакЪ безЪизвѣстно мнѣ было, какое наказаніе наложилЪ Визирь ЦалвонЪ на тѣхЪ, кои вылечить меня брались: то показывалЪ Маргонѣ, увѣривЪ ее сперва о совершенной моей кЪ ней вѣрности, что ни мало не нужно прекратить повиновеніе, когда уже до сроку только десять дней осталось; по семЪ, желая надЪ нею повесе-

литься, показывалъ ей, что конечно корыстолюбіе побудило ее представлять такого человѣка, и что оное можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ заставляетъ ее говорить самую истинну; но что я будучи не столь корыстолюбивъ, какъ она, не хочу отважиться потерять ея благосклонность за сто тысячь золотыхъ, и что я, не взирая ни на какое приключеніе, не стану говорить, пока срокъ не выйдетъ.

Едва только вразумилъ я Маргонѣ, что требованія ея не соглашусь исполнить, какъ вдругъ лице ея покрылось величайшею блѣдностію. Ахъ, невѣрный! сказала она мнѣ, сколь мало награждаешь ты мою горячность! она едина завела меня въ сіи мѣста, и естьли бы не опасалась, что ты на предложенія Султана согласишься, то ожидала бы окончанія года со всякою терпѣливостію; но вижу, неблагодарный! что гордость тобою владѣетъ; ты вскорѣ будешь сродственникъ Султанскій. Правда, Принцесса, съ которою ты въ бракъ вступаешь, великая красавица, и въ объятіяхъ ея позабудешь скоро нещастную Маргону, къ которой уже безстрастенъ, а можетъ быть и отвращеніе чувствуешь. Изрядно, жестокій, я лишусь жизни! сопротивленіе твое моей волѣ подвергаетъ меня извѣстной смерти; тебѣ не безъизвѣстна судьбина, ожидающая меня у выходу изъ мѣстъ сихъ; ты взираешь на то съ радостію, понеже сердцемъ твоимъ уже не владѣю; ты конечно разкаеваешься во всѣхъ претерпѣнныхъ тобою по повелѣнію моему трудахъ и тягостяхъ; теперь при-

причитаешь мнѣ то въ преступленіе, за которое отмщеваешь мнѣ довольно подлымъ образомъ; однако знаешь ты, сколь много я тебя люблю. Что я говорю? Сколь много я тебя обожаю! Ахъ! естьли бы къ тебѣ не сильною страстію была возпламенена, то бы сочеталась съ тобою тому уже два года. Желанія твои былибы удовольствованы, и ты можетъ быть, спустя мѣсяцовъ шесть, престалъ бы меня любить; но какъ сердце твое показалось мнѣ неоцѣненно, то хотѣла испытать тебя всякими образами; мнила найти въ тебѣ чувствованія честнаго человѣка, который, казалось, любилъ меня съ величайшею горячностію и вѣрностію; начинала уже быть тебѣ столь же покорною, сколько сперва казалась гордою и неупросимою; и въ ту самую минуту, когда благополучіемъ моимъ мнила наслаждаться, не только престаешь ты меня любить, но мною и презираешь. Неблагодарный! предая меня самъ неминуемой смерти, дѣлаешься моимъ убійцею; остается тебѣ только то, чтобы казни моей быть свидѣтелемъ. Поди жестокой! поди взирай на умирающую меня, произнося твое имя, которое, не смотря на твое жестокосердіе, снесу съ собою во гробъ какъ неоцѣненное сокровище; представляй себя симъ безчеловѣчіемъ толь же мерзостнымъ потомству, сколько прославился бы ты у онаго своимъ постоянствомъ и вѣрностію.

Маргона, произнося таковыя слова, проливала слезъ потоки; а сіе самое наполняло меня неописанною радостію, видя, что изъясняетъ она истинныя чувствованія своего сердца; но возпемня,

мня, какія она хитрости къ искушенію моему выдумывала, почиталъ и сей поступокъ поставляемою ею на меня сѣтію; и хотя я и не менѣе ее былъ тронутъ; однако, не взирая на всѣ ея толь обманчивыя выраженія, пребывалъ въ намѣреніи моемъ непоколебимъ, и молчанія моего ни коимъ образомъ прервать не хотѣлъ; и она, вышедъ отъ меня пронзенною чувствительнѣйшею скорбію, оставила меня въ крайнемъ безпокойствѣ.

Я началъ уже оправляться; прогуливался часто въ небольшемъ садикѣ, находящемся подлѣ отведенныхъ мнѣ комнатъ; и чѣмъ болѣе срокъ мой приближался, тѣмъ здоровѣе я становился. Наконецъ сей желанный день пришелъ, и я, собрегши Султану великую сумму денегъ, положенныхъ на мое излеченіе, почелъ за должность объявить ему оное собственными своими устами.

Сей Государь былъ тогда не очень здоровъ; я пришелъ къ его опочивальнѣ, и стражи, зная, въ какой я милости у него находился, объявили ему о мнѣ, послѣ чего меня къ нему и впустили. Бросившись къ ногамъ его: милостивѣйшій Государь! сказалъ я ему, въ сей только день долженъ я былъ начатъ говорить паки; я самъ пришелъ теперь объявить вамъ, какія причины побудили меня наблюдать цѣлый годъ молчаніе; я пришелъ принести вамъ рабское мое благодареніе за всѣ оказываемыя мнѣ Вашимъ Величествомъ высокія милости. Тогда разсказалъ ему всю мою исторію со всякою точностію, и онъ

не

не только слушалъ меня со особливымъ удивленіемъ; но еще, похваля таковый мой поступокъ, и чудясь великому моему терпѣнію, говорилъ мнѣ такъ: Катифей! ты достоинъ сердца прекрасной твоей вдовы, я не хочу благополучію твоему ни малѣйшаго дѣлать препятствія; вижу, что ты не можешь сочетаться съ одною изъ сестеръ моихъ, не наруша клятвъ своихъ, и не удаляясь отъ всѣхъ законовъ благопристойности и чести; не думай, чтобы сіе могло премѣнить мои о тебѣ мысли; но еще поступокъ твой, наполненный справедливости и честности, умножаетъ мое къ тебѣ почтеніе, и показываетъ мнѣ, къ чему ты способенъ; иной, надмясь гордостію, презрѣлъ бы всѣми своими обѣщаніями; огорчась суровостями своенравной любовницы, оставилъ бы ее безъ всякаго угрызѣнія совѣсти, и къ невѣрности присоединя презрѣніе, не помыслилъ бы о ней ни мало, а особливо, видя себя пріуготовляющагося сдѣлаться Государскимъ сродственникомъ. Но ты, обладая искренностію, и презирая всякою честію, пріобрѣтаемою въ предосужденіе добродѣтели, не ослѣпился ни мало величествомъ, мною тебѣ предлагаемымъ, и толь разумными и великодушными поступками сдѣлался еще достойнѣйшимъ онаго. Прими же на себя чинъ великаго Визиря, разполагай сокровищами моими по своему желанію; пускай мои народы подъ твоимъ правительствомъ наслаждаются, посредствомъ твоего разума и раздаяніемъ моихъ милостей, такимъ благополучіемъ, съ коимъ ничто сравниться не можетъ. Поди, объяви вѣдомость сію Маргонѣ; скажи ей, что

чрезъ три дни желаю союзъ твой съ нею торжествовать великолѣпнѣйшими празднествами; а какъ ты при семъ случаѣ станешь конечно сберегать мои сокровища, то я самъ прикажу все приуготовить. Радость, чувствуемая мною отъ того, что тебя довольнымъ вижу, подастъ мнѣ силу присутствовать при твоемъ сочетаніи; нѣтъ ничего на свѣтѣ, чѣмъ бы могъ довольно возблагодарить тебѣ за то, что долженъ тебѣ жизнію и спасеніемъ государствъ моихъ.

Хотя я (продолжалъ Катифей) предсталъ предъ Султана, исполненъ будучи страха, что отказъ мой сочетаться съ его сестрою премѣнитъ его о мнѣ мысли, а можетъ быть и лишитъ меня жизни; однако твердое положилъ намѣреніе принести Маргонѣ сію жертву. И такъ легко понять можно, сколь великую возчувствовалъ я радость, слыша отъ Султана такія рѣчи! Я бросился къ его колѣнамъ, обнималъ ихъ съ неизреченнымъ восхищеніемъ. Милостивѣйшій Государь! говорилъ я ему, милости твои превосходятъ всѣ мои надежды; естьли щастіе опредѣлило меня ко оказанію вамъ услугъ въ послѣднемъ сраженіи, то за оныя награжденъ я уже былъ довольно пріобрѣтенною мною отъ того славою, и милостію, показываемою мнѣ Вашимъ Величествомъ; но дерзаю васъ просить о сложеніи съ меня толь тягостнаго того бремени; я почитаю себя неспособнымъ къ отправленію толь великой должности; и какъ мѣсто сіе бываетъ всегда предметомъ зависти тѣхъ, кои къ заступленію онаго мнятъ себя достойными,

то

то они почтутъ за величайшую несправедливость, что не они на толь высокое достоинство возведены, и вся ихъ ненависть упадаетъ обыкновенно на того, который на оное возвышенъ.

Не сопротивляйся болѣе моему желанію, сказалъ на то Султанъ; я знаю, что отказы твои произходятъ единственно отъ чрезмѣрной твоей честности; но она-то и побуждаетъ меня повелѣть тебѣ мнѣ повиноваться; прими же государство, управляй имъ со всею своею премудростію, и дай мнѣ насладиться покоемъ, коего я еще до сихъ поръ не вкушалъ, понеже всегда принужденъ былъ смотрѣть самъ за поступками первыхъ моихъ Визирей.

Какъ симъ повелѣніямъ не можно уже было ни мало противорѣчить, то показывалъ ему, что ко исполненію оныхъ приступить не отрицаюсь, и объявленъ будучи Верьховнымъ Визиремъ, оставилъ я Султана вскорѣ, и не мѣшкая пошелъ къ прекрасной моей вдовѣ. Но, о небеса! что воспослѣдовало со мною, когда всѣхъ невольниковъ нашелъ плачущихъ? Ахъ, милостивый государь! сказали они мнѣ, что съ любезною нашею госпожею воспослѣдовало? Мы не видимъ ее уже десять дней; она вышла изъ дому въ мужскомъ платьѣ, увѣряя насъ, что идетъ привести тебя сюда, дабы сдѣлать тебя нашимъ повелителемъ, ставши твоею супругою. Нѣсколько человѣкъ изъ насъ проводили ее до самаго Султанскаго дворца, гдѣ пробыли мы до самой ночи; однако она къ намъ не выходила; и естьли разнесшемуся по всему Адену слуху вѣрить, то она лишена жизни, какъ и многіе другіе, кои, льстясь полу

чить толь великое награжденіе, брались побудить тебя къ прерванію молчанія; понеже Визирь Цалвонъ за недѣлю предъ выходомъ Маргоны объявилъ въ народѣ, что кто возвратитъ тебѣ прежнее употребленіе языка, тотъ за то получитъ двѣсти тысячь золотыхъ; а кто, взявшись за сіе излеченіе, до того не достигнетъ, тотъ долженъ быть лишенъ живота.

ВЕЧЕРЪ LVI.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Толь неожидаемая вѣсть поразила меня какъ громовою стрѣлою. Возпалясь жесточайшею яростію, побѣжалъ я къ Султану для принесенія справедливыхъ моихъ жалобъ. Увы, Государь! вскричалъ я, бросившись къ ногамъ его, я дражайшей моей Маргоны лишился въ ту самую минуту, когда приступалъ къ обладанію ею. Тогда разсказалъ ему о всемъ слышанномъ мною отъ ея невольниковъ; и сей Государь тронутъ былъ мерзостнымъ поступкомъ Цалвона столь сильно, что тотъ же часъ повелѣлъ его взять подъ караулъ и предъ себя привести. Милостивѣйшій Государь! сказалъ я ему, дозволь, чтобы я самъ исполнилъ твое повелѣніе. Изрядно, отвѣтствовалъ на то Султанъ, ступай туда любезный Катифей! и не приходи ко мнѣ безъ головы сего злодѣя, коего жестокость на меня упадаетъ; я не только не давалъ толь кровожаждущихъ повелѣній, но трепещу, о нихъ слыша; повелѣваю тебѣ объявить о томъ въ Аденѣ, и освѣ-

освѣдомиться о именахъ умерщвленныхъ имъ толь несправедливымъ образомъ, дабы нещастныхъ ихъ сродственниковъ могъ я наградить, а сего мерзостнаго Министра наказать тѣмъ жесточѣе.

Я не ожидалъ другаго повелѣнія; взялъ пятьдесятъ Султанскихъ стражей, побѣжалъ къ Визирю, и приказалъ окружить его домъ, куда взошелъ безъ малѣйшаго замедленія; но сколь великую болѣзнь возчувствовалъ, когда отъ невольниковъ его увѣдалъ, что тому уже дней съ десять, какъ онъ изъ Адена выѣхалъ въ ночи съ двумя женщинами, изъ коихъ одна горчайшія проливала слезы! По описанію одного изъ нихъ сей стенящей догадался я, что конечно была прекрасная моя вдовушка, и въ сей мысли утвердилъ меня одинъ черный евнукъ, который сказалъ мнѣ, что онъ самъ слышалъ, что она имя мое многократно произносила; прибавилъ онъ къ тому, что господинъ его принудилъ его лишить жизни пятерыхъ человѣкъ, кои во излечении моемъ никакого успѣха не имѣли, и что онъ приготовлялся уже отрубить голову и шестому, который былъ человѣкъ молодой и рѣдкой красоты; но нещастный сей объявилъ ему, что онъ женщина, что въ ту самую минуту примѣтилъ онъ въ очахъ Цалвона сильнѣйшую къ ней страсть, что держалъ ее заключенну во внутреннихъ покояхъ Султанскихъ, вышелъ съ нею оттуда уже ночью очень поздно, и возвратясь къ себѣ домой, уѣхалъ изъ города съ нею, съ одною старухою и съ четырьмя невольниками

съ тѣмъ, чтобы, сѣвши на корабль, удалиться въ Цокоторaское королевство.

Хотя и великую возчувствовалъ я радость, думая, что Маргона по крайней мѣрѣ наслаждается жизнiю; однако трепеталъ, воспоминая, что она въ рукахъ Цалвоновыхъ находится. Утуша нѣсколько первыя движенiя моей ярости, разсуждалъ я, какiя предпринять въ семъ случаѣ мѣры. Увы! говорилъ я самъ въ себѣ, Маргона для избѣжанiя опредѣляемой ей смерти открыла Визирю конечно о всѣхъ нашихъ приключенiяхъ; и сей злодѣй, не сомнѣваясь, что въ непродолжительномъ времени не премину ему отмстить за пролитую имъ за меня кровь, вздумалъ конечно бѣгствомъ спастися отъ предлежащей ему казни. Измѣнникъ! за необходимость отдаленiя его изъ государства хотѣлъ меня конечно наказать похищенiемъ у меня того, что мнѣ всего милѣе на свѣтѣ Увы! нещастный Катифей! для чего не согласился ты на плачь и прозьбы Маргоны, когда она съ тобою въ послѣднiй разъ видѣлась? Не ясно ли предсказала она тѣ нещастiя, кои теперь съ тобою произходятъ? Для чего не хотѣлъ ты ей вѣрить? Возможно ли тебѣ было подозрѣвать ее при таковомъ случаѣ хитростiю? Ты самъ вонзаешь ей въ грудь кинжалъ, подвергая ее несноснѣйшимъ оскорбленiямъ самаго мерзскаго и свирѣпаго изъ всѣхъ человѣковъ. Мнѣ нравъ ея извѣстенъ; она конечно согласится лучше лишиться жизни, нежели удовлетворить безбожныя его желанiя. О праведное небо! куда ни обращуся

щусь, всюду обрѣтаю ужасъ! только единая безъизвѣстность судьбины толь прекрасной особы, и желаніе за нее отмстить, лиша жизни проклятаго Цалвона, только сіе удерживаетъ меня отъ покушенія на животъ свой.

Сіи двѣ причины, удержавъ мою руку, принудили во дворецъ возвратиться; я объявилъ Султану о побѣгѣ Визиря и о похищеніи Маргоны; и сіе разсказывалъ я съ толикою яростію, что онъ не могъ отъ слезъ удержаться; приказалъ тотчасъ призвать къ себѣ своего морскаго Визиря, и повеля ему освѣдомиться, на какомъ караблѣ Цалвонъ уѣхалъ, получилъ чрезъ часъ извѣстіе, что тотъ корабль (какъ-то объявилъ мнѣ и черный евнухъ) отправился тому съ недѣлю на островъ Цокотору. Любезный Катифей! сказалъ мнѣ тогда Султанъ, возьми въ гавани столько кораблей, сколько хочешь, поѣзжай за своимъ непріятелемъ, не жалѣй ничего къ полученію его и для найденія твоей любезной; пріѣжжай самъ поскорѣе возвратить мнѣ покой, коего отсутствіе твое меня лишаетъ.

Хотя я тогда въ восторгѣ своемъ и былъ еще слабъ; однако кромѣ себя никому не хотѣлъ поручить попеченіе о своемъ отмщеніи. На другой же день сѣлъ на корабль, и взявъ отъ Султана препоручительное письмо къ Цокотораскому Королю, отправился въ путь съ тремя другими кораблями, въ томъ намѣреніи, чтобы догнать корабль Маргонинъ, чего бы то ни стоило.

Дней съ двенатцать плыли мы при весьма благополучномъ вѣтрѣ, какъ вдругъ оный перемѣ-

мѣнился, и не взирая на все искусство нашихъ кормщиковъ, носило насъ по всему Индѣйскому морю, и наконецъ прибило къ Каликутскому королевству. Приключеніе сіе привело меня въ отчаяніе; каждая минута усугубляла мои страхи, безпрестанно возрывалъ небеса, чтобы онѣ отправили насъ въ путь нашъ поскорѣе. Прозьбы мои были наконецъ услышаны; но для того, чтобы привесть меня въ самое жалостное состояніе, каковое только себѣ представить можно. Мы претерпѣли другую бурю гораздо жесточайшую первой, и вѣтръ, не взирая на всѣ наши старанія, разметалъ всѣ наши корабли врозь; а тотъ, на которомъ я находился, прибитъ былъ къ берегамъ Айянскимъ, гдѣ, претерпя великія безпокойства, попались мы къ наивящшему нашему нещастію къ морскимъ разбойникамъ. Вы легко можете разсудить, что тогдашнее наше состояніе не дозволяло намъ сопротивлятся нашимъ побѣдителямъ, которые, полоня насъ, поѣхали тотчасъ въ Браву.

ВЕЧЕРЪ LVII.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Я не могу изъяснить вамъ, милостивыя государыни! въ какое отчаяніе я тогда пришелъ; стократно покушался ввергнуться въ море для скончанія моихъ бѣдствій; но подкрѣпляясь еще нѣкоторою надеждою, что три наши корабля соединятся съ нами прежде прибытія нашего въ Браву, и можетъ быть избавятъ

насъ

насъ отъ рабства, отлагалъ лишить себя жизни въ твердомъ намѣреніи прекратить оную, какъ скоро совсѣмъ отнимутъ у меня свободу. Предвидя, что мы сдѣлаемся невольниками сихъ разбойниковъ, приказалъ я всѣмъ со мною бывшимъ не объявлять ни о мнѣ, ни о морскомъ Визирѣ, какого мы состоянія. Они исполнили то со всякою точностію, и я по крайней мѣрѣ имѣлъ то утѣшеніе, что высокой чинъ мой не будетъ препятствовать мнѣ въ выкупѣ. Корабли наши не сошлись съ нами; мы прибыли въ Браву, и по раздѣлу достался я съ Визиремъ Губернатору того города, которому изъ всякой получаемой на морѣ добычи давали обыкновенно десятую часть. Легко разсудить можно, въ какой печали я находился, видя себя во власти такого человѣка. Уже твердое положилъ намѣреніе лишить себя жизни, какъ Мезри (такъ назывался морскій Визирь), примѣтя по лицу моему, что я что нибудь бѣдственное умышляю, представлялъ мнѣ въ сильнѣйшихъ выраженіяхъ, сколь много я погрѣшаю, что предаюсь толикому отчаянію. Милостивый государь! сказалъ онъ мнѣ, ты не только не долженъ горчайщей скорби предаваться, но еще при семъ случаѣ надлежитъ тебѣ собрать все свое мужество и всю крѣпость, и поберечь себя по крайней мѣрѣ для прекрасной Маргоны, которая во вспомоществованіи твоемъ можетъ еще имѣть нужду; я увѣряю тебя, что мы въ семъ бѣдственномъ состояніи пробудемъ не долго; въ здѣшнюю гавань приходитъ множество всякихъ кораблей; я найду случай въ самой скорости увѣдомить Аденскаго

Султана о нашемъ рабствѣ; онъ тебя любитъ, и потому конечно употребитъ всѣ способы къ возвращенію тебѣ свободы, и я не отчаяваюсь, чтобы по семъ не нашли мы прекрасной твоей вдовы. Сія толь ласкательная рѣчь утѣшила нѣсколько жестокость моихъ нещастій, и такъ, намѣрясь положиться во всемъ на Провидѣніе, ожидалъ рѣшенія его съ терпѣніемъ.

Уже недѣли съ три жилъ я у новаго своего господина, которымъ всѣ его невольники не могли довольно нахвалиться, какъ онъ приказалъ меня привести къ себѣ въ покой. Мани! сказалъ онъ мнѣ (сіе имя имѣлъ я въ службѣ у моей любовницы, и далъ себѣ оное и въ семъ невольничествѣ); сынъ мой женится чрезъ двѣ недѣли; я хочу бракъ его праздновать по данному мною обѣщанію всѣмъ женщинамъ моего сераля; имѣешь ли ты вкусъ въ таковыхъ увеселеніяхъ? Милостивый государь! отвѣтствовалъ я Губернатору, который Альмамономъ назывался; я всегда любилъ позорища. Никакихъ комедіянтовъ въ Аденѣ не проходило, которыхъ бы я не видалъ. Естьли надлежитъ убрать залу и поставить въ оной театръ, то повелѣніе ваше съ точностію исполню. Сего то я и желаю, сказалъ мнѣ Алмамонъ; убери сей покой, въ которомъ мы теперь находимся, такъ чтобы оный могъ годиться для пріуготовляемыхъ мною увеселеній; опредѣленная мною въ супруги моему сыну живетъ въ семъ домѣ, куда она по четвертому году попалась. Я взиралъ съ удовольствіемъ, какое согласіе

раждалось у ней съ моимъ сыномъ, и сей союзъ причиняетъ мнѣ тѣмъ большую радость, что мнѣ фамилія ея извѣстна, и что принадлежитъ она честнымъ людямъ, прославляющимся всегда оказываемыми ими отечеству ихъ услугами; она и сынъ мой страстные охотники до таковыхъ увеселеній, и тому года три, или четыре, что я бывшихъ тогда въ Аденѣ комедіантовъ сюда привозилъ для удовольствованія моей фамиліи. Ей такъ то полюбилось, что часто иные изъ моихъ невольниковъ, которые къ тому казались имѣли склонность, представляли передъ ними подобное тому; теперь хочется мнѣ ее тѣмъ позабавить. Скажу тебѣ еще, любезный Мани! продолжалъ Губернаторъ, что съ недѣлю купилъ я невольницу, именемъ Цобейясу; она мнѣ очень полюбилась, и я не могу познать, что я въ сердцѣ моемъ къ ней ощущаю. Когда хочу объявить ей, что я къ ней чувствую, то почтеніе уступаетъ горячности, и препятствуетъ мнѣ открыть ей мои мысли. Впрочемъ я ее вижу тѣмъ въ большей печали, что всѣ способы, которые я употребилъ предъ симъ временемъ, дабы ее извлечь изъ оной, были тщетны; она имѣетъ въ разсужденіи своей природы и знатности нѣкоторую тѣмъ больше непроницаемую тайну, такъ что вся ея компанія, которая была на караблѣ, когда онъ былъ прибитъ волнами къ симъ берегамъ, утонула, или была убита, защищаясь противъ жителей Бравы; а мнѣ невозможно было узнать ея родителей. Желалъ бы сыскать средство истребить ея задумчивость, и надѣюсь, что ты мнѣ поможешь въ семъ случаѣ; я же

сыщу

сыщу тебѣ случай ее видѣть и съ нею говорить; старайся только извѣдать причину ея печали; дай ей довольно знать, что я объ ней очень сожалѣю, и не упущу ни одного способа, которой бы только могъ прекратить ея нещастіе. Милостивый государь! сказалъ я Альмамону, я почитаю за великую честь быть употребленну ко исполненію сего дѣла, и съ возможною ревностію съ самой сей минуты буду стараться васъ удовольствовать. Тогда началъ я прилагать все мое стараніе ко украшенію залы, и принуждалъ работать цѣлые два дни со всевозможнымъ вниманіемъ, и мое попеченіе не было тщетно; ибо видъ, который я далъ той комнатѣ, убравши оную, понравился весьма моему новому господину. Онъ меня за то благодарилъ. Когда его сынъ и та, которую онъ хотѣлъ взять въ супруги, невольница, которую Альмамонъ удостоилъ своего вниманія, и вся ихъ фамилія вошли туда, то всѣ похваляли вкусъ, который видѣнъ былъ въ убранствѣ сего театра. Чтожъ касается до моего господина, помышляющаго только о той молодой женщинѣ, то онъ побѣжалъ къ ней, и всѣми способами старался ей показать чувствуемое имъ удовольствіе, видя ее столь прекрасною, какъ я, обратя вдругъ взоры свои на сію невольницу, узналъ въ ней прекрасную Маргону. Естьли я толико имѣлъ надъ собою власти, продолжалъ Катифей, удержаться отъ изъявленія почувствуемой мною чрезмѣрной радости, что нашелъ дражайшую мою повелительницу, и той печали, коею я сталъ вдругъ объятъ, видя ее въ рукахъ

такого

такого человѣка, который объявилъ мнѣ свою къ ней склонность: то напротивъ того моя любезная не имѣла толико силы; она ко мнѣ подбѣжала съ разпростертыми руками, и обнимая меня съ величайшею горячностію, произносила съ радости великой крикъ, которой бы показалъ довольно, сколь много я для нее нуженъ, естьли бы она для предупрежденія Губернатора въ безпокойствѣ къ нему не обратилась, и не начала говорить:

ВЕЧЕРЪ LVIII.

Продолженіе приключеній Катифея и Маргоны.

Прости, государь! первыя движенія, которыхъ Цобейяса преодолѣть была не въ силахъ, сказала тогда Маргона; я не удивляюсь прелестному вкусу, въ сихъ мѣстахъ царствующему, понеже во власти твоей такого человѣка имѣешь, который не только въ таковыхъ украшеніяхъ весьма искусенъ, но еще почти и подобнаго себѣ не находитъ въ представленіяхъ разныхъ лицъ. Хотя онъ и не комедіянтъ, однако всѣ способности онаго имѣетъ. Какъ онъ былъ братъ покойнаго моего мужа, которой къ таковымъ увеселеніямъ также особливую показывалъ склонность, то мы иногда у себя дома забавлялись представленіемъ нѣжнѣйшихъ театральныхъ сочиненій восточныхъ нашихъ стихотворцовъ; а часто играли изъ своей головы вдругъ, такъ чтобы и они не устыдились приписать себѣ оное. И такъ не дивись, государь! естьли свиданіе съ симъ человѣкомъ произвело

во мнѣ толь великую радость, и естьли оную показала я безъ всякой умѣренности; благочиніе не нарушено данными мною ему ласками при толь нечаянномъ свиданіи; и естьли покойный мой супругъ дружбѣ моей съ нимъ не сопротивлялся, но паче утверждать оную искалъ: то льщусь, что ты, государь! оправдаешь теперешній мой поступокъ.

Хотя взоръ Маргоны, продолжалъ Катифей, и привелъ меня въ крайнее удивленіе; однако прилѣжное вниманіе, съ каковымъ Альмамонъ слушалъ ея рѣчи, подало мнѣ время притти въ себя; и хотя трудно мнѣ было представить такого человѣка, каковымъ она меня объявила; однако принужденъ былъ поступать по ея мыслямъ. Прекрасная Цобейяса! сказалъ я ей, нещастный Мани не чувствуетъ болѣе тяжести оковъ своихъ, понеже ихъ съ тобою раздѣляетъ, и наложены онѣ на него толь милосердымъ господиномъ; я не хочу отъ него скрывать, что, увѣдавъ о твоемъ похищеніи, ѣздилъ я по симъ морямъ для возвращенія тебя, когда то возможно, въ твое отечество, какъ буря занесла меня на берега Бравскіе, и лишила насъ вольности. Но сколь мы оба благополучны, что великодушному Альмамону достались! Онъ тебя, дражайшая Цобейяса! любитъ, сіе могла ты изъ страстныхъ его поступокъ примѣтить; и естьли бы почтеніе, которое господинъ не всегда къ невольницѣ имѣетъ, не обуздало его желаніями, то уже давно узнала бы ты о его къ тебѣ склонности; но естьли до сихъ поръ старался онъ себя принуждать, и не хотѣлъ

тебѣ

тебѣ изъяснить оной, то сіе заставляетъ его льститься, что по крайней мѣрѣ будешь ему за то благодарною. Маргона, которая склонность къ ней Альмамонову уже довольно примѣтила, прервала рѣчь мою въ семъ мѣстѣ, и воспомня о имени, коимъ называлъ я себя при начатіи моей рѣчи: государь! сказала она Губернатору, ни мало ненужно было, чтобы Мани служилъ мнѣ изтолкователемъ твоего сердца; пріятное стремленіе, коимъ я никакъ побороть не могла, произвело во мнѣ къ тебѣ въ самую ту минуту, въ которую я тебя въ первый разъ увидѣла, самую искреннюю дружбу, каковую душа моя можетъ чувствовать; тѣмъ плѣнъ мой сталъ мнѣ гораздо сноснѣе; а безъ сихъ чувствованій, вкравшихся въ меня, такъ сказать, противъ моей воли, не имѣла бы я довольно силы къ снесенію оковъ моихъ, сколь ни легки онѣ по твоему ко мнѣ снисхожденію. Не спрашивай же меня, государь! о томъ болѣе, и будь такимъ признаніемъ доволенъ, которое тебѣ дѣлаю не устыжаясь, понеже оно честь мою не нарушаетъ.

Альмамонъ, который сперва знакомствомъ Цобейясы со мною приведенъ былъ въ крайнее безпокойство, тронулся послѣднею рѣчью сей красавицы. Дражайшая моя! сказалъ онъ ей, не взирая на всю чувствуемую мною къ тебѣ горячность, не могу и самъ я понять состоянія моего сердца; хотя я взоромъ Цобейясы и былъ тронутъ, однако въ сію минуту не почувствовалъ въ себѣ того мятежнаго возхищенія, кото-

рое такую страсть предвѣщаетъ, коей слѣдствія почти всегда бываютъ опасны, когда она умомъ нашимъ съ толикою силою овладѣетъ. Напротивъ того почувствовалъ я въ душѣ моей такую тишину, каковой я въ подобныхъ случаяхъ никогда не обрѣталъ, и кажется, природа веселилась впечатлѣніемъ въ сердце мое чувствований почтенія, погасившихъ, такъ сказать, всякое вожделѣніе, къ которому прелести и красоты твои возбуждаютъ. Мнѣ причина того безъизвѣстна; но какая бы она ни была, со всемъ тѣмъ признаюсь, что не могу на нее жаловаться, и радуюсь тому, что присутствіе Маніево прогоняетъ на нѣсколько минутъ печаль твою. Что же до тебя, другъ мой! касается, сказалъ мнѣ тогда Альмамонъ, то не скрывай отъ меня теперь своихъ дарований; развѣ тебѣ безъизвѣстно, что сей свѣтъ есть ничто иное, какъ большой театръ, на которомъ всякой дурную, или хорошую роль играетъ, и что лица, представляемыя у насъ, бываютъ часто слабыя списки съ настоящихъ образцовъ? Злословіе, обманы, ложь, ласкательство и жадность къ имѣнію не всякой ли день подаютъ новыя матеріи къ охужденію? Сіе, любезный Мани! неизчерпаемо, и всякой изъ насъ въ собственной своей семьѣ находитъ, хотя нѣсколько оную разсмотритъ, предметы посмѣянія достойные и притомъ всегда новые. Люди, не изключая почти ни одного бываютъ болѣе, или менѣе смѣшны; я самъ можетъ быть таковъ болѣе другаго; но смѣюсь въ другомъ тѣмъ же недостаткамъ, коихъ въ себѣ не вижу; самолюбіе ослѣпляетъ

всѣхъ

всѣхъ насъ. Возможно ли, на примѣръ, чтобы сей Кади, коего познанія равняются съ его честностію, и который всѣми изящными качествами обладаетъ, каковыя только человѣкъ состоянія его имѣть долженъ, не примѣтилъ, что затмѣваетъ ихъ гордымъ и надмѣннымъ своимъ видомъ? Не лучше ли бы для него было, естьли бы онъ съ другими людьми обходился, и ласковостію своею, которая дѣлала бы его у всѣхъ любезнымъ, вмѣсто того, что ненавидятъ его можетъ быть не безъ причины, не лучше ли бы стараться привлекать къ себѣ сердца всѣхъ тѣхъ, кои дѣло съ нимъ имѣютъ? Но они подходятъ къ нему съ трепетомъ, и получая въ дѣлахъ своихъ справедливость, выходятъ изъ судилища своего судомъ недовольными.

Естьли сей старый Музульманъ въ дряхлыхъ своихъ лѣтахъ пріуготовляетъ насъ къ смѣху, представляя волокиту, и по сумасходству своему вздумалъ, что онъ обладаетъ сердцемъ всѣхъ нещастныхъ невольницъ своего сераря: то не всего ли на свѣтѣ гнуснѣе и подлѣе зрѣть сихъ самыхъ женщинъ, стенящихъ внутренно, что должны сносить бѣшенства стараго хрыча, и не взирая на то, старающихся о полученіи его къ себѣ благосклонности и показывающихъ другъ къ другу величайшую ревность, въ то самое время, когда въ душѣ своей проклинаютъ предметъ онаго.

Кто можетъ отъ смѣха удержаться, видя младаго своего любимца, котораго въ позлащенной

ной колясочкѣ несутъ по городу дватцать четыре невольника, всякой часъ перемѣняющіеся, который показываетъ тѣмъ самую смѣшную пышность, мня удостовѣрить все общество, что никто столь недостоинъ того мѣста, кое онъ у Государя занимаетъ. Облеченъ будучи въ драгоцѣнныя парчи, почитаетъ за безчестіе поклониться пѣшеходцу и невеликолѣпно одѣтому; дѣлаетъ же сіе тотъ, который прежде своей знатности, поднимающей у него голову на небеса, и заставляющей взирать на землю съ презрѣніемъ, почиталъ себя щастливымъ, что тѣ самые люди, коимъ онъ не хочетъ поклониться, доставляли ему весьма посредственнымъ жалованьемъ нужное къ пропитанію, который нынѣ платья три, или четыре во всякое годовое время перемѣняетъ, а сперва имѣлъ только одно, кое носилъ онъ и лѣтомъ и зимою, токмо съ тою разностію, что въ сіе послѣднее годовое время подшивалъ для теплоты мѣхъ весьма простый и небогатый.

Согласись же, другъ мой! что почти всѣ люди смѣшное въ себѣ имѣютъ, и что наши страсти владычествуютъ надъ нами съ толикою силою, что, ослѣпляя, дѣлаютъ насъ по справедливости предметомъ посмѣянія другихъ; и такъ при семъ случаѣ покажи все твое искусство о сей матеріи. Плодовитость твоего разума и природная твоя къ тому склонность похвалены теперь Цобейясою столь много, что нетрудно тебѣ будетъ сдѣлать для насъ хотя малое увеселеніе.

Я наклонилъ голову, продолжалъ Катифей, желая показать Губернатору, что ему съ охотою повинуюсь; и ожидалъ того, чтобы Цобейяса открыла мнѣ свои намѣренія. Будучи одарена проницательнымъ разумомъ, примѣтила она тотчасъ мое смятеніе, и пользуясь хорошими о насъ мыслями Альмамона, и легковѣрностію его въ разсужденіи насъ: государь! сказала она ему, общія наши прискорбія и состояніе, въ которомъ мы находимся, не позволяютъ намъ, по крайней мѣрѣ мнѣ, представить вамъ теперь что смѣшное, или играть тѣ лица, кои мой мужъ, Мани и я прежде сего представляли. Нещастія мои выгнали у меня ихъ изъ памяти; однако естьли вы дадите мнѣ собраться хотя нѣсколько съ мыслями, то вспомню что нибудь приличное къ сему увеселенію, и оба мы представимъ вамъ, сколько силъ нашихъ достанетъ; а между тѣмъ пускай ваши невольники представятъ ими уже выученное.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

